

БИБЛИОТЕКА BATTLETECH

Райнхольд Х. Май

Дело «Альбатроса»

Battletech book series

Reinhold H.Mai

Copyright © 2006

Перевод с немецкого издания «Die Albatros-Akte» Борис «Эрфарот» Немировский

Под редакцией Катарины Альтнер 2006 г.

Библиотека Battletech © 2007 www.cbtbooks.net

Форум: <http://www.cbtbooks.net/phpBB2/index.html>

Форматирование текста, корректура, вёрстка, редактирование: *Леонид Шагидуллин aka Leonid*

Посвящение переводчика:

Моей жене Кате, любительнице «Унесённых ветром» и Франсуазы Саган, за то, что она не только не подняла на смех мое увлечение переводами из «какой-то там фантастики», но и поддержала меня в этом безумном начинании.

Благодарности переводчика:

Leonid'у Леониду Шагидуллину и всей «Библиотеке БТ» - за то, что это есть на свете. Без Лени я бы даже не взялся за перевод.

DejaVu Андрею Помникову - за постоянную поддержку, выраженную в виде шпыняния шилом под хвост на тему: «Ну когдаааа же я прочту следующие главы?». Не будь тебя - я бы все еще переводил, в год по чайной ложке.

Внимание!

Эта электронная книга не предназначена для коммерческого использования! Приобретите лицензию у правообладателей: FanPro™ и WizKids Games™ Catalyst Game Labs™.

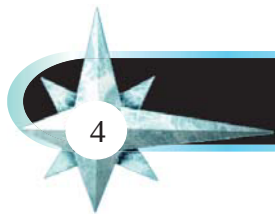
Проект «Библиотека Battletech» является некоммерческим, создан с целью исправления русских текстов и переводов. При размещении данной книги на каком-либо ресурсе, просим указывать ссылку на страницу «Библиотеки Battletech».

Настоятельно рекомендуем Вам читать эту книгу при разрешении монитора не ниже 1024x768 пикселей, с частотой смены кадров для ЭЛТ монитора не менее 85 Гц. Не забывайте делать перерывы каждый час не менее чем на 10 минут. Несоблюдение данной рекомендации может повлечь ухудшение зрения и головные боли.

Оптимальным представляется чтение с экрана ЖК-монитора с диагональю не менее 17". Лучше всего, если он имеет функцию Pivot (поворот экрана на 90 градусов в портретную ориентацию).

Райнхольд Х.Май. Дело «Альбатроса»

Глава 1.....	5	Глава 25.....	86
Глава 2.....	9	Глава 26.....	88
Глава 3.....	12	Глава 27.....	92
Глава 4.....	15	Глава 28.....	96
Глава 5.....	19	Глава 29.....	98
Глава 6.....	22	Глава 30.....	101
Глава 7.....	25	Глава 31.....	104
Глава 8.....	29	Глава 32.....	106
Глава 9.....	34	Глава 33.....	109
Глава 10.....	37	Глава 34.....	113
Глава 11.....	41	Глава 35.....	116
Глава 12.....	44	Глава 36.....	119
Глава 13.....	47	Глава 37.....	121
Глава 14.....	51	Глава 38.....	125
Глава 15.....	56	Глава 39.....	128
Глава 16.....	59	Глава 40.....	131
Глава 17.....	61	Глава 41.....	133
Глава 18.....	65	Глава 42.....	136
Глава 19.....	68	Глава 43.....	139
Глава 20.....	70	Глава 44.....	142
Глава 21.....	73	Глава 45.....	145
Глава 22.....	77	Глава 46.....	147
Глава 23.....	80	Глава 47.....	150
Глава 24.....	83	Глава 48.....	152

Дело “Альбатроса” Райнхольд Х. Май

В 2838 году Внутреннюю Сферу охватила война. После небольшой передышки повелители великих домов натравили человечество друг на друга во второй наследной войне. И снова Лиранскому Содружеству приходится воевать на два фронта. В этой ситуации нужно собрать все силы, чтобы победить врага.

Однако далеко за линией фронта, в протекторате Донегол, появляется новая опасность. Архонет Мэгона Кристиан Делкорд решил построить собственную империю среди владений дома Штайнеров и ни один из мехгарнизонов атакованных им миров не может противостоять его войскам. Словно по волшебству, могучие машины ломаются, стоит им выйти на бой против солдат Делкорда.

Обладает ли Делкорд новейшим оружием, которое позволяет ему сбросить с трона королей сражений? Если да – нужно во что бы то ни стало предотвратить его попадание в руки враждебных сил. Секретная служба Лиры – ЛРК – отправляет в опасную зону четверых лучших агентов – они должны разобраться в обстановке, пока этого не сделал враг.

Данное повествование является вымышленным. Ни одно из описанных в книге событий не происходило на самом деле или сходным образом. Архонет Кристиан Делкорд – реальный исторический персонаж, однако он умер в декабре 2838 года от внезапной остановки сердца, после долгой и верной службы Лиранскому Содружеству.

Глава 1

*Посадочный корабль «Звёздная Пыль», система Донегола
Район Донегол, протекторат Донегол
Лиранское Содружество
9 августа 2838 года*

Темнота. Темнота и духота. На его потное тело давит влажный, жаркий воздух. Со всех сторон в уши бьёт грохот. Удары, скрежет, свист. Жуткая какофония. В нём поднимается волна паники. Он не знает, где находится. В этом аду он едва сознает, кто он такой.

Почему так темно? Что случилось? Он садится и ощущает потолок, нависший прямо над его головой. Попытавшись поднять руку, он ударяется локтем о стену. Его пронзает острая боль. *Только не снова! Опять эта кость! Дерьмо!*

Вдруг он осознает, где он. Он лежит на своей койке. Как давно он вообще лёг, чтобы хоть немного отдохнуть, прежде чем вернуться на свой пост? Ему кажется, что не прошло и двух минут, но этого не может быть. Он слишком дезориентирован.

Почему такая темнота? Обычно командные кубрики не такие тёмные. А тут даже аварийного освещения нет. Это не к добру. Чтобы на боевом крейсере класса «Блэк Лайон» вырубилось электричество – это надо хорошо постараться. Он протягивает руку к выключателю над койкой, чтобы удостовериться.

Неожиданно корабль сотрясает мощный удар. Его бросает на стену и он крепко прикладывается лбом.

Когда он вновь приходит в себя – вокруг тишина. Ни единого звука.

Этого не может быть. На космическом корабле никогда не бывает так тихо. Он что, спит? Он дает сам себе пощечину. *Ай!* Весьма чувствительно. Значит, это не сон.

Вокруг по-прежнему полная темнота – темнота и тишина. Он поднимает руку к уху, чувствует влагу. Лизнув палец, ощущает вкус крови. Она течет из ушей. Что-то разорвало ему барабанные перепонки. Он дотрагивается до носа. Нос тоже кровоточит.

Вдруг он понимает, что кашляет. Ему не хватает воздуха. *Паническое состояние?* Нет. Нет, он вполне владеет собой. Но дышать становится всё тяжелее. *Это значит, что...*

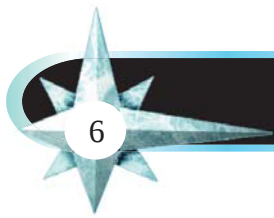
Пробоина. Корабельный воздух уходит в космос. Но ведь каюты команды находятся глубоко в недрах корабля. Если пробоина дошла до них – получается...

Получается, что корабль – в руинах. Очевидно, битва завершилась не в пользу Содружества. Заваливаясь – когда? – в изнеможении в койку, он не замечал, чтобы хоть что-нибудь указывало на подобную катастрофу. Лиранцы и лигисты выставили на кон почти всё, что могли наскрести из своих боевых космических сил в этом секторе, и шансы на победу над агрессором были довольно неплохими. А теперь вот...

Грудь жадно вдыхала редющий воздух, легкие разрывались. Он должен добраться до спасательных капсул. *Если на борту осталась ещё хоть одна.* Вполне возможно, что остатки команды давно сбежали. Кто знает, сколько времени он провалялся без сознания. *По крайней мере, двигатель, похоже, еще работает, раз сила тяжести не исчезла.*

Он понял свою ошибку, попытавшись пошевелиться. Он зажат в ловушке, двигаются только голова и правая рука. Вот теперь в нём и в самом деле зашевелились панические мысли. Он попытался пошевелить ногами и понял, что вообще их не ощущает.

Он оказался в ловушке. Глухой, парализованный, быть может – слепой. И с каждым вздохом воздуха становится все меньше. Он умрет... задохнется. Медленно. Мучительно. В темном кубрике, в гробовой тишине. В огромном, умирающем космическом корабле. В пустоте ледя-

ного, равнодушного космоса...

С диким криком Аким Баликчи вскочил и ударился головой о нижнюю поверхность койки, расположенной на «втором этаже». Он весь покрылся потом, сердце его молотом стучало в груди. Широко раскрыв глаза, он сел на койке. Ухватившись обеими руками за страховочную сеть, укрепленную на переборке, он держался за неё, пока его дыхание не успокоилось и кашель не прошел.

Всё было в порядке. Он, целый и невредимый, находился на борту «Звёздной Пыли», посадочного корабля класса «Леопард», который должен был доставить его и троих членов его команды к прыжковой точке. Его уши отлично работали и слышали негромкий, успокаивающий гул термоядерного реактора, который нес корабль за многие миллионы километров, создавая на борту постоянную силу тяжести в одну терранорму. И он слышал стук в переднюю переборку и озабоченный вопрос командира группы Харальда Краузе из соседней каюты:

– Что случилось, Рыбак? Всё в порядке?

– Спасибо, всё нормально. Просто страшный сон, – ответил Аким, всё ещё немного дрожа. Он оглядел свою каюту.

– Ну, ладно. Почитайте что-нибудь, прежде чем снова лечь. Или загляните в кают-компанию, возьмите чего-нибудь выпить.

Скорее всего, это был хороший совет.

– Будет сделано. Спокойной ночи.

Вообще-то, Аким думал, что преодолел свою космобоязнь. Работая в Лиранском Разведывательном Корпусе, он вынужден был постоянно летать в самые отдаленные уголки Содружества и других государств-наследников Внутренней Сферы, и, невзирая на возникающее изредка чувство неуверенности при мысли о бесконечной пустоте космоса, подобных ночных кошмаров он не переживал с самого детства. Он снова вспомнил сообщение о смерти своего отца на борту боевого крейсера лиранских космических сил «Шарнхорст». Его тело не было найдено, но было известно, что, сменившись с поста, он напрямик отправился в свою койку, чтобы выспаться, и во время эвакуации не покидал корабля. Предположительно, он ещё долгие годы летел вместе с безжизненными останками крейсера сквозь пустоту, пока не рухнул в солнце и не сторел.

Тогда кошмары преследовали Акима долгие месяцы. Страх погибнуть так же, как его отец Хасан, играл важную роль в его решении порвать с семейной традицией и не вступать в войска Содружества, а пойти в гражданскую секретную службу, ЛРК. Конечно же, он всё равно должен был пройти действительную военную службу, но благодаря связям, которые его семья десятилетиями имела с армией, ему удалось провести её в гарнизонах родной планеты Кандерстег.

Он оглянулся в тесноте каюты. Ничего удивительного, что у него возникли проблемы со сном. Однотонный серый цвет, между обеими торчащими из переборки койками и дверью места как раз достаточно, чтобы одеться и проскользнуть в душевую кабину. Никаких украшений, никакой мебели. Только два рундука под его койкой и маленький откидной столик около двери. Всё это неприятно напоминало ему металлический гроб.

Он решил никогда больше не насмехаться над симулированными окнами в каютах гражданских судов, которыми обычно пользовался. Его всегда удивляло, если в каюте, расположенной глубоко в недрах корабля, он вдруг обнаруживал то круглое, а то квадратное окошко, сквозь которое имел возможность взглянуть на окружающий космос и планету, откуда судно только что стартовало. Конечно же, эти окна были не более чем голопроекторами, демонстрирующими изображение, передаваемое бортовыми камерами, и конечно, из всех кают было видно одно и то же, вне зависимости от их местоположения. Но, похоже, он недооценил психологическое влияние этих окон, если уж они даже ему, не шибко жалующему открытый космос человеку, помогали пережить полет без приступов клаустрофобии.

Впрочем, обнаружил он всё это лишь теперь, когда оказался вынужден путешествовать на борту военного корабля, где для подобной роскоши не было места.

Аким опустил ноги на пол, открыл правый рундук и вытащил боевое облачение, лежавшее сверху аккуратным свертком. Молча одевшись, он покинул каюту. Краузе прав. Ему требова-

лось отвлечься, чтобы позже попытаться снова уснуть. Поэтому он отправился по длинному коридору к небольшой кают-компании посадочного корабля. Ему требовалось выпить. И побыть в обществе. Кают-компания служила в обеденное время в качестве места сборов и обычно здесь можно было кого-нибудь застать.

В данный момент, однако, свет был притушен и в первую секунду ему показалось, что он находится в кают-компании один. Но тут за его спиной кто-то прокашлялся.

Аким повернулся и увидел Масако Шлютер, сидящую с чашкой чая в дальнем конце обеденного стола, за которым девять членов команды и сменные пилоты обычно принимали пищу. Она дружески кивнула и указала на стойку:

– Если хотите, там есть кофе и горячий чай.

– Спасибо.

Он тоже налил себе чашку чаю и подсел к ней. Она выглядела несколько сонной и впечатлительной, когда она прикрыла рот рукой и зевнула.

– Извините. Не подумайте, что это у меня на вас такая реакция.

– Я и не думаю. Который час? Я удивляюсь, что тут больше никого нет.

Он улыбнулся. Скорее всего, он также не выглядел особенно выпавшимся. Невольно он провел ладонью по волосам. Сообразив, что даже не взглянул в зеркало, прежде чем покинуть свою каюту, он нахмурился.

– Четыре тридцать по корабельному времени. Дневная вахта спит по койкам, а ночная – на своих местах. Обычно здесь должны были оказаться два-три теха или пилота, но на этот раз «Звёздная Пыль» перевозит только нас четверых и двоих техов, – она улыбнулась, – Что, проблемы с переходом на летнее время?

Вот уже столетия на борту космических кораблей время отсчитывалось по меркам Терры – оно очень редко совпадало с времяисчислением посещаемых ими планет. На борту гражданских судов разница во времени преодолевалась постепенно – бортовые хронометры каждый день долгого полета к планете или к прыжковой точке понемногу подтягивались к нужному ритму – но и это была роскошь, отсутствующая на военных кораблях.

Аким оглядел весьма привлекательную евроазиатку с раскосыми миндалевидными глазами. Он познакомился с ней около двух дней назад, после отлета корабля, и первое, на что он обратил тогда внимание – завлекательный аромат, окутывающий ее подобно невидимой ауре и оказывающий на него расслабляющее влияние. Теперь этот запах соединился с горячим чаем и воздействие стало еще более интенсивным. Он невольно улыбнулся:

– Знаете, что? Похоже, вы правы. Как минимум, это играет свою роль. Может быть, дело не только в духоте и тесноте моей каюты.

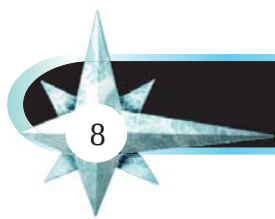
– Воздух в каютах и в самом деле мог бы быть получше, – кивнула она, – но боевые корабли никогда не славились чистотой атмосферы, – она засмеялась, – Полагаю, наша ситуация даже лучше обычной. Как минимум, нам выделили по отдельной каюте. В стандартной обстановке было бы куда теснее.

Он сделал большой глоток из чашки и закрыл глаза, наслаждаясь теплом.

– Думаю, мы ещё соскучимся по этому спокойствию, когда окажемся на Людвигсхафене. Хотя я нахожу, что здесь все-таки довольно тесно.

Корабли класса «Леопард» массой 1800 тонн, вроде «Звёздной Пыли», были самыми маленькими мехтранспортерами, стоящими на вооружении флотов Внутренней Сферы. Как и у всех посадочных кораблей, гражданских и военных, их предназначение заключалось в перевозке людей и грузов между обитаемыми планетами в пределах одной системы, а также к прыжковым точкам над полюсами звезды этой системы, где их ожидали огромные прыжковые корабли, осуществляющие межзвёздные перевозки.

Только эти гигантские, веретенообразные суда, оборудованные двигателями Керни-Футиды, позволяли преодолеть бездонные космические пропасти между звездами за более-менее приемлемые временные отрезки. Для этого двигатель пробивал дыру в пространственно-временном континууме, сквозь которую корабль с грузом и командой за неуловимо короткий отрезок

времени «проваливался» к заранее определенным координатам на расстояние до тридцати световых лет.

К несчастью, при этом двигатель использовал невероятное количество энергии, так что после каждого прыжка требовалась в среднем неделя, чтобы вновь его зарядить. Обычно это происходило в прыжковых точках, где корабль собирал энергию звезды с помощью своего солнечного паруса – тончайшего полотна, состоящего из сегментов солнечных батарей и раскинувшегося на несколько квадратных километров. После каждой остановки парус с величайшей осторожностью разворачивался, а перед прыжком вновь сворачивался. Без своего паруса прыжковый корабль был практически беспомощен. Теоретически было возможно зарядить двигатель от термоядерного реактора, однако это было связано с величайшим риском, так как приток энергии должен был быть отрегулирован с невероятной точностью, чтобы не сжечь двигатель.

Некоторые прыжковые корабли были оборудованы так называемыми литиевыми термоядерными батареями, которые позволяли накопить энергию для второго прыжка, но большинство подобных систем предназначалось для мощных боевых судов регулярных армий, которые, как крейсер ЛВС «Шарнхорст», почти полностью были уничтожены в ходе завершившейся в 2821 году первой наследной войны. В данный момент Лиранское Содружество располагало одним-единственным боевым кораблем подобного класса, крейсером ЛВС «Инвинсибл», да и у других государств-наследников дела обстояли не лучше. Транспортные прыжковые корабли с литиевыми батареями были редкостью и Аким не питал надежды, что один из них ожидает его группу.

Коллега откинулась на спинку дивана и изучала его полуприкрытыми глазами.

– Эта одежда вам подходит. Спорю, что в униформе вы выглядите просто потрясающе. Прирожденный солдат.

Он ухмыльнулся:

– Это наследственность. Баликчи служили в армии, еще когда Лиранское Содружество только было основан. С тех пор каждое поколение поставляло солдат для ЛВС.

– Впечатляет. Что же вы тогда делаете в разведке?

Аким поморщился. Этот вопрос опять пробудил воспоминания о его кошмаре.

Масако заметила его реакцию и подняла руку в защитном жесте:

– Я не навязываюсь. Можете не отвечать, если не хотите.

– Нет, все нормально. Может, даже лучше, если я об этом расскажу, – он поведал ей о гибели своего отца в завершающей фазе первой наследной войны и о страхе погибнуть так же, который опять настиг его в этом полете. Он сам удивился тому, как легко заговорил о своей проблеме с этой женщиной, с которой не был знаком еще сорок восемь часов назад. Но что-то в ней облегчало задачу выговориться – и, в конце концов, они были коллегами. *Я надеюсь, остальных членов группы Корпус подобрал так же удачно. Держу пари, что она – одна из лучших агентов.*

Пока Аким рассказывал, она внимательно слушала, а когда он закончил, то в первый момент ничего не сказала – встала и прошла с пустыми чашками к стойке. Она поставила перед ним еще одну чашку чаю и вытащила небольшую серебристую фляжку из внутреннего кармана своей полевой куртки.

– Донегольское виски двадцатилетней выдержки. Плесните немного в чай. Это от многого помогает. Завтра утром вы должны быть отдохнувшим. Нас ждёт первое обсуждение задания.

Она опять села.

Он с благодарностью принял ее предложение и на мгновение поднес фляжку к носу, прежде чем снова закрыл ее и вернул владелице. Запах спиртного мягко ударил в голову.

– Хм, – пробормотал он удовлетворенно, – такую штуку не каждый день можно себе позволить, – он отпил глоток и почувствовал, как напряжение покидает его. Неожиданно он икнул. Взглянув на Масако, он увидел, что она дружески улыбается.

– Вообще-то, я, скорее, ожидал от вас саке, а не ирландского виски.

Евроазиатка подняла левую бровь:

– Ну-ну, и кто же тут обманывается внешностью? Даже и с азиатскими предками я – стопроцентная лиранка. Иначе я вряд ли оказалась бы в рядах Корпуса.

Аким извинился:

– Вы правы. Это все моя усталость, умноженная на спиртное, – он зевнул, прикрыв рот ладонью, – Кстати, об усталости. Спасибо за виски и за то, что выслушали, но я полагаю, что достиг нужного состояния, чтобы рухнуть обратно в койку. Сколько у нас ещё времени до совещания?

Она взглянула на часы.

– Семь с половиной часов. Вычитите полчаса на завтрак – и можете спокойно отсыпаться.

– Замечательно. Тогда – увидимся завтра утром. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, Аким. И... *приятных сновидений.*

Глава 2

Посадочный корабль «Звёздная Пыль», система Донегола

Район Донегол, протекторат Донегол

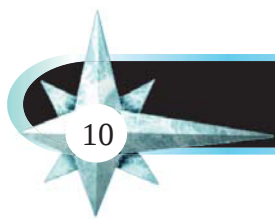
Лиранское Содружество

10 августа 2838 года

Харальд Краузе захлопнул компблок и оглядел собравшихся. Его взору предстали расслабленные, заинтересованные лица. Слева от него, распространяя потрясающий аромат, сидела Масако Шлютер, красавица-агент евроазиатского происхождения с глазами, в которых можно было утонуть. Если бы он увидел ее где-нибудь на улице или в кафе – никогда бы не поверил, что она – обученный мехпилот и владеет несколькими видами боевых искусств, однако именно это и делало её особо ценным агентом. В качестве руководителя группы он видел её досье: несмотря на довольно юный возраст, её успехи были весьма впечатляющими. Впрочем, это относилось и ко всем остальным в группе.

Напротив сидела Антонелла Зонненшайн, вторая женщина в команде. В сравнении со Шлютер специалистка по логистике выглядела мальчиком, причем короткие волосы и свободная одежда усиливали это впечатление. Тем не менее, она обладала собственным шармом, который весьма импонировал Харальду. Впрочем, он следил за тем, чтобы ни в коем случае не показать своих чувств. В конце концов, он читал и её досье, и первое, что бросилось ему в глаза – психологическая оценка, согласно которой Зонненшайн патологически не доверяла никому вокруг и всегда резко реагировала как на настоящие, так и на надуманные оскорбления.

Впечатляющий список переводов с места на место, который она заработала всего за шесть лет службы, был недвусмысленным доказательством этой оценки. Кроме того, он пояснял, что делала такая отличная мехпилот в секретной службе. Лиранские вооруженные силы с треском вышвырнули её после того, как она отрегулировала пружинный механизм командного кресла

некоего гауптмана, несправедливо наказавшего её дополнительными часами рабочей смены, так что после очередных маневров он двое суток не мог разогнуться, не говоря уже о возможности присесть. Начальники ЛРК были куда терпимее, пока она справлялась с полученными заданиями и ни одно из её сумасшедших походов не мешало делу. Она выполняла оба эти условия – тем не менее, любой агент, работавший с ней, имел все шансы получить надбавку за телесные повреждения.

Харальд заметил, что уставился на Зонненшайн, когда её брови опасно сдвинулись к переносице. Он поспешно повернул голову и взглянул на последнего члена группы, Акима Баликчи. Встретившись с этим человеком впервые, во время старта «Леопарда», он принял его за военного, который сопровождал погрузку на борт боевых мехов – по крайней мере, до тех пор, пока не заметил, что у Баликчи нет никаких знаков различия. Подобное впечатление у постороннего наблюдателя автоматически вызывала его выправка и короткая стрижка. И в самом деле, этот агент происходил из семьи с насчитывающей сотни лет военной традицией. Харальд вообще удивлялся, почему эту группу возглавил не Баликчи – в конце концов, при исполнении миссии, во время которой они должны были выдавать себя за служащих ЛВС, подобный командир был бы как нельзя более кстати. Но он полагал, что его начальство в ЛРК знало, что делало.

Он открыл сумку и вытащил четыре кабеля, подключил два к своему компблоку и протянул свободные концы вместе с двумя другими шнурами налево и направо. Как только все агенты объединили свои компьютеры в сеть, он начал совещание.

– Итак. Давайте-ка сразу к делу. Перед вами на экранах – регион Мэгона. Он расположен в провинции Ковентри протектората и находится под управлением архонета Кристиана Делкорда.

Баликчи нахмурился.

– А что, в правилах для архонетов что-то изменилось, о чем я не знаю? Насколько мне известно, сфера влияния архонета распространяется на системы, лежащие на расстоянии одного прыжка от его родного мира – в данном случае Мэгона. Но на карте обозначены также и Блюменорт с Тимехри.

– Именно так. Делкорд не следует правилам. Впрочем, этот факт сам по себе не был бы причиной втягивать в дело нас. Однако складывается впечатление, что архонет занят завоеванием собственной небольшой империи, на верность которой Содружеству мы больше не можем рассчитывать.

Остальные агенты переглянулись.

– Завоеванием? – спросила Антонелла Зонненшайн. – Это как понимать – он использует силу, чтобы заставить другие лиранские миры подчиняться себе? Насколько мне известно, такие вещи называются предательством.

Баликчи кивнул:

– Так и есть. Обычно с такими происшествиями разбираются ЛВС – они бы разоружили Делкорда и отправили бы его прямо в трибунал. Удивительно, однако, что «завоевание» Делкордом Блюменорта и Тимехри прошло почти без применения силы – несмотря на то, что гарнизоны обоих миров оказали сопротивление.

Масако Шлютер вопросительно склонила голову:

– По-моему, вы противоречите сами себе.

– Нет. Именно в этом и заключается проблема. Согласно всем имеющимся данным, Делкорд располагает только конвенционными войсками, в основном – бронемашинами. У него есть доступ к боевым мехам в гарнизонах на официально подчиненных ему планетах – насколько их командиры были готовы его поддержать...

– Что, как минимум, сомнительно, – вставил Баликчи.

– В самом деле, – продолжил Харальд, – Но он так или иначе не затребовал их поддержки. Напротив: планетарные агенты ЛРК докладывают, что мехподразделения на всех его планетах были расформированы, а мехи законсервированы.

Зонненшайн почесала затылок.

– Но если он не использует мехи, как он может тогда завоевывать планеты с мехгарнизонами? Даже если там будет расположено одно звено, оно попросту вытрет пол его бронемашинами.

– Ну, как я уже сказал: именно в этом и заключается проблема. Все получилось с точностью до наоборот. Танки Делкорда сравнивали с землей гарнизонные мехи. Можете сами просмотреть отчеты.

Его коллеги вызвали нужные файлы.

– Похоже, во всех перечисленных случаях боевые мехи вышли из строя ещё до того, как начались активные действия.

Масако Шлютер быстро прокрутила отчеты на экране.

– Хромающие мехи, промахи, падения. Выглядит, как повреждение гироскопов.

– У всех мехов всех подразделений? Одновременно? – Баликчи покачал головой.

– Саботаж.

– Это может получиться максимум один раз, – возразила ему Зонненшайн. – Согласно докладам, Блюменорт пал почти за месяц до Тимехри. Значит, тамошний гарнизон был предупрежден. И их мехи как раз прошли специальную проверку на такой случай.

– И всё же, там повторился тот же спектакль, что и на Блюменорте, – кивнул Харальд. – Главное командование лиранских вооруженных сил весьма обеспокоено. Если Делкорд располагает новым оружием, которое может вот так вот, без проблем, сделать боевой мех небоеспособным, это представляет огромную опасность для всего Содружества. Даже если архонет не собирается делиться своим знанием с другими.

Шлютер кивнула:

– Ему и не надо. Как только Курита или Марик об этом прознают, они с восторгом такое оружие уведут.

– Вот именно. Так что наша задача – их опередить и выяснить, что там творится.

Баликчи откинулся в своем кресле.

– Прошу прощения... может быть, я сегодня туго соображаю, но если Делкорд нашел способ нейтрализовать боевые мехи – зачем нам понадобились наши стальные друзья в корабельном ангаре?

Харальд собрался было ответить, но его опередила Антонелла Зонненшайн:

– Если дело не в новом оружии, а всего лишь в саботаже, то у наших машин к нему иммунитет. Тогда мы сможем раздавить его бронежуков на Людвигсхафене и прекратить это чёртово наваждение. ЛРК установил, что её машины вне опасности, пока Делкорд не получит возможности их саботировать: быстрый боевой выброс на Мэгоне – и дело в шляпе.

– Конечно, только в том случае, если наши мехи до самого последнего мгновения останутся на борту, чтобы любая возможность саботажа была исключена, – дополнила Шлютер.

– Верно, – подтвердил Харальд, – Именно для этого ЛВС предоставили нам звено тяжелых мехов. «Вольверин», «Энфорсер», «Шэдоу Хок» и «Феникс Хок». У кого какие предпочтения?

Зонненшайн сочувственно взглянула на него.

– Это, скорее, риторический вопрос. Из всех четырёх моделей я обучена вождению «Шэдоу Хока», а наша подруга Масако работала только с «Вольверином» и «Фениксом». «Вольверин» вы, скорее всего, затребуете в качестве командного меха, так что распределение вполне предсказуемо.

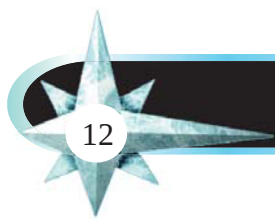
– Тогда я совершенно спонтанно выбираю «Энфорсера», – иронично заметил Баликчи.

Харальд пожал плечами с несколько кислым выражением лица.

– Хорошо-хорошо. Я просто хотел быть вежливым. В любом случае, в документации указано именно такое распределение. Кстати, мы – огневое звено, вторая рота, семнадцатая Лиранская гвардия, приписаны к гарнизону Людвигсхафена в качестве смены. Если Делкорд останется верным своему обычному распорядку, мы прибудем как раз вовремя, чтобы прописать пару пилуль его экспедиционным войскам.

– Или они нам, – ответил Аким.

– Именно так, Рыбак, – Зонненшайн кашлянула и Харальд обернулся к ней: – Да?

– Ну, товар первой свежести ЛВС нам не предоставили. Я уже осмотрела машины и должна сказать, что я от них не в восторге. У «Мадам Медузы» поврежден активатор левой руки, пальцы не раскрываются, если сжать их разок в кулак. Как минимум, они были столь любезны, что прислали запасной активатор. Да, и пока я не забыла – Рыбак? – она вопросительно взглянула на Харальда.

– Всего лишь перевод моей фамилии, – пояснил Баликчи, – похоже, наш командир – гений языкознания.

Харальд покачал головой.

– Да нет. Просто турецкий был в числе языков, которые можно было выучить у меня в школе, а я жутко втрескался в учительницу, – он широко улыбнулся. – Кто бы мог подумать, что мне он когда-нибудь еще пригодится, – он снова стал серьезным. – Я знаю, что наши машины не новы, Зонненшайн, но тому есть две причины. Во-первых, мы находимся в состоянии войны и полностью снаряженные мехи нужны на фронте, против Марика так же, как и против Куриты. Во-вторых, семнадцатая Лиранская не входит в список элитных частей ЛВС, так что если мы появимся на Людвигсхафене с новенькими машинами, это будет выглядеть подозрительно. Я уверен, что с помощью обоих сопровождающих нас техов все неисправности будут устранены до нашего прибытия. В конце концов, у нас есть еще несколько недель – больше чем достаточно, чтобы сменить сломанный ручной активатор.

Зонненшайн оглядела его с неподвижным лицом.

– Вы забыли ещё одну причину. В-третьих: зачем тратить хорошие машины на задание, во время выполнения которого они, скорее всего, через пять минут зарожутся носами в землю?

Харальд так же стойчески ответил на её взгляд. Ему на ум также пришла эта мысль, но он постеснялся её высказать, чтобы поддержать моральное состояние группы – рассуждение, до которого его коллега, похоже, не додумалась. Он собрался пояснить ей это, но Масако Шлютер нашла лучшие слова:

– Даже если подобное произойдет – это ещё не повод вешать нос. В конце концов, мы – не солдаты, привязанные к своим жестянкам. С каких это пор разведке понадобились боевые мехи, чтобы получить то, что им нужно?

Глава 3

Посадочный корабль «Звёздная Пыль», система Кумкол

Район Донегол, протекторат Донегол

Лиранское Содружество

30 августа 2838 года

– Поосторожнее... Сейчас встанет на место, – Антонелла Зонненшайн аккуратно направляла висящий на механическом манипуляторе активатор в отверстие на ладони боевого меха. Из-за особой конструкции «Шэдоу Хока» эта деталь была необычно тяжела и неудобна, так что её монтаж требовал особой прилежности. Наверное, именно поэтому техи того подразделения,

которое предоставило в их распоряжение этот мех, решили не мучиться с ремонтом и попросту прислали запасную деталь отдельно. При этой мысли Антонелла с отвращением скривила рот. Как обычно, грязная работа доставалась ей.

– Стоп! – манипулятор с громким скрипом остановился. Она заблокировала управление, вытащила руки из магнитных перчаток и осторожно скользнула вдоль активатора во внутренности меха, чтобы закрепить соединения. Как минимум, это получалось в условиях невесомости легче, чем при гравитации, даже если передвижение столь массивной детали все равно требовало технической поддержки. Невесомость хотя и делало вес активатора равным нулю, но его масса никуда не исчезла. Приведя деталь в движение, остановить ее можно было только, приложив усилие не меньшее, чем на поверхности планеты – с дополнительными осложнениями, так как можно было потерять устойчивость.

Антонелла включила укрепленную на лбу лампу и стала протискиваться с вытянутыми руками в тесную шахту. В обычном случае ей пришлось бы для этой работы размонтировать часть руки меха, но благодаря невесомости и своей худощавой фигуре на этот раз у нее получалось и так. Тем не менее, работа эта была совсем не проста и ей потребовалось несколько минут, пока она не установила и не зафиксировала все передние зажимы. Она встряхнула головой, чтобы дать отдохнуть затекшей шее, и немедленно об этом пожалела: её движение заставило капли пота сорваться со лба и они поплыли в воздухе. С мрачной уверенностью она поняла, что некоторые из них обязательно приземлятся ей в глаза.

С ремонтных лесов она услышала шаги и решила, что это один из техов поднялся на платформу, чтобы взглянуть, как она продвигается в своей работе.

– Мне бы не помешала вторая отвертка, – крикнула она.

Ответом ей было металлическое звяканье, после чего глубокий мужской голос констатировал:

– Прошу прощения, но я не могу её найти. Может, обойдётесь? – это не был голос, который она ожидала услышать.

Упираясь руками в стены шахты, девушка выбралась назад. Рядом с инструментальной сетью стоял агент Краузе и глядел на нее. Как и все на борту, он носил полевую форму ЛВС, весьма выгодно подчеркивающую его мускулистую фигуру – она не без удовольствия это признала.

– Извините, я думала, вы – Родерик. Куда он подевался? – Антонелла оглянулась.

– Ваш тех? Я видел, как он отправился к «Фениксу» Масако. Какие-то проблемы с сенсорами.

Она раздраженно дернула щекой.

– Да, её сенсорная панель просыпается через полчаса после всего остального. Что-то там с электрообеспечением. Или с бортовым компьютером. С этим она ещё не справилась, – пояснила она. – Но вообще-то, сегодня он был приписан к «Мадам Медузе». Типичный мужик: стоит на секунду упустить его из виду, он тут же вприпрыжку поскачет за первой же хорошенькой задницей, вместо того, чтобы работать.

Краузе склонил голову и поднял бровь, но Антонелла и не подумала извиняться. Если он желал обидеться – пожалуйста. Так или иначе, она включала его в понятие «типичного мужика», пока он не соизволит доказать обратное.

– Что вы на меня так смотрите?

– Да нет, ничего, – Харальд улыбнулся, – но если он и в самом деле рассчитывает на благоклонность агента Шлютер, его ждет большое разочарование. Она лесбиянка.

На этот раз поднялись уже брови Антонеллы. Мысль о том, как её неверный тех увивается вокруг коллеги-лесбиянки, привела её в хорошее настроение.

– Что, в самом деле?

– По крайней мере, так записано в её деле. Так что если кто из команды имеет шанс ей понравиться – так это вы, – он ухмыльнулся. – Собственно, я только хотел взглянуть, как вы продвигаетесь с ремонтом... «Мадам Медузы». Скажите, у этого имени есть какое-то особое значение? В вашем деле стоит, что вы называете так каждый мех, которым управляете.

– Если вы желаете просто поболтать, то позвольте мне во время разговора продолжать ремонт, – ответила Антонелла, утерла лицо и полезла обратно в руку меха. – Эта работа и так довольно затянулась.

– Пожалуйста, меня это не задевает. Может, я могу чем-то помочь? Я в состоянии делать что угодно, пока это не требует использования второй отвертки.

Ну, он хотя бы оказался настолько вежлив, что предложил помощь.

– Нет, спасибо. Я справляюсь.

– Антонелла, скажите, а зачем вы, собственно, торчите там внутри? Я полагал, за подобные работы отвечает Родерик, – услышала она вопрос Краузе.

– Когда эта жестянка пойдет в бой – ставить на кон свою задницу придется мне. Вы же сами видите, как можно полагаться на техов. Если хочешь, чтобы что-то было сделано хорошо...

– ... Делай это сам. Я понимаю, – его голос стал громче и даже несколько зазвенел, когда он засунул голову в открытый ремонтный люк. – Однако, места у вас тут немного. Может быть, удобнее было бы размонтировать броню на руке?

– Спасибо за совет, сама бы я ни за что не догадалась, – ответила Антонелла. – Прежде всего, это растянулось бы еще на более долгий срок. Мне бы всё равно было тесно, но вся рука оказалась бы разобрана. У нас просто нет такого количества времени.

– Ладно, сдаюсь. Мехтехника никогда не была моей сильной стороной. Вы явно понимаете в ней куда больше меня. Кстати, – заметил он, вытаскивая голову обратно, – времени у нас меньше, чем вы предполагаете. Только что пришло сообщение с исследовательской станции на Кумколе-семь. В системе Дукамбии нас ожидает полностью заряженный прыжковый корабль. Это сэкономит нам восемь дней перезарядки.

Антонелла свесила голову вниз и посмотрела меж собственных ног назад.

– Командная цепь?

Темное лицо Краузе снова показалось в люке – он улыбался, щурясь от света её лампы.

– Да нет, не то чтобы... Конечно, это не случайность, что «Сен-Жеран» оказался именно там, но его шкипер не имеет ни малейшего понятия, что он должен нас подхватить. Мы совершенно случайно окажемся там в нужный момент и радостно узнаем, что он собирается лететь в нужном нам направлении и у него есть свободные причалы.

– Тогда мы, предположительно, должны начинать обращаться друг к другу по-военному, если нам предстоит контакт с командой корабля. Сэр.

– Не стоит преувеличивать, Антонелла. Мы всего лишь маловажное звено маловажного подразделения. Скорее, они будут думать, что мы зовем друг друга на «ты», – он снова убрался из люка и Антонелла услышала, как он спускается вниз. Потом что-то зазвенело.

– У меня есть только пластиковая колба пива, так что чокнуться не получится, но если вы согласны – и готовы уделить мне немного времени – мы можем сделать вид, что чокнулись.

Антонелла прервала работу над соединением и задумалась.

– «Донегольское экспортное»?

– А что же ещё?

– Ладно, но в колбах у него вкус не самый изысканный, – она скользнула обратно на свободное пространство.

Он протянул ей пиво.

– Предположительно, воздействие в условиях невесомости особенно ощутимо, – сказал он и продел правую руку в сгиб ее локтя, чтобы выпить, – Ну, поглядим.

– Чтоб загнать меня под стол, нужно немного больше, чем поганое пиво, – ответила Антонелла и приложила к колбе. Когда она нажала на пластиковые бока, пиво хлынуло ей в рот, а в нос ударила пена.

– Антонелла, – сказала она и закашлялась.

– Харальд, – ответил ее шеф и чихнул, – Для друзей – Гарри.

– И как же мы назовем нашу команду?

– Есть предложения?

– Хорошо. Предлагаю – команда «Альбатрос». В честь ковыляющих мехов, из-за которых мы тут оказались. Но не так очевидно, чтобы кто-то смог что-либо заподозрить.

Харальд поджал губы, но руку не отпустил. Впрочем, она и не пыталась освободиться.

– Добро. Насколько я знаю, у нашего звена еще нет прозвища, так что мы можем намалевать альбатросов на машинах, если хотим. Если только...

Антонелла вопросительно взглянула на него.

– Если только мы перенесем выпивку по этому поводу до приземления на Людвигсхафене. Пить из этих уродских шлангов – это просто наказание.

Глава 4

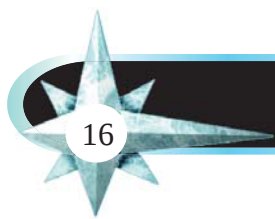
*Посадочный корабль «Звёздная Пыль»
На подлете к Людвигсхафену
Провинция Ковентри, протекторат Донегол
Лиранское Содружество
30 сентября 2838 года*

Услышав сигнал тревоги, Масако Шлютер ускорила шаги. Громкий звон, разносившийся по коридорам, был предупреждением о возможности боевых действий. Неужели они опоздали и люди Делкорда уже захватили Людвигсхафен? Вообще-то, подобного она себе представить не могла. Все-таки, они прибыли почти на две недели раньше, чем предполагалось. Конечно, она знала, чего стоит любое планирование, сталкиваясь с действительностью, но все же это было неожиданностью.

Ещё более неприятным, однако, был для нее тот факт, что ошибка в сенсорной системе её «Феникса» до сих пор не была выявлена. Системы ориентации и наведения на цель по-прежнему отказывались запускаться прежде, чем температура меха не поднималась до жёлтой отметки. Похоже, придётся полностью менять панель, а на борту это было невозможно.

Более всего её при этом злило подозрение, что она сама виновата в своих несчастьях. Приписанный к ее ангару тех, похоже, положил на нее глаз, что само по себе не было чем-то необычным. Она отлично знала, как воздействует на окружающих и пользовалась этим, как мощным оружием на службе Лиранского Содружества. Только вот его попытки сблизиться были совершенно дурацкими и при этом он оказался слишком туп, чтобы воспринять её намеки на отсутствие взаимного интереса. Она не знала, какую именно допустила ошибку, но знала, что, разозленная его настойчивостью, оказалась невнимательной во время нескольких тестовых подключений. Масако мысленно погрозила сама себе пальцем в тот момент, когда добралась до небольшой кают-компания и открыла люк.

Трое остальных членов команды уже были здесь. Гарри Краузе стоял у коммуникатора и, похоже, разговаривал с мостиком. Аким Баликчи, как обычно, сидел, словно аршин проглотил, на своем месте, в то время как Антонелла Зонненшайн подчеркнуто расслабленно покачивалась

на своем стуле, задрала ноги на стол. Подобную позу она могла себе позволить исключительно из-за своего худощавого сложения, так как стулья в помещении, как и везде на корабле, были прикручены болтами к полу.

– Что случилось? – спросила Масако. – Мы опоздали?

– Напротив, – ответила её коллега. – Мы как раз вовремя.

Она кивнула головой в сторону внешней переборки.

– Части Делкорда тоже на подлете к планете. Звонок должен был предупредить нас, что мы через несколько минут перейдем на полтора «жэ», чтобы их догнать.

Краузе повернулся к ним.

– Я попросил мостик связаться с планетарным гарнизоном и доложить о нашем прибытии. Моральному состоянию этих ребятишек не повредит новость о том, что мы тоже на подходе.

– Хотя я надеюсь на то, что гарнизонные мехи находятся в лучшем состоянии, чем наши, – заявил Аким, – Тяжёлый лазер на моей машине уже до того впал в старческое слабоумие, что из него можно выжать только половину мощности.

– Не переживай, Рыбак, – поддела Антонелла, перехватывая привычку Краузе называть Акима по прозвищу, – Если всё будет, как мы предполагаем, у тебя не будет шанса из него выстрелить до того, как ты рухнешь мордой в землю. Так же, как и мы все, – добавила она несколько менее оптимистичным тоном.

– Ничего подобного, если вся проблема заключается в саботаже, – возразила Масако и усеялась напротив Антонеллы. – Тогда хватит и «Энфорсера», действующего вполсилы, чтобы напугать этих делкордовских танкистов, – она улыбнулась Акиму, который при словах Антонеллы скорчил злобную мину, и увидела, как он расслабился.

Антонелла сняла ноги со стола и наклонилась вперед.

– Я не верю в саботаж. Слишком постоянна эта схема. Никакой диверсант, стоящий своих денег, не работает так безыскусно. Четыре меха – это значит, четыре различных ошибки. Восемь – если он знает свое дело: на случай, если первые четыре будут замечены. У боевого меха достаточно уязвимых систем, если только знать, куда сунуться со своими инструментами. А лопоухие новички в этом деле не добились бы столь постоянного успеха. Нет, тут что-то другое. Я только не понимаю, что именно, – она огляделась. – Хочу чаю!

Она попыталась встать, но тут же упала обратно на сидение, когда звук двигателей «Звёздной Пыли» чуть-чуть усилился и её вес, так же, как и у всех остальных на корабле, увеличился наполовину.

– Ой! – вскрикнула она, скорее от неожиданности, чем по-какой-либо ещё причине. – Ну ясное дело, обязательно в самый неподходящий момент!

– Шкипер нас предупредил, – заметил Гарри, успевший ухватиться за один из поручней около коммуникатора. Увеличившаяся сила тяжести, собственно, не была так уж неприятна, как только к ней все привыкли. – Если корабль Делкорда не станет ускоряться, через полтора дня мы начнем торможение.

– Ах, как меня это успокоило, – заявила Антонелла. – А тормозить мы, предполагаю, начнем, когда я доберусь до термоса и попытаюсь налить себе чашку, – она снова встала, на этот раз без проблем, и пошла к стенному шкафу, за решетчатой дверцей которого стоял термос и несколько чашек.

Восхищенный взгляд Масако последовал за ее приятно облегающими форменными брюками и она тоже встала, чтобы присоединиться к Антонелле. Гарри Краузе тем временем вернулся за стол.

– Ответа с планеты нам придется пару минут подождать.

Словно специально дожидаясь этой фразы, коммуникатор вдруг ожил. Гарри встал с удивленным лицом и вернулся к панели.

– Краузе.

– Здесь мостик. Другой посадочный корабль вышел на связь. Будете с ними говорить?

Четверо агентов переглянулись.

– Добро. Соедините, – в динамике защелкало и затрещало.
– Неопознанному «Леопарду» от «Посланца мира». Пожалуйста, идентифицируйте себя.
– «Посланец мира», здесь оберлейтенант Харальд Краузе, вторая рота семнадцатой Лиранской гвардии, на борту «Звёздной Пыли». Могу ли я просить вас о такой же любезности?

После некоторой паузы пришел ответ:

– Здесь гауптман Грант Десото, двенадцатая Свободная бригада архонета Кристиана Делкорда. Мы прибыли, чтобы сменить гарнизон Людвигсхафена. Что вам здесь нужно и почему вы ускорили движение?

Антонелла весело улыбнулась.

– Посадочный корабль «Посланец мира» и двенадцатая Свободная бригада. Как минимум, в пропаганде он кое-что понимает, – прошептал Аким и с отвращением фыркнул.

Гарри всё это не впечатлило.

– Весьма любезно со стороны архонета Делкорда предложить свои услуги и я уверен, что ЛВС оценит этот жест, но нас назначили на смену здешнему гарнизону еще два месяца назад. Я не думаю, что Людвигсхафену требуется двойной гарнизон. Насколько мне известно, в этом секторе не ожидаются вражеские нападения.

– Архонет Делкорд настаивает на том, чтобы защиту Людвигсхафена взяли на себя мы. Из того факта, что вы используете корабль класса «Леопард», я заключаю, что ваше подразделение – звено мехов. Я обращаю ваше внимание на то, что архонет Делкорд не позволяет существовать мехподразделениям в зоне своих властных полномочий.

– Давайте-ка начистоту, – Гарри заговорил более прямо. – Людвигсхафен расположен далеко за пределами того сектора, который был предоставлен архонету Делкорду, и вам здесь совершенно нечего делать. Если вы немедленно не вернетесь к вашему прыжковому кораблю, я буду вынужден считать вас бандитами и поступить с вами соответственно, как только мы прибудем на Людвигсхафен.

Ожидая ответа «Посланца мира», Масако невольно напряглась.

– На какие системы распространяется власть архонета – определять не вам, оберлейтенант Краузе. Я еще раз приказываю вам удалиться, иначе именно вы рискуете быть признанными бандитами и переданными военно-полевому суду.

– Громко сказано для танкиста.

Антонелла прошептала Масако, что корабль был идентифицирован, как судно класса «Газель» – класс, который имел возможность перевозить только конвенциональные подразделения, так что Гарри не рисковал проговориться, отвечая неизвестному собеседнику таким образом. Кроме того, тот сам сказал, что Делкорд не терпит мехи.

– Ради Бога, можете попробовать преподать мне урок хороших манер, когда мы окажемся на Людвигсхафене, Краузе. Тогда и посмотрим, кто тут кого из себя строит. Связь окончена.

В динамике затрещало, потом отозвался мостик.

– Тот корабль разорвал контакт. Какие-нибудь идеи насчет того, что дальше делать?

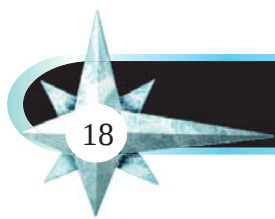
– Я предлагаю действовать, как собирались. Только, думаю, они заметят, если мы приготовимся к боевому выбросу, – это означало прыжок боевого меха в космосе или в стратосфере, чтобы высадиться прямо на поле боя, без долгой мороки с посадкой и разгрузкой.

Масако откашлялась.

– Эээ... Я полагаю, это всё равно не получится, – три пары глаз уставились на нее и она почувствовала, что краснеет, – Мой мех. Мы так и не нашли неисправность в сенсорах, а без них я не рискну выбрасываться.

Хотя выброшенный таким образом мех первое время находится в так называемом спускаемом коконе, защищающем его от нагрева при трении в атмосфере, и летит вслепую, пока кокон не распадется, после этого стальной гигант все еще остается достаточно высоко, чтобы развалиться в результате неконтролируемого падения на землю. Так что выброс сорокапятитонного боевого меха без поддержки сенсоров был почти невозможен.

Аким громко втянул воздух, однако воздержался от замечаний.

Антонелла успокоительно похлопала Масако по плечу.

– Я тоже была не в восторге от идеи полетать.

Гарри еще раз нажал на конпку коммуникатора.

– Мостик, небольшое исправление. Боевой выброс невозможен. Лучше всего будет, если мы последуем за «Посланцем мира» и поищем себе какое-нибудь укромное местечко для посадки неподалеку от них.

– Это не слишком тяжело, сэр. «Газели» нужно куда больше места, чем нам.

– Хорошо. Вы сообщите нам, если гарнизон выйдет на связь?

– Конечно же. Пара минут ещё.

Гарри вернулся к столу, где его ожидала Масако с исходящей паром чашкой горячего чая – маленькое извинение за неудавшийся боевой выброс. Благодарно кивнув, он взял чай, сел и повел плечами. Увеличенная тяжесть все-таки давала о себе знать.

– Ну, ладно. Мы сможем приземлиться незадолго после «Посланца мира», потому что должны посмотреть, где он сам сядет. Это не даст нам возможности прийти на помощь непосредственно гарнизону.

– Если быть точными, это и не входит в нашу задачу, – заметил Аким, – хотя, конечно же, если бы мы разделились с этими танками – нашу работу это бы весьма ускорило.

– Да уж. Тогда бы нам осталось просто отправить сообщение на Донегол, пара целевых рейдов ЛВС – и вся эта муть закончилась бы, – подтвердил Краузе.

– О Делкорде тогда, полагаю, позаботились бы ребята из «Локи», – подытожила Антонелла, – Я не удивлюсь, если парочка их команд уже отираются поблизости от Мэгона. В какой-нибудь неосвоенной системе.

Масако кивнула.

– И даже вполне комфортабельно устроившись, если принять во внимание обстоятельства. Делкорд свернул как минимум две колонии в подчиненном ему районе, а население перевез на большие колонизированные планеты. Я знаю, что так сделали с Мускатином и Эль Аиди.

– Еще одна вещь, которую он полностью извратил. Разве архонет не обязан заботиться о выживании колоний на своей территории? – раздраженно спросил Аким.

– Да, должен, – подтвердил Гарри. – Но если бы не эта незаконная экспансия, которую он устроил, и прежде всего – если бы не история с мехами – скорее всего, он бы вышел сухим из воды. Он утверждает, что обе колонии было уже не спасти. В конце концов, это не первые миры, которые были брошены во время наследных войн.

– Может, это какое-то магнитное оружие, которое разрушает баланс гироскопа? – задумалась Антонелла. – Но у него должны тогда быть и побочные эффекты. В конце концов, гироскоп находится глубоко в корпусе.

Остальные посмотрели на нее.

– Если это воздействие на гироскоп достаточно мощное – а оно и в самом деле такое – может так получиться, что пилоты просто не заметили побочных эффектов, – возразил Аким. – Впрочем, ни в одном отчете не стоит ничего о непривычных приборах или орудиях.

– Это ещё ничего не значит. Такой прибор может обслуживаться пехотинцем или спрятанным противотанковым секретом, пока танки отвлекают мехвоинов, – заявила Масако.

– Как минимум, такую возможность мы тоже должны предусмотреть. Я попрошу шкипера пронаблюдать за разгрузкой «Газели». Если какая-нибудь из частей попытается тихо улизнуть – мы это заметим, – кивнул Гарри. – Для нас это означает, что наша посадка еще немного затягивается. Гарнизон этому не обрадуется, – он повернулся к динамику и тот, словно в ответ, захрипел. – Шестое с половиной чувство, – пошутил он и встал.

– Здесь мостик. Гарнизон на связи. Они рады нашему прибытию, но командир велел вам передать, что не торопится. Он уверен, что справится с частями Делкорда сам.

– Типичный военный сапог, – прокомментировала Антонелла. – Не хочет делиться славой.

– Если с этого будет какая-нибудь слава, в чем я лично сомневаюсь, – Гарри нажал на клавишу. – Спасибо, мостик. Пожалуйста, ответьте командиру, что мы, согласно его желанию,

останемся на подхвате, если ему потребуется наша помощь. Как там его зовут?

– Гауптман Обадия Джексон. Будет сделано. Конец связи.

Антонелла подняла чашку в импровизированном салюте.

– Гауптман Обадия Джексон. Имя, которое не стоит запоминать.

Глава 5

Поля Пайчендорф, Людвигсхафен

Провинция Ковентри, протекторат Донегол

Лиранское Содружество

5 октября 2838 года

– Противник в квадрате Юлиус семь-запятая-три. Танковая рота, в основном «Гоблины», несколько «Демонов». Мехов не обнаружено. Прошу распоряжений.

Гауптман Обадия Джексон довольно улыбнулся. Сообщение разведчиков полностью соответствовало тому, что он ожидал услышать после того смешного вызова на бой, который привел его и его людей сюда в этот безбожно ранний час. Он покажет этим самозванным спасителям Донегола, что это значит – связываться с пятой Арктуранской гвардией. Он приказал разведывательной машине наблюдать дальше и переключился на общий канал.

– Жёлтым от жёлтого лидера: общий поворот направо, идем в квадрат Юлиус семь-запятая-три. Боевой порядок Альфа-четыре. При контакте – немедленно доложить.

Одновременно он развернул свой «Таг» по направлению к цели. Подозрительное покачивание кокпита, когда штурмовой боевой гигант повернулся, несколько обеспокоило его. Неважно, сколько танков выставит его противник – против такой боевой машины они бессильны и их поражение предопределено. Ничто не в состоянии сопротивляться штурмовому меху, кроме разве что другого меха такого же класса, а тот, кто связался с его командным звеном, должен был быть настоящим самоубийцей.

С каждым шагом по направлению к врагу настроение Джексона улучшалось. Его роту перевели на гарнизонную службу в провинции Ковентри примерно год назад, чтобы она получила возможность оправиться после боевых действий на фронте против Марика, и теперь у него буквально чесались руки – так хотелось настоящего боя. Эта стычка обещала, как минимум, немного разнообразия. Кроме того, имелся шанс заработать пару плюсов к следующему повышению по службе.

Конечно, он знал, что этот архонет Делкорд расселся в его секторе. Знал и о том, что ему непостижимым образом до сих пор удавалось вывести из игры мехгарнизоны на всех мирах, которые он избрал в качестве цели. Но до сих пор Делкорд мудро держался подальше от тех трёх систем, в которых были расположены звенья роты Джексона. То, что Делкорд в состоянии напугать парочку зеленых сопляков рассказами о новом чудо-оружии, Джексона не удивляло – однако на этот раз архонет не на того нарвался. Эта так называемая Свободная бригада

быстро поймет, почему Арктуранская гвардия считается элитным подразделением. В его части предателей и саботажников не водилось, так что как только штаб округа предупредил его, что ЛРК считает Людвигсхафен наиболее вероятной следующей целью Делкорда, он попросту прогнал всех не принадлежащих к подразделению техов и гражданских поставщиков из ангаров мехов и их окрестностей.

Этому Делкорду явно ударило в голову присвоение звания архонета двумя годами ранее. Титул был введен почти двадцать лет назад тогдашним архонтом Ричардом Штайнером – чтобы как-то скомпенсировать страшные потери, понесенные в результате наследной войны. Герцог экономически мощной планеты получал в качестве архонета под свое управление лиранские системы, лежащие на расстоянии одного гиперпрыжка – при этом он обязан был заботиться об их процветании и, в особенности – об их выживании. Успех этого предприятия оказался не слишком велик и можно было предположить, что титул снова будет упразднен.

Архонет Делкорд взялся за исполнение своих обязанностей таким образом, который явно не был предусмотрен теми, кто наградил его этим званием. Согласно донесениям из окружающих систем, он более интересовался установлением на вверенных ему мирах верных ему лично режимов и рекламной шумихой в масс-медиа, прославляющих его в качестве гаранта мира, чем оказанием помощи слаборазвитым планетам. На самом деле, совсем недавно он просто уничтожил колонии на двух самых слабых планетах, Мускатине и Эль Аиди, и эвакуировал их население на Гатино и Аделаиду. Джексон обратил внимание на дебаты по этому поводу, раз-вернувшиеся в местных газетах Людвигсхафена – большинство экспертов полагали эти действия, как минимум, преждевременными, если не вовсе ошибочными.

Что, однако, наиболее раздражало гауптмана Джексона, стоило ему услышать имя Делкорда – так это явная неспособность планетарных гарнизонов в зоне влияния архонета оказать ему сопротивление. Хотя архонет силой оружия устранил неугодные ему правительства как минимум на двух не входящих в его юрисдикцию планетах, до сих пор его никто не смог остановить. Предположительно, он победил в бою все гарнизонные части, не имея под командой ни единого боевого меха. Для Джексона это означало одно из двух: *предательство либо саботаж*.

– Жёлтый-три, есть контакт.

Это был обер-лейтенант Кармен в своем «Уорхаммере», на крайнем правом фланге боевой линии. Это означало, что и Джексон также в любой момент мог увидеть врага. Короткий взгляд на основной экран подтвердил, что танки ожидают за ближайшей возвышенностью. Если бы это были боевые мехи – он бы давно уже обнаружил их, но плоские корпуса танков позволили им дольше оставаться незамеченными.

– Жёлтый-четыре, контакт.

– Жёлтый-два, контакт.

Второй «Уорхаммер» его командного звена и «Мародёр». Отлично.

– Жёлтый-один, подтверждаю контакт.

Танковая рота, выстроенная для классического боя: в шахматном порядке в две линии, так что задние машины могут стрелять в промежутки между передними. Но их орудия оставались немы.

Обадию Джексона это совершенно не удивило. Без сомнения, экипажи танков были немало впечатлены страшной мощностью, оказавшейся перед ними. Наверное, одной его машины хватило бы, чтобы серьезно подпортить планы им и их «архонету», не говоря уже о полном звене. Солдаты в танках, скорее всего, подсчитывали свои шансы на выживание и боролись с икотой. Джексон включил наведение на цель и направил перекрестие прицела встроенного в правую руку ППЧ на «Демона» в центре передней линии. Графический символ вспыхнул желтым и знакомый звук колокольчика подтвердил захват цели. Теперь ему оставалось лишь нажать на спуск, чтобы оружие выплюнуло мощную рукотворную молнию, которая уничтожит ствол гауссовки на танковой башне.

Он спокойно рассматривал противников. До сих пор ни один из танков не взял его на прицел и пока сенсоры не предупредили его об этом – у него было время. Не было никакой причины

стрелять первым. В конце концов, Лиранское Содружество снова вело войну и даже если речь шла не о мехах – боевые машины, стоящие перед ним, также были военным имуществом, которое не следовало уничтожать без серьезного повода.

Раскраска соответствует полевому стандарту. По бокам боевой башни – белая цифра 12, на борту – трехструнная лира. Похоже, это был символ «Свободных бригад» Делкорда. Как бы там ни было, этот человек знал свою историю и выбрал для себя старый герб Лиранского Содружества. При этом ни один танк не нёс на себе штайнеровский кулак. Джексон раздраженно нахмурился. Значит, в самом деле предатели.

– Командир двенадцатой Свободной бригады – мехам дома Штайнеров, – голос, раздающийся в наушниках нейрошлема, звучал на удивление спокойно для того, кто должен был сдаваться явно превосходящим силам, – Мы готовы принять вашу капитуляцию. Деактивируйте свое оружие и выключите реакторы мехов.

– Чего-чего?! – Джексон не поверил собственным ушам. – Капитуляцию? Вам что, кто-то мозги высосал? Если ВЫ не сдадитесь сию секунду, мы вас с дерьмом смешаем!

– В самом деле? – отозвался презрительный голос командира противника, в то время как его рота начала медленное отступление. – Так подойдите поближе!

Джексон положил левую руку на рычаг и неспешно двинул его вперед. Поближе? Да он превратит танк этого выскочки в кашу!

Восьмидесятитонный мех двинулся вперед. Огромная левая нога поднялась и кокпит, как обычно, немного наклонился. Но угол наклона, вместо того, чтобы вернуться к привычному равновесию, вдруг стал увеличиваться. Из корпуса послышалось завывание гироскопа. Джексон потянулся к управлению и перенес вес меха направо, отправляя через нейрошлем команды огромному стабилизатору, спрятанному глубоко в недрах двенадцатиметрового гиганта. Эта система была сердцем мех-технологии, более важной даже, чем термоядерный реактор, который снабжал боевой колосс энергией, необходимой его системам – прежде всего, оружию. Именно гироскоп позволял удерживать всю эту движущуюся стальную массу в вертикальном положении. Необходимую компенсацию, уравнивающую импульсы, возникающие при движении, обеспечивал нейрошлем. Это чудо современной техники соединяло естественное чувство равновесия пилота через высокоскоростной компьютер с гироскопом.

А теперь эта связь, похоже, оказалась вдруг прерванной. Гауптман Джексон не чувствовал ни малейшего отzyва. Вместо того, чтобы управлять своим мехом, как продолжением самого себя, он внезапно ощутил, что сидит на верхушке пятиэтажного штабеля коробок, который раскачивается от порыва ветра. Нажатие на рычаги управления оказалось слишком сильным. Мех на мгновение выпрямился – только затем, чтобы завалиться в противоположном направлении.

На экране Джексон видел, как другие мехи ковыляли, раскачиваясь, по полю, словно компания завязяных выпивох. Из динамика послышались переполошенные голоса его людей.

– Господин гауптман, у меня нет никакого... вуууаааах!

– Жёлтый-два, у меня отказал нейрошлем!

– Осторожно!

Отчаянно пытаясь удержать «Таг» в равновесии, Джексон случайно нажал на спуск ППЧ правой руки. Искусственная молния с треском вырвалась из ствола, укрепленного на беспорядочно машущей в воздухе конечности и пролетела всего лишь в метре от кабины «Мародёра».

– Не стрелять! – заорал он в микрофон, услышав грохот других выстрелов, – Пока мы не можем контролировать движения...

Больше он ничего не успел сказать. Удар сзади лишил качающийся мех последних крох устойчивости. Штурмовая машина наклонилась слишком далеко вперед и под оглушительный визг стабилизатора «Таг» рухнул на землю.

Удар был такой силы, какая возникает только когда восемьдесят тонн стали падают с высоты в двенадцать метров. Пайчендорфские поля задрожали и Джексон с болью понял, что это землетрясение еще более усложнило его товарищам задачу удержать свои машины в вертикальном положении – насколько он вообще мог в этот момент о чем-то думать, беспомощ-

но вися в мотающихся ремнях безопасности. Они удержали его от удара о пульт управления. Потом его отбросило назад и он ударился нейрошлемом о спинку пилотского кресла. В глазах потемнело.

Когда он снова пришел в себя и взглянул на экран, прямо в лицо его смотрело отверстие ствола гауссовой пушки. Электрические разряды потрескивали и вспыхивали на магнитных катушках ствола, готовые разогнать железо-никелевый снаряд до сверхзвуковой скорости.

– Могу ли я считать это капитуляцией? – голос в наушниках был до отвращения вежлив.

Глава 6

*Посадочный корабль «Звёздная Пыль»
На подлете к Людвигсхафену
Провинция Ковентри, протекторат Донегол
Лиранское Содружество
5 октября 2838 года*

Антонелла стояла в кормовом механгаре и удовлетворенно разглядывала «Мадам Медузу». Потребовалось довольно приличное усилие – и Родерик оказывал ей не слишком много помощи – но ей удалось привести стального гиганта в порядок. Предположительно, для весьма коротких гастролей, но пока никто не отдавал распоряжений, что и как ей делать, подобная работа время от времени приносила ей удовольствие. В особенности охотно она заменяла возней в ангаре ежедневные силовые упражнения, чтобы, чего доброго, не растянуть в невесомости связки. Порой она, конечно, тоже посещала гравидек прыжкового корабля, к которому был пристыкован их «Леопард», но ради страховки лишь тогда, когда оказывалась там в одиночестве. А без общества тренинг надоедал ей уже через несколько минут.

Люк, ведущий в коридор, открылся с громким лязгом и внутрь вошла Масако. В отличие от Антонеллы, все еще одетой в легкое боевое снаряжение, она успела раздеться до тоненькой блузки и трусиков. В правой руке у нее была спортивная сумка, которой она с энтузиазмом размахивала – предположительно, вся остальная ее одежда находилась именно там. Антонелла осмотрела коллегу и, если бы она придавала большее значение внешней привлекательности, то, скорее всего, позавидовала бы. Масако вполне могла сделать карьеру в качестве фотомоделли. Скорее всего, она это тоже знала, но свою красоту особенно не подчеркивала и явно признавала, что подобные соблазны не имеют цены для женщины, торчащей в кабине многотонного монстра, состоящего из подвижной композитной стали и миомеров. Об этом говорила хотя бы её прическа. Без особых сожалений она выбрила длинные волосы на том месте, где сенсоры обратной связи нейрошлема прилегали к макушке. Масако помахала рукой и улыбнулась.

– Привет, Антонелла. Ну что, готова в бой?

Антонелла подняла руку и провела двумя пальцами по залысине на собственной голове. В отличие от евроазиатки, ее собственная, пусть и модная, но короткая прическа была не в

состоянии скрыть мех-тонзуру. Как минимум, она к этому снова привыкла. Так как во время прохождения регулярной службы в ЛРК ей редко приходилось водить боевой мех, для этого задания снова пришлось выбривать нужное место на голове и ежедневное бритье стало во время полета обычным делом. Тем не менее, оно постоянно напоминало Антонелле о службе в войсках и, соответственно – о том, как её оттуда вышвырнули. Она почувствовала, как в ней поднимается гнев.

– Да уж, готова. Покажем этим козлам...

Антонелла забралась на платформу подъемника своего мехкокона и повела ее вверх по корпусу к кокпиту. Чуть ниже линии плеч боевого меха она проплыла мимо свеженарисованной поверх стандартной маскировочной окраски хаки фигурки альбатроса, парящего, широко размахнув крылья, на фоне круга, в котором было изображено темно-синее звездное небо. Девушка довольно улыбнулась – исполнение ей понравилось – и вот уже она достигла самого верха, перейдя на металлическое плечо «Шэдоу Хока».

На другой стороне ангара Масакто добралась до середины своего «Феникс Хока». В отличие от Антонеллы, она поднималась по лесенке, приставленной к боку ее меха. Предположительно, это был ее способ размять мускулы перед боем. Антонелла предпочитала напрягаться физически, только если это было совершенно необходимо. Когда начнется бой, то обстановка и без того будет достаточно потогонной. Температура внутри втянутого в боевые действия меха порой достигала уровня хорошей печки. Именно поэтому пилоты носили в кокпите самый минимум одежды.

Забравшись в кабину, Антонелла сняла боевое облачение и засунула его в специальный ящик. Одета лишь в ботинки и трусики, она вытащила из зажимов хладожилет и надела его. Довольно тяжелый и, прежде всего, тесный жилет сверху донизу был пронизан тонкими шлангами, через которые во время боя прогонялась такая же охлаждающая жидкость, которая, накапливаясь в теплопоглотителях меха, предотвращала перегрев электроники и других систем машины. Охлаждающее воздействие жилета должно было воспрепятствовать тому, чтобы пилот в горячке боя потерял сознание или даже, в определенных обстоятельствах, погиб. Антонелла легла в пилотское кресло и подключила жилет к разъему, находящемуся в его нижней части. Жидкость немедленно начала циркулировать в шлангах, хотя пока и медленно. Тем не менее, этого хватило, чтобы девушка передернулась и покрылась с ног до головы гусиной кожей.

Затем она укрепила несколько биосенсорных пластырей на своей коже в различных местах и подключила идущие от них пучки проводов к разъемам на жилете. Эти сенсоры были необходимы для наблюдения за температурой ее тела и регулировкой циркуляции охлаждающей жидкости. В конце концов, никому, в первую очередь ей самой, не пошло бы на пользу, если бы жилет переохладил ее или, наоборот, сработал бы слишком слабо – так, что она получила бы тепловой удар.

Следующий шаг: она наклонилась вперед и перебросила ряд переключателей на верхней инструментальной панели пульта управления. Загорелись огоньки приборов, обзорный экран засветился и показал внутренность ангара, а слабенькое желтое дежурное освещение кокпита сменилось на яркий свет стандартных ламп. Антонелла пристегнулась – страховочные ремни сдавили тело. Специальный материал ремней позволял ей двигаться как угодно, однако при резком рывке он немедленно становился жестким и прижимал ее к сиденью.

Теперь оставался только нейрошлем – еще одно чудо техники, позволяющее ей удерживать в повиновении пятьдесят пять тонн подвижной стали – с помощью врожденного чувства равновесия и огромного гироскопа, ответственного за многие важные участки этой могучей машины. Она потянулась руками за спину и резко вырвала нейрошлем из зажимов, в которых он обычно находился, пока не понадобится. Шлем легко и уверенно скользнул к ней на голову и улегся на плечевые подкладки жилета. При таком коротком задании, какое предстояло звену, подкладки, собственно, не требовались, но даже столь легкий шлем, как этот, в длительном бою мог стать серьезной нагрузкой для шейных мускулов – в особенности, при высокой температуре в кокпите. И, конечно же, при этом жилет защищал кожу от металла.

Антонелла уверилась, что сенсоры шлема прилегают к выбритой коже на голове в нужных местах, после чего затянула под подбородком ремень и воткнула провода биосенсоров в подбородочные гнезда. Последний кабель требовался для дополнительной связи нейрошлема с бортовым компьютером меха – на тот случай, если прикрепленные к его верхушке провода откажут. Существовали варианты нейрошлемов, которые пилоты могли забирать с собой из кокпита – в основном на тренировочных машинах, которые использовались различными пилотами. Это позволяло каждому пилоту использовать собственный, настроенный на его мозговые модуляции шлем. Тем не менее, вооруженные силы Лиранского Содружества предпочитали стандартные стационарные шлемы – они были менее подвержены помехам.

На вспомогательном мониторе справа сверху появился обязательный для запуска меха список действий – с каждым выполненным ею шагом он прокручивался вперед на одну позицию. Пока пилот помнил, для чего нужны все эти бесчисленные колесики, переключатели и рычажки перед, над и под ним, этот список оставался всего лишь своеобразной «защитой от дурака». Через пару минут она услышала и почувствовала гудение проснувшегося в сердце машины термоядерного реактора, который отключил батареи и взял на себя электропитание меха. Тем не менее, машина ещё не была готова к бою, потому что Антонелла еще не идентифицировалась в системе в качестве зарегистрированного пилота.

– Протокол безопасности, шаг первый, идентификация и голосовая проверка. Пожалуйста, назовите ваше звание, имя и подразделение, – потребовал синтезированный компьютером женский голос.

– Мехвоин Антонелла Зонненшайн, огневое звено, вторая рота семнадцатой Лиранской гвардии.

После примерно двухсекундной паузы бортовой компьютер отозвался.

– Сравнение голосового образца успешно. Ввод подтверждается. Протокол безопасности, шаг второй, секретный пароль.

Теперь осталось назвать личный пароль, который придумывал и знал только сам пилот. Дополнительный пароль служил лучшей защите боевого меха от кражи, так как имя и номер части можно было выяснить, а образец голоса и мозговых волн любого пилота – при наличии соответствующего оборудования сфальсифицировать. Если же пилот с соответствующими предосторожностями выбирал свой пароль – подделать его было почти невозможно, если только не вломиться в компьютер напрямую.

– Кто не рискует, тот не пьет шампанского! – не особо оригинальная фраза, но так как Антонелла не планировала заново начинать карьеру в качестве мехпилота, то и эта подходила.

– Протокол безопасности выполнен успешно. Добро пожаловать, мехвоин Зонненшайн. «Мадам Медуза» ожидает ваших приказов.

– Рада слышать, – заметила Антонелла. Коротким движением руки она включила связь, – Альбатрос-два готов.

– Подтверждаю, Альбатрос-лидер, – ответил голос Гарри Краузе, – не хватает только Масако.

Непроизвольно взгляд Антонеллы скользнул вправо, на экран, позволяющий получить обзор на все триста шестьдесят градусов – в том числе и на «Феникс Хок». Евразийка словно заметила этот взгляд и повернула круглую голову своего 45-тонника влево.

– Альбатрос-четыре ограниченно готов, – отозвалась она, – как я и боялась, все сенсоры отказываются работать. Оптический обзор есть, вот и все.

– Замечательно, – прокомментировал Гарри, – Альбатрос-два, оставайся с четвертым и, если нужно, прикрой его. Я не знаю – может, нас ждут уже прямо на посадочном поле.

– Ясно, – подтвердила Антонелла. До посадки осталось совсем немного времени. Посадочный корабль довольно сильно трясло – это ощущалось даже в кокпите меха. Похоже, он как раз нырнул в атмосферу, – Есть информация о том, как дела у гарнизона?

– Связь с поверхностью во время маневра торможения весьма неустойчива, но до входа в атмосферу у меня была связь с радиорубкой, – ответил Аким с «Альбатроса-три». – Гауптман

Джексон замечательно посражался. До первого контакта с врагом у него не возникло ни единой проблемы. После чего он пропахал носом здоровенную борозду в поле.

– Меня сейчас стошнит, – это Масако.

В этот момент полет «Звёздной Пыли» выравнился и в наушниках раздался голос капитана.

– Так, дамы и господа. Мы на подлете к равнине, где находится противник. Согласно планетарной карте, район называется поля Пайчендорф. Через несколько минут мы приземлимся примерно в сорока километрах от «Газели». Это даст вам время спокойно высадиться до того, как пожалуют танки. Я надеюсь, вам понравился полет. Будем рады, если вы порекомендуете нас своим знакомым.

Антонелла улыбнулась. Посадочный корабль взлетит, как только высадит агентов, и постарается отыскать себе укромное местечко где-нибудь в чаще – пока снова не понадобится или пока команда не получит новые приказы. Корабль и команда точно так же принадлежали к разведке и были готовы устроить любую необходимую пакость.

Через несколько мгновений они сравнительно мягко приземлились на поверхность Людвигсхафена и ворота ангара медленно открылись. Нажатием кнопки Антонелла подала сигнал к отстыковке от кокона. На экране она увидела, как страховочные мостки, удерживавшие мех в неподвижном состоянии во время полета, автоматически отъехали назад.

– Одоления на супостаты! – послышался голос Гарри.

Она привела «Мадам Медузу» в движение. «Много крови, много песен» – и все остальные такие же идиотские фразы.

Глава 7

*Поля Пайчендорф, Людвигсхафен
Провинция Ковентри, протекторат Донегол
Лиранское Содружество
5 октября 2838 года*

Аким Баликчи наслаждался ощущением хладожилета на коже и легким давлением страховочных ремней. Все это напоминало ему о военных традициях его семьи. Даже избрав после смерти отца гражданскую карьеру, он был рад тому, что работа в ЛРК порой давала ему, как сегодня, возможность, несмотря ни на что, идти по стопам предков. Кончиками пальцев он провел по рычагам управления своего «Энфорсера» и спусковым кнопкам автопушки и обоих лазеров. Полуденное солнце светило сквозь крышу кабины и бронестекло затемнилось ровно настолько, чтобы дать возможность спокойно читать показания приборов. Аким бросил взгляд на обзорный экран и увидел вражеские танки, наступающие в боевом порядке. Значки рядом с символами идентифицировали роту, как почти полностью состоящую из «Гоблинов» – за исключением четырех «Демонов». Не слишком сильный противник – тем не менее, именно эти танки ухитрились победить мехгарнизон планеты. Эта мысль заставила его недоверчиво покачать головой.

– Альбатрос-лидер всем, – услышал он голос Гарри, – у всех противник на радаре?

– Альбатрос-четыре – очень смешно, – ответила Масако из своего «Феникс-Хока». Очевидно, её сенсоры всё ещё не включились, – Но я их вижу на увеличении.

– Этого достаточно, – успокоил Краузе.

Аким и Антонелла подтвердили обнаружение и замолчали в ожидании приказаний.

– Для начала подождем и поглядим, что они станут делать, – решил Альбатрос-лидер. – Наше терпение не подвергнется слишком уж сильному испытанию: если мои сенсоры не врут, они несутся сюда со всех гусениц. Без команды никто не стреляет – если только не попадет под огонь.

Аким подтвердил, однако привел руки с главными орудиями своего «Энфорсера» в боевую позицию. Он не собирался сдаваться, не выведя из строя как минимум одного противника. Уютное гудение активаторов, приводящих в движение тяжеленные суставы, успокаивало его так же, как отсутствие каких-либо сбоев или вибрации, могущей указывать на проблемы с гироскопом. Может быть, побежденные гарнизоны и в самом деле стали жертвами изощренного саботажа, а четыре машины их звена были от него застрахованы. *В таком случае...* Он невольно скривил рот в угрожающей гримасе.

Прошло всего несколько минут. Танковая колонна вошла в зону действительного огня и притормозила. Аким прошелся взглядом по выстроившимся перед ними бронемашинам. Если не считать отсутствия штайнеровского кулака на броне, ничего особенного в этом подразделении не было. Наибольшую угрозу составляло гауссовское орудие на башне «Демона», но сенсоры показывали, что ни один танк не активировал свое вооружение. Противник, казалось, был абсолютно уверен в победе.

– Давненько не виделись, оберлейтенант Краузе! – начал разговор через общий канал командир танкистов. – Планетарный гарнизон Людвигсхафена сложил оружие. Планета подчиняется нам и вы здесь – непрошеные гости. Убирайтесь туда, откуда пришли.

Аким удивленно вскинул брови. Он что, в самом деле считает, что отделается подобным заявлением?

– Как я уже говорил вам во время подлета к планете... простите, как там бишь вас зовут? – спросил Краузе и тут же продолжил, не дав собеседнику ни секунды на ответ. – А, неважно. Мы не признаем власти Кристиана Делкорда над этой планетой и так как своей высадкой на поверхность мы подтвердили факт смены местного гарнизона, я позволю себе усомниться в вашем утверждении о том, что мы капитулировали.

– Ха! Краузе, если вы так уверены, что в состоянии нас вышвырнуть – я предлагаю вам попробовать это сделать. Посмотрим, кто будет смеяться последним.

Пальцы Акима на кнопке спуска тяжелой автопушки злобно дернулись. Он навел перекрестие прицела на башню ближайшего «Демона». Правая рука меха последовала за этим движением, но на этот раз Аким услышал завывание гироскопа и почувствовал, как его мех чуть качнулся от переноса тяжести. Он содрогнулся от предчувствия.

– Альбатрос-три – лидеру, – открыл он зашифрованный командный канал. – Проблема с гироскопом. Никаких сообщений о повреждениях не поступило, но по тому, как он реагирует на простое движение руки, я подозреваю, что как только открою огонь – тут же приземлюсь на свою стальную задницу.

– Альбатрос-лидер – всем, – отреагировал Краузе на командном канале, – Выберите каждый себе по противнику и прицельтесь. Обратите внимание на реакцию ваших мехов.

Аким наблюдал на экране, как «Вольверин» Гарри также поднял правую руку – ему показалось, что он заметил такое же легкое покачивание машины своего шефа. Быстрый взгляд на радарный дисплей подтвердил это ощущение. Справа от него «Мадам Медуза» Антонеллы вытянула вперед возвышавшуюся до сих пор вертикально над плечами автопушку. На этот раз Акиму не понадобилось перепроверять по радару: «Шэдоу Хок» явно закачался. Только «Феникс Хок» Масако, казалось, оставался невозмутим, подняв правую руку с лазером, похожим на гигантский пистолет. *Блестяще! Именно самый слабый из наших мехов держится лучше всех.* Впрочем, в этот момент «Феникс» также качнулся. *Надежда умирает последней.*

Ни одна из машин противника по-прежнему не активировала захват цели. Перекрестие на экране Акима поблескивало спокойным золотистым цветом – сенсоры уверенно держали мишень. Ему оставалось лишь нажать на спуск. И стать первым со дня основания Содружества Баликчи, который откроет в своем мехе стрельбу по лиранцам. Невольно он отдернул палец.

Похоже, он был не единственный, кого посетили подобные мысли.

– Не заставляйте нас открывать огонь, – Гарри хотел, чтобы люди Делкорда сдались. – Мы же все – лиранцы.

– Но мы не служим поджигателям войны вроде архонта Маркуса. На мирах Делкорда – мир.

– Да уж, я вижу, – пробормотал Аким. Харальд Краузе явно разделял его впечатление и отказался от ответа. Танки делкордовского подразделения задвигались – только почему-то назад. Перекрестие прицела на экране у Акима замигало, когда «Демон» выкатился со своей позиции.

– Нет, так дело не пойдет, – заявил агент и легонько двинул рычаг управления вперед, чтобы поспеть за противником.

Далеко он не ушел. Стоило «Энфорсеру» поднять левую ногу, как гироскоп громко взвыл и машина качнулась вперед. Нога меха гулко ударила в землю и Аким даже в кокпите услышал металлический лязг активатора. Он попытался удержать равновесие, но беспорядочно машущие руки меха дестабилизировали его еще больше и он увидел, как травянистая поверхность метнулась на экране ему навстречу.

* * *

Масако наблюдала падение Акима на своем экране. Из-за утренней прохлады осеннего дня и минимальной нагрузки температура её «Феникс Хока» всё ещё оставалась в пределах зеленой шкалы и все системы наведения находились в зимней спячке. С другой стороны, гироскоп её меха, похоже, продолжал работать безукоризненно, как она с удивлением убедилась, прицелившись тяжелым лазером правой руки в один из «Демонов» противника. Даже без комментариев Акима она видела, как неуверенно реагирует «Энфорсер», и реакция на приказ Гарри только подтвердила, что боевые мехи её группы явно столкнулись с той же проблемой, которая послужила причиной падения всех остальных планетарных гарнизонов, противостоявших Делкорду.

А её мех – нет. Как только она уяснила это, то немедленно симулировала беспомощное раскачивание своей машины, чтобы обмануть танки. Затем открыла прямой канал связи.

– Альбатрос-четыре – лидеру. Мой гироскоп работает безукоризненно. Но у меня по-прежнему не включены сенсоры.

– Лидер – четвертому. Значит, твой мех – единственный незараженный, Масако. Если начнется стрельба – постарайся вырубить «Демон», но с минимальными повреждениями. Мы разберемся с этим делом так, как привыкли – скрытно.

Она кивнула, хотя он и не мог этого увидеть.

– Принято, Альбатрос-лидер.

Масако задалась вопросом, надолго ли ее хватит. Её 45-тонный мех был самым лёгким в звене, и у него не было шансов выстоять без поддержки против целой танковой роты. С другой стороны, люди Делкорда явно не рассчитывали на серьезное сопротивление, иначе они, как минимум, включили бы свои системы захвата цели. Так что у неё оставалось несколько секунд на то, чтобы обезоружить противника. *Без системы наведения. Желаю удачи, девочка, тебе она понадобится...*

Теперь, после короткого обмена репликами с Гарри Краузе, танки попятились назад. Масако было ясно, зачем они это делают. Им требовалось заставить мехи начать преследование – как только те начнут движение, выход из строя гироскопов приведет к тому, что стальные гиганты победят самих себя, рухнув на землю. Именно так и получилось.

«Энфорсер» Акима первым отреагировал на отступление и с грохотом вытянулся на земле. «Вольверин» Харальда дал ракетный залп с плечевого лафета, прежде чем упасть на спину. Шесть РБД без толку взрыхлили землю перед отступающими танками. «Шэдоу Хок» Антонеллы постигла та же участь: она выстрелила из плечевой автопушки и отдача заставила её машину раскачиваться по все увеличивающейся амплитуде вперед-назад – предположительно, от этой качки Антонеллу должно было всерьез затошнить. В конце концов, она спаслась тем, что резким движением рук заставила «Мадам Медузу» упасть назад. Прежде чем мех рухнул, крыша кабины «Шэдоу Хока» откинулась и Антонелла катапультировалась. Драматическое представление, устроенное коллегой, заставило Масако улыбнуться.

Теперь она осталась на подмостках одна. Но её машина была вполне боеспособна – возможность, которую грешно было бы упустить. Она сжала челюсти и привела «Феникс Хок» в движение. Уверенными шагами тот направился в сторону противника и Масако направила тяжелый лазер на одного из «Демонов». К счастью, танк как раз затормозил, иначе у нее вряд ли появился бы шанс попасть огромным энергетическим лучом в цель без помощи системы наведения. Даже в этом случае световое копье ударило не в башню, куда она целилась, а в середину одного из трех огромных колес, чья покрышка растеклась от жара и спеклась с передним колесом, в то время как встроенный в него мотор разлетелся на части.

Масако выключила лазер и немного подняла руку меха, чтобы предпринять вторую попытку. Даже малейшая вероятность попасть в слабое место на боковой броне танка и взорвать кабину была для неё слишком велика. Тёплый воздух окатил ее и, взглянув на термометр, она увидела, что температура приближается к желтому порогу. Она еще не достигла начала желтой полосы, но лазер был особенно горячим оружием и очень скоро, таким образом, сенсоры должны были включиться.

Второй выстрел был нацелен слишком высоко и луч пролетел над башней, которая уже поворачивалась в ее сторону. Экипаж танка был достаточно опытен, чтобы быстро справиться с неожиданным нападением и перейти в контратаку. *Вот и всё с преимуществом внезапности.* Однако, на этот раз она могла безбоязненно опустить оружие. Сияющий энергетический луч попал в ствол гауссовой пушки и чисто отделил его от башни. Понадобилась всего лишь небольшая коррекция и лазер впился в башню, превращая ее в бесполезный комок шлака.

Наконец-то Масако почувствовала тепло. Температура внутри кабины скачкообразно поднялась, и в работу включился хладожилет. Несколько вспомогательных экранов, расположенных под основным, засветились и перед её глазами появился красный крестик целеуказателя. Сенсоры «Феникс Хока» получили необходимый им уровень нагрева и включились. Это давало ей явное преимущество в бою.

Она позволила себе коротко хмыкнуть и нажала на педаль. «Феникс Хок» поднялся на сияющих потоках плазмы в воздух и поплыл на фланг танкового построения. Под ним и мимо пролетели два серебристых снаряда, сопровождаемые грохотом выстрелов из гаусс-пушек. Она невозмутимо приземлила мех в полтора метра метрах и взяла в захват новую цель.

Теперь на коже Масако появились капли пота, и она порадовалась, что её хладожилет работал как часы. Вообще-то, она совершенно не являлась воином. Её сильной стороной всегда были межличностные отношения, но увидев своих коллег бесславно поверженными, она ощутила чувство глубокого удовлетворения от того, что единственная из всей команды «сняла» как минимум одного противника. И она собиралась всадить пару лучей в следующего.

Перекрестие запульсировало красным и пожелтело – она захватила второго «Демона» – после чего желтый огонек перестал мигать и в наушниках зазвучали колокольчики. Масако нажала на спуск. Луч лазера снова пролетел мимо, однако на этот раз виной тому было пошатывание её меха. Она почувствовала удар и услышала, как завыл гироскоп. Быстрый взгляд на вспомогательный экран подтвердил попадание в правую ногу. Это «Гоблин» достал её своим большим лазером. Это было неприятно, но ещё не опасно.

Масако вытерла мокрые от пота ладони о хладожилет и крепче ухватила за рычаги управления. Перекрестие прицела всё ещё плавало по экрану туда-сюда. Она услышала за-

ывание гироскопа и приготовилась ощутить головокружение, переданное обратной связью нейрошлема – но ничего подобного не произошло. Пока она пыталась скомпенсировать раскачивание боевого меха с помощью рычагов и поймать «Демона» обратно на мушку, сама она немного склонилась вправо. Никакого эффекта. Похоже, связь нейрошлема с гироскопом оказалась полностью оборванной. Неудивительно, что гигантский волчок так скрипит, пытаясь удержать машину в равновесии без малейших командных импульсов.

Масако понимала, что у нее остался один-единственный выстрел, прежде чем её машина также падет жертвой силы тяготения Людвигсхафена. Когда перекрестие снова скользнуло в направлении танка, она нажала на спуск, надеясь на лучшее. С громким свистом и тепловой волной большой ручной лазер выбросил световое копье, которое вонзилось в башню «Демона» чуть ниже орудийного ствола как раз в тот момент, когда серебряная вспышка заставила засиять голубым жерло гауссовой пушки.

Снаряд полетел в сторону Масако и попал в центр груди «Феникс Хока». И без того раскачивающийся мех был в буквальном смысле сбит с ног и пролетел несколько метров назад, прежде чем с жутким грохотом врезаться в землю. Перед глазами Масако вспыхнули звезды, она тряхнула головой и включила на передатчике открытый канал, через который командир противника общался с Гарри.

– Прекратите огонь! Я сдаюсь!

Она выключила реактор меха и приготовилась отправиться в плен.

Глава 8

*Военная тюрьма, планетарный гарнизон
Хельмштетт, Людвигсхафен
Провинция Ковентри, протекторат Донегол
Лиранское Содружество
7 октября 2838 года*

– Закройте двери! Свет выключится через десять минут!

Аким Баликчи с утомленной улыбкой повернулся к лейтенанту Шнайдеру, своему товарищу по камере из пятой Арктуранской гвардии.

– Так прошел ещё один день, полный увлекательных приключений.

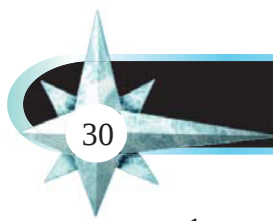
Шнайдер свесил голову и посмотрел на него снизу вверх.

– Вы пережили сегодня что-то такое, что ускользнуло от моего внимания?

Аким грустно засмеялся и покачал головой.

– Если бы... А то даже на допрос не водили. Помывка, одевание, еда... скуотища, в общем. Как вы думаете, они это нарочно? Может, нас таким образом целенаправленно делают тупыми жвачными животными?

– Понятия не имею, – ответил Шнайдер. Так же, как и Аким, мехпилот носил простую серую

полевую униформу. После боя члены команды «Альбатрос» были вытащены из их машин и отправлены в столицу планеты, где их заперли в гарнизонной тюрьме.

Насколько мог понять Аким из собственных наблюдений и разговоров с другими заключенными, количество очутившихся за решеткой было на удивление невелико. Кроме мехпилотов, новым хозяевам планеты, похоже, оказали сопротивление лишь несколько штабных офицеров да солдаты одной-двух вспомогательных частей. Это настолько потрясло его, что он высказал свое изумление Шнайдеру.

– Нечему тут удивляться, – ответил мехвоин. – Если бы вы могли наблюдать, что тут устроили в последние месяцы масс-медиа, вы бы поняли, в чем дело. Можно было подумать, что этот Делкорд скупил на корню все головид-каналы. Послушать их, так его миры прямо лопаются от процветания и благополучия, в то время как остальные планеты Содружества только и знают, что попадают под вражеские удары, разоряются и голодают. И не забудьте постоянные сводки о потерях с фронтов, – он скорчил гримасу.

– Ну, вообще-то, это довольно искаженная картина действительности, – заметил Аким, – Не всё так паршиво. Да и потом, что-то я не слышал, чтобы здесь, на Людвигсхафене, была такая уж тяжкая жизнь.

– Она и не тяжела, – подтвердил Шнайдер, однако немедленно прервался, когда один из трёх на этом этаже надзирателей, одетый в маскировочный комбинезон солдат из подразделения Делкорда, прошел по коридору и закрыл двери во всех камерах.

Когда он ушел, Шнайдер продолжил.

– Я уверен, что и на мирах Делкорда не все так замечательно, как нам тут рассказывают. Иначе почему ему пришлось эвакуировать целых две колонии? Но СМИ его поддерживают, не считая пары критических голосов. Критики тоже имеют право высказаться, но только ночью, когда их почти никто не слушает.

Аким откинул край одеяла и начал разуваться.

– И всё-таки мне непонятно, почему его люди просто прошлись по планете прогулочным шагом и взяли всё в свои руки. Я ожидал большего сопротивления.

Шнайдер остался сидеть у маленького столика в углу камеры и включил настольную лампу.

– Ну, это же, в конце концов, не вторжение драков. Тот факт, что люди Делкорда – тоже лиранцы, мало того – из той же провинции, многое значит. В сущности, они все – земляки. Таким образом, вся эта история выглядит для жителей Людвигсхафена своеобразной сменой власти – как если бы большинство в парламенте просто завоевала другая партия. Никакого повода впадать в панику или вооружаться.

Аким задумчиво кивнул.

– Понимаю. И милицейские отряды смотрят на ситуацию точно таким же образом, так что они остаются в своих казармах и ждут приказов нового правительства.

– Именно. Мы – мирный народ. Пока нас никто не трогает – мы тоже никого не трогаем. А Делкорд оставляет большинство людей в покое. Под его руководством, предположительно, экономика переживает бум, потому что он сокращает бюрократию и налоги. По крайней мере, для предпринимателей.

– Это объясняет, почему масс-медиа его поддерживают. Подозреваю, что общественные каналы не проявляют такого энтузиазма, как частные?

Шнайдер ухмыльнулся и откинулся на спинку стула.

– Так точно. «Антенна Донегол» все еще выпускает довольно критические программы. Впрочем, они не пользуются особым успехом.

– Я уже спрашиваю себя, а какого черта мы вообще озаботились попыткой остановить этого архонета, – проворчал Аким, отправляясь с зубной щеткой и мылом к умывальнику.

– Потому что мы принесли присягу Содружеству, а этот Делкорд как раз занят тем, что рвет его на кусочки, – отрубил Шнайдер, немедленно становясь серьезным, – герцог с манией величия, вбивший себе в голову, что он умеет править лучше, чем Штайнеры, – он сплюнул. – При-

чем все это – в разгар войны! Как по мне, так он предатель.

Аким смыл мыльную пену с лица.

– Ясное дело, предатель. В конце концов, мы тоже дрались против его танков... ну, если это вообще можно считать дракой, когда собственный мех начинает выплясывать у тебя под задницей. Я просто пытаюсь понять, что тут творится, – он продолжал умываться.

Шнайдер поднял руку, извиняясь.

– Я понимаю. Вы только что сюда прибыли. А ребята моего звена уже неделями психуют, глядя на то, как этого выскочку расхваливают до небес еще до того, как тут появились его люди. Кроме того, признаюсь, нам, конечно же, хотелось бы сохранить наши мехи.

Аким выдавил пасту на зубную щетку.

– А, точно. Делкорд, кажется, запрещает присутствие мехов на своих мирах. С чего это вдруг?

Шнайдер презрительно фыркнул.

– Говорят, что это «краеугольный камень» его мирной политики. Никаких мехов – никакой войны и все такое. Можно подумать, что если мы поотключаем свои мехи, Синдикат слезами обольется.

Аким кивнул и стал чистить зубы в задумчивом молчании. Похоже, на широкую поддержку населения в борьбе против Делкорда им рассчитывать не приходилось. А лояльные Штайнеру войска оказались разоружены. Однако, пропаганду можно было бы развернуть и в другую сторону, и если им удастся вырубить Делкорда без особого шума, можно было бы исправить ситуацию так, чтобы население попавших под его влияние систем не слишком пострадало. Это было неплохо. Какое счастье, что ЛВС были слишком заняты на фронте и оставили это дело спецслужбам.

Он прополоскал рот и вымыл умывальник.

– Подобные штучки он, конечно, может себе позволить только потому, что провинция Ковентри далека от мест, где в самом деле горячо. В Тамарском пакте или на границе с Лигой его бы и слушать никто не стал.

Шнайдер согласно кивнул.

– В самом деле. Мы были на границе с Лигой, прежде чем нас перевели сюда. То, что наделали там проклятые лигисты, не исправишь и за десяток лет! Если вообще это можно исправить.

– Тишина в камерах! – прозвучало из динамика и свет под потолком погас. В камере воцарился полумрак и только у стола и возле умывальника оставались островки яркого света.

– Меня вам незачем убеждать, Шнайдер. Моего отца убили проклятые лигисты. Но мы ведем себя на их мирах не лучше.

– И с этим разберемся, – ответил его сокамерник и направился к освобожденному Акимом умывальнику. – Кто, вообще-то, начал наследные войны? Не мы же...

– Это уж точно, не мы, – подтвердил агент и полез в кровать, – Но это нам не поможет. Ни там, на войне, ни тут, в каталажке. В данный момент меня больше всего интересует – когда и как мы отсюда выберемся.

* * *

Дверь камеры распахнулась с громким лязгом и приглушенный свет из коридора осветил помещение. Внутрь заглянул надзиратель.

– Краузе, на выход!

Гарри удивленно заморгал. Он только-только закрыл глаза – после того, как провел кучу времени, уставившись в темноту и раздумывая. Его сокамерник с верхней койки, лейтенант из Арктуранской гвардии, встрепенулся:

– Чт... что?

– Спите себе, Дуглас, это за мной, – успокоил его Гарри, одеваясь. Он терялся в догадках, что бы это значило. Было ещё не настолько поздно, чтобы он счел этот вызов угрожающим.

Хотя из-за вынужденного безделья часы растягивались до бесконечности, но во время ужина солнце стояло еще довольно высоко над горизонтом, а свет в камерах был выключен максимум через полтора часа после этого. Так что на дворе стоял ранний вечер. Тем не менее, ему столь поздний вызов на допрос показался необычным. Или это не на допрос?

– А в чём дело-то?

– На допрос. Пошевеливайся, – надзиратель поманил его пальцем.

Значит, всё-таки допрос. Второй с момента его прибытия сюда, если не считать таковым вопросы типа «Имя? Возраст? Звание? Часть?». Он зашнуровал ботинки. При некотором везении он может сегодня, в свою очередь, кое-что узнать. Самое время.

Надзиратель провел его по коридору, они спустились вниз до первого этажа и зашли в кабинет, в котором за письменным столом его ожидал полноватый унтер-офицер с расплывшейся на полголовы лысиной. Он указал на единственный свободный стул и кивнул надзирателю.

– Спасибо, вы можете идти. Когда закончу, позову вас.

Солдат кивнул и ушел. Харальд услышал, как он закрыл за собой дверь.

Унтер-офицер ухмыльнулся.

– Мы же не хотим, чтобы вы смылись. По крайней мере, пока не хотим.

Гарри встрепенулся. *Пока?* Он оглядел своего визави. Около пятидесяти лет, производит вполне симпатичное впечатление. Черты лица, скорее, мягкие, но глаза это ощущение разрушают полностью. Их выражение было слишком жёстким для столь мягких черт. Гарри знал такие глаза. Он их видел каждое утро в зеркале. Он склонил голову набок.

– Соловей-соловей заливается в кустах?

– Не соловей, а жаворонок, – Штабс-фельдфебель улыбнулся. – Добро пожаловать на Людвигсхафен, агент Краузе.

– Благодарю и добро пожаловать в кутузку, агент Нойманн, – Харальд почувствовал облегчение от того, что «контакт» его отыскал. Конечно, имя его было вовсе не Томас Нойманн, но при выполнении этого задания Гарри и его люди будут знать его именно под этим псевдонимом. В качестве местного резидента он потратил годы на то, чтобы обзавестись здесь связями и знакомствами. Слишком ценная работа, чтобы подвергнуть ее плоды опасности, если коллега, попав в руки врага, открыл бы его настоящее имя. По крайней мере, пока этого можно избежать.

– Должен признаться, я бы также желал, чтобы этот разговор прошел в другой обстановке, – кивнул связной, – Но играть надо теми картами, которые сданы. К счастью, это военная тюрьма. В гражданской мне пришлось бы общаться с вами в помещении, специально устроенном так, чтобы люди в других комнатах могли бы слушать разговор. Когда я узнал, что вы прилетите под видом мехвоинов, то принял соответствующие меры. Я здесь в качестве одного из делкордовских офицеров-вербовщиков. Он заинтересован в привлечении под свое начало мехпилотов, даже если не может предложить им новые мехи.

Гарри откинулся на спинку стула.

– Значит, это правда, что у Делкорда нет боевых мехов, – его взгляд прошелся по помещению и задержался на маленьком баре в углу.

– Хотите чего-нибудь выпить? – спросил Нойманн, проследив за направлением его взгляда,

– Если, конечно, мне удастся взломать эту штуку.

Это была шутка. Нойманн, как обученный агент, мог открыть столь простенький замок одной левой.

– Виски или коньяк? Боюсь, выбор довольно ограничен.

– Виски. Только немного – боюсь, будет заметно.

– Не переживайте, – успокоил его Нойманн, наливая два бокала, один из которых протянул Гарри, – Спиртное – вполне легитимное средство убеждения собеседника, – он улыбнулся, – Скооль!

– И вам того же, – они выпили. После водянистого чая в тюремной столовой бокал виски был настоящим спасением. Гарри глубоко вздохнул, – Ну вот, теперь можем и поговорить.

– Хорошо, – Нойманн уселся на письменный стол. – Как вы уже могли заметить, переход власти к Делкорду проходит очень быстро. Причина заключается в том, что этот процесс подготавливается пропагандистской кампанией в масс-медиа, причем в этом ему помогают несколько концернов с его родного мира. А беспроblemные победы над мехгарнизонами порождают страх у остальных подразделений на избранных им в качестве цели планетах – так что большинство из них обычно довольно быстро принимают предложение присоединиться к нему.

Гарри скривился.

– Здесь, на Людвигсхафене, однако, пара частей оказала сопротивление – в основном, из-за того, что ваше звено впервые с начала его завоеваний нанесло ему ощутимый удар. У вас есть какие-нибудь идеи, как «Феникс Хок» ухитрился так долго оставаться в строю?

Гарри поджал губы.

– Каждый из наших мехов обладал каким-нибудь изъяном. Машина Масакo была самой расхлябанной. Её сенсоры включались с весьма ощутимым опозданием. Это единственное, что мне известно.

– Интересно, – Нойманн повертел бокал с виски в руках, – А передатчик тоже был неисправен?

– Нет, а что?

– Все подразделения Делкорда перед вылетом на задание получают специально закодированный и защищенный кристалл памяти, который вмонтируется в передатчик. До сих пор нам не удалось проанализировать ни один из них. Единственный кристалл, который мы смогли заполучить, рассыпался при попытке его прочесть. Делкорд лично передает их командирам своих частей, которые должны отчитываться за каждый из них. Эти кристаллы – или, скорее, те данные, что на них записаны, должны быть ключом к успехам Делкорда.

– А не достаточно ли проанализировать, что происходит с мехами? Хотя бы ради того, чтобы хоть какую-то ниточку в руки получить?

– Все мехи, которые оказываются побеждены людьми Делкорда, отправляются на переплавку.

От этого известия брови Гарри полезли вверх. Боевые мехи принадлежали к наиболее ценным системам оружия двадцать девятого века – и уж тем более теперь, когда в ходе первой наследной войны были уничтожены десятки фабрик по их производству. Один только факт, что в разгар боевых действий Делкорд отправляет на переплавку лиранские мехи, делал его предателем.

Похоже, Нойманн прочел по лицу Гарри, о чем тот думает.

– Да уж. И первое, что изымается и уничтожается на месте – это бортовой компьютер. Все остальное, как правило, размонтируется и отправляется на Мэгон для рассортировки.

– Значит, у Делкорда нет возможности защитить собственные мехи – если у него они есть – от воздействия своего оружия.

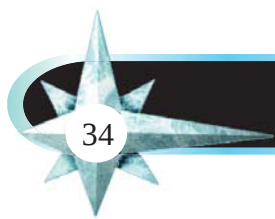
Нойманн кивнул.

– Этот вывод лежит на поверхности. Но это не значит, что мы не сможем отыскать такой возможности. Или дом Куриды. Или дом Марика, если они заполучат это оружие. Я предлагаю вам разделить вашу команду. Двое должны бежать отсюда и продолжать расследование среди гражданских. Еще двоих я завербую для Делкорда, чтобы они пошуровали в войсках. Один из тех, кого я желаю превратить в делкордовского солдата – пилот «Феникс Хока».

Гарри согласился.

– Вы правы. Привлечь Масакo Шлютер на свою сторону после того, как она первой смогла оказать ему сопротивление, было бы для Делкорда прекрасным подарком. А если бы сбежала именно она – наверное, тогда нельзя будет предотвратить облаву.

– Именно так. Для всех остальных я не вижу никаких проблем залечь на дно. Здесь, на Людвигсхафене, у меня достаточно возможностей это проверить. К сожалению, на Мэгоне у меня руки связаны крепче. Собственно, моя оперативная база – это Гатино и, к несчастью, на Мэгоне Делкорду удалось перетянуть на свою сторону ВР.

Это было плохой новостью. Военная разведка хотя и не могла сравниться с ЛРК, но была вполне в состоянии засунуть им пару приличных палок в колеса, если узнает об их присутствии. Гарри понял, почему Нойманн осторожничает.

– Ладно. Тогда побег совершаю я и Антонелла Зонненшайн. Мой четвертый человек – Аким Баликчи. Он происходит из военной семьи и является лучшим рекрутом для Делкорда из всей команды. Как мы поступим?

Нойманн пояснил ему, как.

Глава 9

*Военная тюрьма, планетарный гарнизон
Хельмштетт, Людвигсхафен
Провинция Ковентри, протекторат Донегол
Лиранское Содружество
9 октября 2838 года*

Антонелла осторожно открыла дверь кабинки. Туалетное помещение было пусто. Тихонько, избегая любого ненужного шума, она отворила дверь достаточно широко, чтобы выйти – скользнула мимо умывальника к двери и прислушалась, нет ли кого в коридоре. Тишина – а чего еще было ожидать глубокой ночью? Она медленно распрямилась и расслабила спину, прежде чем решилась открыть и эту дверь. Туалетная кабинка – не самое приятное место, чтобы ожидать в ней несколько часов, пока тюрьма успокоится, но так как туалет был единственным местом, где за ней никто не мог проследить, а у Антонеллы не было никакой гарантии, что после того, как она закроет за собой дверь, в помещение не войдет уборщица или надзирательница – ей не оставалось ничего иного, кроме как торчать в кабинке.

Она ухмыльнулась, представив, что должен чувствовать сейчас Гарри Краузе. Вряд ли мужские туалетные кабинки были больше – а у неё, как минимум, имелось в этом отношении преимущество: она была куда меньше и тоньше. Мысль о том, что он успел себе за это время отсидеть, настроила ее на более благодушный лад.

Тихо и осторожно она нажала на дверную ручку и хотела уже отворить – но у нее ничего не вышло. Дверь была заперта. Антонелла беззвучно чертыхнулась. Что теперь?

Агент Нойманн заверил ее, что на ее пути не попадется ни один надзиратель, а сокамерница Антонеллы с удовольствием вызвалась прикрыть ее побег. Но она не рассчитывала быть запертой в туалете до утра. Теперь она разозлилась на свою короткую стрижку. Сейчас ей бы пригодилась шпилька. Раздумывая над сложившейся ситуацией, Антонелла провела несколько упражнений на расслабление. Ее солдатский медальон несколько раз качнулся в ложбинке меж грудей. Антонелла улыбнулась.

Она быстро вытащила металлический знак из блузки и перебросила шнур, на котором он висел, через голову. Так как эту миссию они исполняли в качестве солдат, им, конечно же,

положено было носить медальоны, на которых были выгравированы их звания, имена, номера и названия подразделений. Но, в отличие от стандартных медальонов вооруженных сил Лиранского Содружества, эти обладали парой дополнительных функций. Сломав такой знак, можно было привести в действие запал, соединенный со спрятанной в медальоне взрывчаткой. В принципе, её хватило бы, чтобы вышибить дверь, однако Антонеллу в данном случае интересовала не взрывчатка. Ей требовалась проволока, протянутая внутри шнура. Она ухватила шнурок зубами и оторвала внешнее покрытие проволоки. Потом она вытащила примерно три сантиметра металлической ленточки наружу и быстро скрутила из нее отмычку. Оглядела её критическим взглядом: не произведение искусства, конечно же, но на безрыбье... Она засунула проволоку в замочную скважину и принялась за дело.

* * *

Харальд Краузе глядел на запертую дверь туалета и хихикал. Наконец, он засунул руку в карман брюк и вытащил вилку, которую увел за обедом. Дугласу он сказал, что из нее получится отличная чесалка для спины и даже одолжил её сокамернику для этой цели, когда они вернулись после обеда в камеру. Но прежде, чем запереться вечером в туалете, он забрал её обратно. Теперь он был рад, что позаботился обо всем загодя. Быстрыми движениями он оборвал один из металлических зубьев и засунул его в замочную скважину. К счастью, туалет не был защищенной зоной. Простой механизм дверного замка не мог долго сопротивляться его натренированным пальцам. Услышав щелчок, в качестве награды он пару раз почесал остатками вилки напряженную спину, чтобы восстановить кровообращение. После того, как погасли лампы, он устроился на унитазе так удобно, как только смог, но для многочасового ожидания это сиденье попросту не было приспособлено. Кроме того, Гарри соскучился по свежему воздуху.

Он открыл дверь, высунул голову наружу и уставился прямо в перемазанное лицо Антонеллы Зонненшайн. Она подпирала стену неподалеку от двери и улыбалась ему. Затем она подняла вверх перекрученный кусок проволоки, под которым из ее руки свисал шнур с медальоном. Гарри понял и уважительно кивнул. В свою очередь он продемонстрировал ей вилку и она также кивнула.

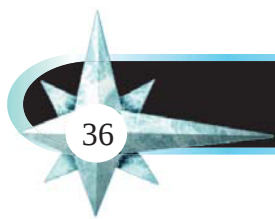
Он тихо вышел наружу и закрыл за собой дверь. Теперь предстояло вырваться на свободу. Нойманн пообещал, что для них в кладовке будут приготовлены два маскировочных комбинезона, какие носят люди Делкорда. В них можно будет незаметно покинуть территорию тюрьмы. Антонелла отыскала кладовую первой. Гарри хотел подождать в коридоре, пока она переоденется, но она потащила его за собой. Закрыв дверь, она включила свет.

Оба облачения цвета хаки висели в шкафчике. Свободного места оставалось едва достаточно для них обоих. Пока они не шевелились, прикосновений можно было избежать, но тогда им не удалось бы переодеться. Гарри опять попытался разыграть из себя джентльмена, беззвучно предложив: «Я подожду снаружи», однако Антонелла лишь сочувственно взглянула на него и стащила с себя куртку.

Он пожал плечами и тоже разделся. Переодеваться, не устроив тарарам, в такой тесноте было непросто: им пришлось двигаться медленно, согласовывая свои движения друг с другом, чтобы оптимально использовать ограниченное пространство. При этом Гарри получил возможность осмотреть свою коллегу гораздо подробнее, чем когда-либо раньше – не исключая момента, когда люди Делкорда повываскивали их из машин в одних трусах и хладожилетах – и он вынужден был признать: то, что он увидел, ему понравилось. Он мог лишь надеяться, что оставил о себе не худшее впечатление. В любом случае, спросить было бы как-то не к месту.

* * *

Переодевшись, они вернулись в коридор. На этот раз Антонелла предоставила право действовать своему шефу. В кладовке она вооружилась любезно оставленным вместе с комбине-

зонами кастетом, который она для страховки спрятала в карман брюк. Оба агента спокойно направились по тюремному коридору к выходу, словно их присутствие здесь было само собой разумеющимся. У дверей сидел и читал солдат в такой же униформе. Услышав шаги, он удивленно взглянул вверх, нахмурился и потащил к себе компблок, лежавший рядом на столе. Предположительно, все, кто посещал тюрьму, должны были отмечаться при входе и выходе – и теперь он хотел посмотреть, не остались ли ещё две незакрытые записи. Антонелла покрепче сжала кастет.

Гарри остался невозмутим. Он поднял руку и начальственным жестом помахал ею в сторону часового.

– Вот вас-то я как раз и искал. Что это за бардак тут у вас такой, а?

Солдат сжался и неуверенно огляделся. Потом он вскочил, вышел из своей кабинки в коридор и вытянулся по стойке «смирно».

– Виноват, сэр, но у меня нет записей...

– Конечно, у вас нет записей обо мне, солдат! – рявкнул на него Гарри. – Именно этот бардак я и имел в виду! Почему вы не в курсе, что я здесь?

– Э, сэр, эээ... – боец совершенно растерялся.

– Что?

Антонелла буквально слышала скрип шестеренок в его мозгах.

– Минуточку!

Но теперь они уже оказались рядом.

Гарри указал вытянутым пальцем на внешнюю дверь и, как только солдат последовал за его жестом и повернул голову, рука Антонеллы с кастетом выскользнула из кармана. Часовой со всхлипом повалился на пол.

Гарри поймал его вытянутой рукой и они вдвоем перетащили его обратно в кабину, усадив на стул. Гарри сложил его руки и ноги так, что тот теперь выглядел спящим, а Антонелла положила ему на лицо газету, которую он читал до сих пор. Из коридора всё выглядело так, словно нерадивый часовой дрыхнет на посту.

Гарри вытащил из его кармана ключи от машины, после чего нажал рычаг, открывая двери, и они оба вышли из кабины.

Разблокированная дверь без проблем открылась и они вышли наружу, в ночь. Харальд глубоко вдохнул.

– Великолепно. Чистый воздух.

Антонелла удивленно взглянула на него. Он чуть передернулся.

– Я не знаю, чем пахло в твоём туалете... – пояснил он и она улыбнулась.

– Ну, тоже не черемухой, – она оглянулась. Неподалеку от входа был расположен небольшой паркинг, на котором стоял один-единственный джип. Она указала в сторону машины:

– Не соизволите?

– Только после вас, – они сели в машину и Гарри засунул ключ в скважину зажигания. Лёгкий поворот – и мотор завелся.

– Будем надеяться, что по дороге *наружу* контроля не будет.

– Если что – тебе придется повторить твой номер с «бардаком», – успокаивающе заявила Антонелла и помахала в воздухе кастетом.

Он неуверенно покачал головой.

– Я не знаю, получится ли это дважды.

Глава 10

*Военная тюрьма, планетарный гарнизон
Хельмштетт, Людвигсхафен
Провинция Ковентри, протекторат Донегол
Лиранское Содружество
10 октября 2838 года*

По всему зданию взвыли сирены. В камере резко включился свет. Масако, проснувшись, вскочила и стукнулась головой о верхнюю койку. Тихо ругнувшись, она снова рухнула на кровать, недоумевая, в чем дело. В коридоре загрохотали шаги. Слышно было, как, лязгая, распахиваются двери камер.

– Всем выйти наружу! Вон из камер! Быстро!

Ключи зазвякали уже в двери их камеры и шум стал еще более оглушительным, когда дверь открылась.

– Всем наружу! Немедленно!

Всё ещё заспанная, она скинула ноги с кровати и сунула их в шлепанцы, которые, так же, как и серую ночную сорочку, получила из тюремной прачечной. Так как посадочный корабль «Звёздная Пыль», высадив их команду, улетел, Масако оказалась в тюрьме всего лишь в сапогах и трусиках. Её сумка с двумя комплектами белья и двумя сменными униформами осталась в кабине «Феникс Хока». После того, как мех упал, у нее не нашлось времени для переодевания – солдаты Делкорда вытащили ее из кокпита, так что она сомневалась, что когда-нибудь ещё увидит свою сумку. Как минимум, ей оставили хладожилет, пока она не получила новую одежду – хотя несколько танкистов после того, как она раздолбала их машины, выглядели достаточно разозленными, чтобы содрать с неё всё, что на ней оставалось. К счастью, вмешался офицер и спас её честь.

От этой чести мало что оставалось, когда она с заспанными глазами и спутанными волосами вывалилась в коридор – ночная рубашка вилась вокруг щиколоток. Впрочем, другие заключенные выглядели не лучше. Она устало взглянула на шеренгу арестантов и обнаружила Акима, который ей мрачно кивнул. Она повернулась в другую сторону и поискала глазами Антонеллу, но не нашла. Около двери её камеры стояла лишь мехвоин Блок из Арктуранской гвардии.

Масако немедленно сообразила, что означает весь этот переполох. Гарри и Антонелла сбежали. Агент Нойманн подготовил ее к этому событию, сообщив, что она и Аким должны, в свою очередь, завербоваться в Свободные бригады, но он не сказал, когда именно это произойдет. Дождались! Их товарищи улизнули, а надзиратели обнаружили побег и желают теперь выяснить, кто сбежал еще. Непроизвольно она улыбнулась.

– Что ты лыбишься? – заорал на нее один из надзирателей.

Она быстро скроила невозмутимую мину.

– Нет, ничего. Просто вспомнила кое-что. Уже всё, – ответила она.

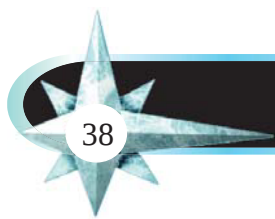
В дальнем конце коридора появился унтер-офицер с компблком в руках и начал списывать имена заключенных с дверей камер. Может так получится, что люди Делкорда еще не поняли, кто сбежал? Ее коллегам это могло помочь. Пока неизвестно, кого искать – нельзя составить описаний. *Тем лучше.*

– Баликчи, о'кей. Назад, в камеру. Шнайдер, о'кей. Назад.

Краем глаз Масако наблюдала, как фельдфебель приближался к ней.

– Дуглас, о'кей. Где ваш сосед, Краузе? Солдат!

Надзиратель, оравший на Масако, пронесся мимо нее и вломился в камеру Гарри. Фельдфе-

бель, скривившись, наблюдал за тем, как солдат обыскивает помещение и возвращается ни с чем. Его пальцы запорхали по клавиатуре компблота.

– Харальд Краузе, оберлейтенант, семнадцатая Лиранская гвардия.

Его взгляд упал на Дугласа.

– С вами я ещё поговорю, – после чего рявкнул в лучших казарменных традициях:

– Назад в камеру!

Разозленный, он затопал дальше и в скором времени поравнялся с Масако.

– Шлютер?

Она кивнула.

– О'кей. Назад в камеру.

Масако повернулась и незаметно сжала кулак. Гарри и Антонелле удалось улизнуть. У них достаточно времени, чтобы не оставить людям Делкорда ни малейшего шанса их отыскать. Скорее всего, они уже давно «легли на дно» на одной из явок ЛРК.

* * *

Антонелла Зонненшайн наслаждалась жизнью, как давненько не приходилось. Она откинула голову назад и закрыла глаза, чтобы еще глубже прочувствовать блаженное тепло, охватившее всё её тело. Горячая пенная ванна! Впервые за долгие месяцы она получила возможность полежать, расслабившись, в настоящей ванне. От пены распространялся жасминный аромат, щеко-тавший ее ноздри. Она почти физически чувствовала, как напряжение постепенно покидает её. Что за удовольствие – после долгих недель в тесном, провонявшем потом военном корабле, да ещё после четырех с половиной дней, проведенных в гарнизонной тюрьме. Её санузлы были, конечно, явно побольше кабинок «Звёздной Пыли», однако при этом имелась всего лишь одна душевая на несколько человек, в которой не было даже тёплой воды, не говоря уже о горячей. Нет, после стольких лишений она заслужила подобную роскошь.

Конспиративная квартира, адрес которой дал им агент Нойманн, поразила их после тусклой тюремной камеры едва ли не феодальной роскошью. Гостиная, кухня, столовая, две спальни, балкон... Все уютно и прекрасно обставлено. В гостиной – большой головид, новостной факс в столовой. Имелась даже неплохо подобранная книжная полка. Однако Антонелла окончательно растаяла, лишь открыв дверь ванной комнаты и увидев огромную, розовую ванну. Была бы она в квартире одна – немедленно сорвала бы с себя всю одежду и пустила воду. Но её в этой небольшой экскурсии сопровождал Гарри – он как раз рассматривал инструкцию на экране головида, в которой агент Нойманн сообщал им в общих чертах, как они должны действовать дальше, когда люди Делкорда перестанут на них охотиться. До тех пор они должны были вести себя тише воды, ниже травы и отдыхать.

Только этого Антонелле и надо было. Она вскочила и исчезла в ванной, увлеченно исследуя запас пенки и ароматных масел – пока ванна наполнялась горячей водой. Потом она закрыла дверь, разделась и медленно, с удовольствием погрузилась в воду.

Послышался стук в дверь.

– Антонелла?

– Мммм... да?

– Можно войти?

Она открыла глаза и оглядела себя. Поверхность воды была покрыта пеной, так что, кроме головы и рук, ничего видно не было.

– Если вам так уж это надо...

Гарри открыл дверь и просунул голову внутрь. Его улыбка была, как всегда, заразительна.

– Ну, я бы не стал утверждать, что «надо», но я вдруг вспомнил, что мы так и не чокнулись за новое имя нашей команды. И кто знает, когда у нас еще появится такая возможность, – за дверью зазвенели бокалы.

Она засмеялась.

– Тогда давай, заходи. Немного спиртного не повредит. А я сегодня добрая.

– Я заметил, – подтвердил Гарри и зашел в ванную: в одной руке два бокала, в другой – две темные пивные бутылки.

– «Донегольского экспортного» я, к сожалению, не нашел, но есть темное «Тимбикви». Как минимум, не хуже, – он вытащил из кармана открывашку и уселся рядом с ванной. Открыв бутылки, он налил пиво в бокалы – оно оказалось лишь немногим темнее его руки.

– Интересно, где начинается пиво и где кончаешься ты? – захихикала Антонелла. Господи, как же ей нужно было расслабиться...

Гарри протянул ей бокал.

– Не можешь разглядеть – пощупай.

В правоте ему не откажешь. Бокал был твердым и холодным, а его рука – тоже твердой, но теплой. Антонелла почувствовала приятное возбуждение.

– За «Альбатросов».

– За «Альбатросов», – подтвердил он и выпил. Терпкий вкус пива защекотал ее небо, а клочок пены повис на носу. Она по-кроличьи дернула кончиком носа, ленивась смыть пену водой.

Он усмехнулся.

– Тебе идет.

Она вытянула кончик языка и попыталась слизнуть пену с носа. Безуспешно.

Он засмеялся.

– Думаешь, у тебя получится лучше? – подначила она, после чего он перегнулся через край и облизал ей нос.

– Никаких проблем, – заявил он.

Она почувствовала, как её лоб покрылся потом и причина была не только в горячей воде. Где-то в чем-то она находила этого здоровенного увальня привлекательным. Она задумалась – а что, если...

– Похоже, нам придется провести вместе ещё какое-то время, – заметил Гарри, – Кто знает, сколько еще солдаты Делкорда будут нас разыскивать. А потом нам придется лететь на Мэгон. Почти четыре недели пути.

Антонелла отпила из бокала.

– Я уж молчу о работе, которая нас там ждет. Было бы неплохо, если бы мы... хмм... несколько сблизилась. Ради лучшего выполнения задания, конечно, – она потянулась в ванне, не обращая внимания на то, что от ее движения в пенном покрывале образовались приличные лакуны.

– С другой стороны, – сказал он и оперся локтями о край ванны, – слишком тесные контакты между коллегами приводят лишь к неприятностям.

Она взглянула на него.

– Насчет «лишь» я бы поспорила, – возразила она, сознавая, что он прав. Было бы ошибкой поддаться собственным желаниям и позволить себе расслабиться ещё больше. Позже, при дальнейшем исполнении миссии, это могло привести к ощутимым трудностям, которые могут помешать успешному завершению операции. Она с сожалением сменила тему.

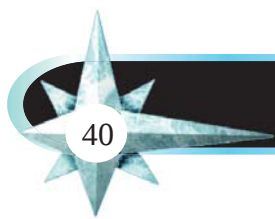
– Мех Масако оказался невосприимчивым к проблемам с гироскопом, пока не включились сенсоры.

Гарри выпрямился и кивнул.

– А агент Нойманн рассказал мне, что Делкорд из всех захваченных мехов первым делом приказывает достать и уничтожить компьютеры.

Антонелла поставила полупустой бокал с пивом возле своей головы и села. Пена стекала по ее плечам и открыла грудь, но её это не беспокоило. Она и Гарри пришли к молчаливому соглашению, что с сексом, по крайней мере, пока, придется подождать, и она полагалась на то, что он был в состоянии сконцентрироваться на деле.

– Похоже на компьютерный вирус. Должно быть, какой-то особенно вредный, раз проникает через сенсоры. Обычно подобное невозможно.

Он почесал выдающийся подбородок.

– Меня больше беспокоит его действие. Каким образом он атакует управление гироскопом? Это же одна из центральных систем меха. Разве они, как правило, не защищены лучше всего?

Антонелла замёрзла и опять погрузилась в ванну – на этот раз с головой. Вынырнув, она забрызгала Гарри, который самоотверженно спас бокалы с пивом, подняв их над головой. Он оглядел себя, после чего устремил взгляд на коллегу в ванной.

– Извини. Я бы предложила тебе залезть ко мне в ванну, но...

Он скривился.

– Увы. Что же касается вируса, то тут есть разные возможности. Он может просто блокировать соединение с управляющей системой стабилизатора – тогда не имеет значения, работает программа без сбоев или нет. Она тогда ни получает команд, ни отдает их.

Она помотала головой. Благодаря короткой стрижке, впрочем, брызг от этого движения оказалось немного.

– Или он воздействует на передачу импульсов из нейрошлема. Достаточно раздолбать кодирование, чтобы гироскоп просто перестал понимать команды.

Гарри отдал ей бокал.

– Если так, то, наверное, переносные нейрошлемы были бы решением проблемы? – он опустошил свой бокал и налил еще.

– Нет, – покачала она головой, также допила пиво и протянула ему бокал. – Хотя они и настроены на индивидуальную конфигурацию волн хозяев, но это же всего лишь долговременная память, не механика. Иначе невозможно было бы менять параметры шлема, – Антонелла снова поставила бокал на край ванны. – Кроме того, импульсы же должны каким-то образом попадать в компьютер. Так что вирус все равно может их перехватить.

Гарри поджал губы.

– Если это так просто – почему до сих пор никто не догадался?

Она могла понять его мысль.

– Потому что каждый мех оборудован мощной, самообучающейся антивирусной программой, которая именно таким вещам и должна воспрепятствовать. Может быть, ей бы это удалось и на этот раз, если бы она вовремя вирус обнаружила. Но управляющая система гироскопа настолько важна, что в бою достаточно прервать её работу всего лишь на один момент, чтобы все пошло вразнос. А вирус попадает в систему с неожиданной стороны, – Антонелла провела рукой по лицу. – Тем не менее, чтобы написать такую программу, нужен настоящий мастер. Я не думаю, что Делкорд был в состоянии ее придумать.

– Он наделал достаточно проблем в качестве её пользователя, – Гарри взглянул на неё. – Спасибо за умную беседу. Пойду высушусь.

Антонелла засмеялась и закрыла глаза, погружаясь обратно в ванну. Она слышала, как Гарри встал и вышел в комнаты – но это уже сквозь дрему.

Глава 11

*Военная тюрьма, планетарный гарнизон
Хельмштетт, Людвигсхафен
Провинция Ковентри, протекторат Донегол
Лиранское Содружество
11 октября 2838 года*

– Эта скотина в самом деле свалила и бросила меня на произвол судьбы! Он даже не предложил мне сбежать с ним! Дьявол меня раздери, почему я должен испытывать к такой сволочи хоть какую-то верность? – Аким Баликчи заводился от собственной злости так, что любые сомнения в его искренности становились попросту неуместны. Два офицера Делкорда, сидевшие справа и слева от агента Нойманна, обменялись короткими взглядами и кивнули друг другу. Нойманн указал рукой на стул, который Аким опрокинул, вскочив с него в гневном порыве.

– Пожалуйста, воин Баликчи, присядьте. Никто не пытался вас оскорбить, но вы же должны понимать, что мы не можем так просто сунуть оружие в руки тому, кто совсем недавно дрался против нас.

Аким поднял стул, сел и с трудом успокоил колотящееся сердце.

– Ясное дело. Я бы уж точно не вызвался добровольцем, будь вы драками или... – он сплюнул в сторону, – ...лигистами. Но после наших бесед в последние дни, мне стало ясно, что мы тут все, в конце концов, лиранцы и не хотим ничего, кроме как защитить своё. А будет мне при этом раздавать приказы архонт Маркус или архонет Делкорд – мне совершенно все равно.

Нойманн гордо взглянул на обоих офицеров и те удовлетворенно кивнули.

– В яблочко, Баликчи. Мы все здесь – патриоты.

Аким полностью вжился в свою роль, а не то бы после таких слов расхохотался Нойманну в лицо. Вместо этого он горячо кивнул.

– Именно, патриотизм. Вот оно. Краузе этим никогда не отличался. Я так и не врубился, чего ради его сделали командиром нашего звена. Я должен был командовать, а не этот заторможенный болван! – он стукнул кулаком по колену. – Связи! Его назначили по протекции, вот так. Моя семья служит Содружеству с тех пор, как он появился, а меня подчиняют поганой свинье, для которой товарищ – пустое место!

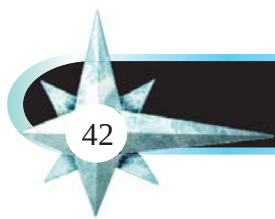
Он заметил, что его спектакль оказал на слушателей свое действие. Впрочем, пережимать тоже не стоило.

– Я хочу сунуть этого подонка обратно за решетку, там ему самое место. Поэтому я пришел добровольно.

Правый офицер положил руку на плечо Нойманна, сигнализируя, что намерен высказаться. Слишком молодой для своего звания гауптман-танкист обладал резкими чертами лица и выглядел поэтому весьма строго. На табличке, прицепленной на груди красного танкового жилета, значилась его фамилия – Десото.

– Вы в курсе, что в обозримом будущем не сможете рассчитывать на управление мехом? Вы же знаете – архонет Делкорд покончил с превозношением этих убийц-переростков, – в его голосе звучало глубокое презрение всех танкистов к гуманоидным боевым машинам, отобравшим у их рода войск сотни лет назад пальму первенства в глазах верховного командования и общественности.

– А зачем мне мех, который падает при виде первого встречного «Гоблина»? – Аким попытался изобразить уязвленную гордость воина, которого в решающий момент предал его инструмент, – Ошибкой было, вообще лезть в эту ковыляющую жестянку. Мои предки служили во всех родах войск и покрывали славой семейное имя. Чтоб быть солдатом, мне не нужен мех.

Уголки губ Десото поползли вверх. Ответ прозвучал совершенно в его духе. Как минимум, его Аким убедил. Учитывая поддержку Нойманна, этого должно было хватить, чтобы вытащить его из каталажки и сделать бойцом делкордовских «Свободных бригад».

– В Семиречье у нас есть «Канга», которой требуется экипаж.

Аким вопросительно взглянул на Нойманна.

– Семиречье – это главный континент северного полушария, – пояснил штабс-фельдфебель, – там у нас еще есть определенные проблемы с упрямыми милицейскими отрядами, которые вбили себе в башку, что принесли личную присягу Маркусу Штайнеру. Для вас это была бы хорошая возможность показать себя.

Прежде, чем Аким смог ответить, Десото снова взял слово.

– «Кангу» вы должны знать. С образованием мехвоина вам не будет трудно разобраться с прыгающим танком.

Конечно, Аким слышал об этом весьма необычном типе танка, обладающем в дополнение к воздушной подушке еще и прыжковыми дюзами, которые обычно устанавливались только на боевых мехах.

В разговор вмешалась офицер, сидевшая слева от Нойманна.

– Не торопитесь, Десото, – заявила мощно сложенная, примерно сорокалетняя дама, одетая в маскировочный комбинезон без именной таблички, – как бы здорово ни звучало то, что нам тут рассказывает господин Баликчи, мне кажется, доверять ему тяжёлый танк вроде «Канги» еще слишком рано. Я думаю, скорее подойдет тот «Дж. Эдгар», который мы нашли в здешних мастерских. Его экипаж тоже недоукомплектован.

Двадцатипятитонный «Дж. Эдгар» был наполовину легче «Канги» и официально именовался разведывательной танкеткой. Тем не менее, даже Аким знал, что среди танкистов он пользуется дурной славой.

– Сгодится, – заявил он, – Я все равно предпочитаю остаться в Хельмштетте и поохотиться на Краузе. «Дж. Эдгару» требуется... водитель? – Он хотел сказать «командир», но в последний момент притормозил. Не стоило будить дремлющие предрассудки насчет самовлюбленных мехпилотов, сидевшие в подкорке каждого танкиста.

– Командир и бортстрелок, – пояснила женщина. – И с чего вы взяли, что ваш командир звена всё ещё в Хельмштетте? – она уставилась на Акима строгими глазами.

Тот остался невозмутим.

– Здесь космопорт. Могу себе представить, что ему ужасно хочется свалить отсюда подальше вместе со своей потаскухой. Значит, он останется поблизости, выискивая возможность улететь.

– Пилот «Феникс Хока», которая вывела из строя оба ваших «Демона», также записалась добровольцем, – сообщил Нойманн, бросив взгляд вправо, на Десото. – Похоже, она была любовницей Краузе и крепко на него обиделась за то, что тот сбежал не с ней, а с Зонненшайн, – он обернулся влево, – Она может занять вакансию бортстрелка, – когда женщина-офицер нахмурилась, он осторожно продолжил. – Да что они могут сделать-то с этим «Дж. Эдгаром»?

– Довольно немного, – подтвердил Десото, – но он быстр, быстрее всех наших остальных танков, и если мы отыщем этого Краузе – он идеально подходит для погони. Давайте попробуем, Мигоян. Кроме того, на борту будут два наших человека: водитель и связист.

Оба повернулись к коллеге.

Аким также уставился на неё. Теперь успех плана зависел только от Мигоян. Как минимум, он сделал все возможное, чтобы её убедить.

Мигоян пожала плечами.

– Ради Бога. Не то, чтобы я вам всерьез не доверяла, Баликчи. Но в моем деле есть определенные правила, которых следует придерживаться. Вы же понимаете.

– Я уверен, что с этой машиной вы получите шанс прищучить вашего бывшего начальника, – заявил Десото. – Вряд ли дело дойдет до перестрелки.

– Надеюсь. Я бы с удовольствием сама его допросила, – Аким сообразил, почему Мигоян не носит ни танкового жилета, ни таблички с именем. *Военная разведка.*

Аким улыбнулся.

– Конечно же, госпожа офицер. Не беспокойтесь. Я приложу все усилия, чтобы вас не разочаровать.

* * *

Масако Шлютер всё ещё одёргивала тяжелый красный защитный комбинезон – часть её новой униформы, призванная защищать от синяков и худших повреждений – когда вошла в ангар и впервые увидела «Дж. Гувера». Такого мощного впечатления, как боевой мех, бронемашина не производила, но как женщина и как секретный агент, она знала, что размеры – еще не самое главное. Прежде всего, для неё и Акима эта машина означала возможность завоевать доверие людей Делкорда. А если они при этом смогут помочь Гарри с Антонеллой – тем лучше.

Аким уже ждал около танка – он помахал ей рукой. В ответ она коротко подняла руку, показывая, что заметила его, и спокойно, неторопливо прошла по помещению. Корпус танка доставал Акиму примерно до плеча, что давало возможность оценить весьма тесное внутреннее пространство – в любом случае, не больше места для каждого члена экипажа, чем в кабине меха. Она подозревала, что, скорее, гораздо меньше. *При длительном участии в бою – не лучшее место для человека с обостренным обонянием.* Она скроила огорченную гримасу и решила надеяться на лучшее.

Как минимум, броня была в полном порядке – более того, отполирована до зеркального блеска. Масако вообразила себе танкистов, которые вдали от фронта, неся скучную гарнизонную службу, от нечего делать часами надраивают свои машины. Хотя Масако и не ощущала особой тяги немедленно ринуться опять в бой, причем совершенно всё равно – в танке или в мехе (не для того она вступила в Лиранский Разведывательный Корпус) – но если они с Акимом не получат шанса заработать себе имя, они скиснут тут на Людвигсхафене, не доставив Делкорду ни малейших неприятностей.

Акима, похоже, это совершенно не заботило. Подавая ей руку и помогая забраться на башню, он широко улыбался.

– Добро пожаловать на борт «Дж. Эдгара Гувера». Станный выбор имени, но так решили наши товарищи по экипажу. Они уже внутри и ждут нас. Как прошло интервью?

Масако нахмурилась.

– Утомительно. Эта Мигоян – крепкий орешек. Но я умею общаться с женщинами вроде неё.

– Не сомневаюсь. Она тебе тоже сообщила, что желает получить Краузе и Зонненшайн обратно, причем в состоянии, годном для допроса?

Она кивнула. Это было неудивительно. Станными оказались намеки Томаса Нойманна на то, что было бы, мол, неплохо, если бы их товарищи не пережили встречи с ними. Но он был их резидентом и, должно быть, знал, что делает. Масако кивнула на заметные очертания двери на уровне водительской кабины.

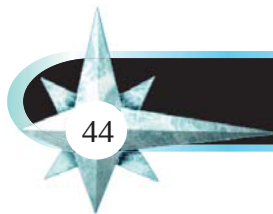
– Нам сюда?

– После тебя, – подтвердил Аким, – Осторожно, она откидывается наверх.

Это Масако немного удивило, так как ей показалось, что она видела в передней части двери два шарнира. Однако, и в самом деле, стоило ей дернуть за утопленный в центре металлической двери рычаг, как зажимы подались назад и дверь немного поднялась. Масако отступила на шаг назад и Аким мощным рывком поднял разблокированную дверь вверх.

– Радуйся, что я тебя предупредил. Мне она в первый раз врезала по подбородку, – заявил он, кисло улыбувшись.

– Такое было с нами со всеми. Своего рода обряд вступления в состав экипажа «Дж. Эдгара» – заметил худощавый, приветливо улыбающийся солдат, расположившийся на месте водителя, – Меня зовут Ханне, Ханне де Конинг, – представился он и развернулся вместе со своим креслом на сто восемьдесят градусов, давая Масако возможность разминуться с ним.

– Масако Шлютер, – ответила она, протискиваясь мимо. Одного взгляда ей было достаточно, чтобы понять, что опасения её сбылись: внутри было темно, тесно и душно. – Я – новый бортстрелок, – она продвинулась к центру кабины, где ее ожидало два свободных кресла и еще один член экипажа, – Уютненько у вас тут.

Белобрысый связист засмеялся.

– Да уж, обстановка располагает к тесному знакомству, хотим мы того или нет, – он протянул ей руку. – Хорхе Оливейра.

– Масако Шлютер, очень приятно, – она пожала его руку. – Полагаю, мое место – вон то, где кнопки спуска?

Не дожидаясь ответа, она скользнула в кресло и пристегнулась, чтобы освободить немного места.

– Так точно, – подтвердил Ханне, – у тебя есть даже особенное удобство: если хочешь чувствовать себя посвободнее, можешь подняться в стрелковую башню.

Масако немедленно так и поступила, наслаждаясь сравнительно большим простором, который обеспечивало ее место.

– Замечательно.

– Только не забудь надеть шлем, прежде чем мы отправимся, – напомнил Хорхе. – Там, наверху, грохот еще почище, чем у нас внизу, особенно, если начнешь стрелять.

В этом она не сомневалась. В конце концов, в верхней части боевой башни находился не только средний лазер, но и две сдвоенные ракетные установки. Очевидно, от полного залпа вся башня должна была звенеть, как гигантский церковный колокол. Масако торопливо напялила на себя шлем, поданный Акимом.

– Так, что теперь? Есть желание немного прогуляться?

Глава 12

*Окраина Хельмштетта, Людвигсхафен
Провинция Ковентри, протекторат Донегол
Лиранское Содружество
12 октября 2838 года*

– Эй, Большой Бвана! – голос Хорхе зазвучал в наушниках звукоизолированного шлема, защищающего уши Акима от дребезжания и завывания машины, от которых кабина, казалось, вот-вот лопнет. – Я тут получил сообщение насчет неких Харальда Краузе и Антонеллы Зоненшайн. Это не те ли, с которыми ты так желал пообщаться? Или я чего-то недопонял?

Аким развернулся в командирском кресле вправо, к коммуникационному пульта. Оливейра тоже повернулся и принялся его разглядывать.

– Что до меня, то я прямо-таки горю желанием перекинуться с ними парой слов, – вмешалась Масако со своего наместа, – Их нашли?

То же самое хотел знать и Аким.

– Что за сообщение? – спросил он.

– Похоже, планетарная полиция засекла их при рутинной дорожной проверке. Они направляются в Дувр в темно-синем ховере. Полицейские передали сообщение в гарнизон.

– В Дувре есть собственный космопорт. Примерно две сотни километров по прямой к северо-востоку отсюда, на побережье, – пояснил Ханне, бывший уроженцем Людвигсхафена. – Но если ехать по дороге, то она петляет. На полной скорости, думаю, мы их можем перехватить.

– Так чего мы ждем? – спросила Масако. Аким медлил. Вообще-то, он полагал, что пройдет ещё несколько дней, прежде чем он услышит что-либо о своих сбежавших коллегах, но теперь, похоже, развитие событий ускорилось. Он не был уверен, как ему следует реагировать – хотя, если разобраться, особого выбора у него не было. Если не он – на охоту за ховером выйдут другие люди Делкорда. Предположительно, из Дувра уже также были высланы подкрепления. И если Гарри с Антонеллой в самом деле сидят в этом ховере – Аким с Масако смогут обеспечить им наилучшую возможность улизнуть.

– Да ничего. Ханне, жми на газ. Хорхе, сообщение в гарнизон: мы начали преследование и вернемся с патрулирования чуть попозже, – он развернул кресло обратно к экранам и зафиксировал его, чтобы обеспечить максимальную амортизацию. Роторы воздушной подушки взвыли, когда де Конинг выжал газ и ринулся со скоростью более ста километров в час в сторону городской окраины и открытого поля за ней. Аким невольно ухватился за подлокотники – танк несколько раз вильнул влево и вправо, обгоняя медленно движущиеся по дороге машины. У него над головой Масако, высунувшая голову из люка и подставившая ветру развевающуюся шевелюру, дико заулюлюкала.

– Гарнизон подтвердил прием сообщения. Из Дувра выслали «Гоблина».

Не слишком серьезная конкуренция. Гусеничный танк развивал едва ли треть скорости, на которую был способен «Дж. Эдгар».

– Держись! Сейчас начнется! – завопил Ханне, сворачивая с трассы в поле. Одновременно он ещё раз дал по газам и выжал максимальную скорость – около двух сотен километров в час. И без того спёртый воздух внутри «Дж. Эдгара» стал быстро нагреваться из-за работающего на полной мощности термоядерного реактора и Аким тихо радовался тому, что в башне танка имелось вентиляционное отверстие – кроме всего прочего, оно уменьшало вонь от пота и пластика. Тем не менее, облегчение было недолгим, так как Масако надоело торчать снаружи. Она опустила кресло стрелка вниз и захлопнула люк, после чего тихо выругалась в шлемофон.

Аким обернулся и увидел, что она стянула с руки перчатку и беспомощно старается протереть глаза – ей мешал пластиковый щиток шлема.

– Ну что? – спросил он сочувственно и получил в ответ:

– Переживу.

– Примерно через десять минут мы перережем трассу, – сообщил водитель. – Там придётся притормозить, а то слетим вниз.

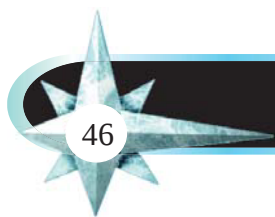
Аким вызвал на командный монитор карту окрестностей. В самом деле, трасса на Дувр проходила вдоль пропасти – внизу отвесной скалы, в паре сотен метров, текла река Боббер. Вид, наверное, был потрясающим, но Ханне прав – не стоило так рисковать, приближаясь к краю. Он кивнул и стал следить, как на карте мигающая точка, обозначающая «Дж. Эдгар», приближается к обрыву.

У себя над головой он слышал усиливающееся гудение и лязг зарядного механизма. Быстрое нажатие нескольких кнопок сменило изображение на экране – Аким получил подтверждение того, что Масако привела в боевую готовность оружие. Он озабоченно склонил голову к плечу.

– Перестрелки не будет, – напомнил он коллеге. – Они торчат в безоружном гражданском ховере.

И мы даже не можем знать наверняка, они это или нет.

– Просто не хочу никаких неожиданностей, – успокоила Масако. – И потом, предупредительный выстрел еще никому не повредил, правда? – она на секунду замолчала. – Кроме того, Акимушка, эта сволочь со своей потаскухой оставили нас в луже – или ты уже забыл?

Напоминание о придуманной ими сказочке оказало свое воздействие. Конечно, она была совершенно права. Еще вчера утром он разорвался перед Десото и Мигоян насчет того, как ему хочется добраться до Краузе – так что теперь он вряд ли мог себе позволить быть сдержанным. Масако лучше удавалась её роль брошенной любовницы.

– Лучше не напоминай. Чёртов гаденыш. Он заслужил предупредительный выстрел в лоб.

– Эту возможность мы скоро получим, – вмешался в диалог Хорхе, – у меня на радаре одна единственная машина, примерно в четырнадцать километрах впереди. Похоже, это они.

– Только одна машина? – переспросила Масако, на мгновение опередив Акима. В такой солнечный день, как этот, можно было бы ожидать, что на трассе будет достаточно плотный поток машин – даже без учета делового движения.

– Полиция перекрыла трассу с обеих сторон, как только гарнизон сообщил, что мы начали преследование, – заметил Ханне, замедляя ход и выбираясь на дорогу. Это имело смысл. Даже если блюстители закона не догадались бы сделать это сами, гарнизон потребовал бы перекрыть трассу, чтобы избежать риска. Раненые или убитые случайные прохожие вряд ли способствовали бы улучшению имиджа архонета Делкорда среди местного населения.

– Хорхе, а что это за муха там сверху?

– Вертолёт? Судя по маркировке – это дорожный наблюдатель Девятого канала. Похоже, снимает преследование дезертиров для выпуска новостей. Хочешь устроить им спектакль?

Аким ухмыльнулся.

– Ханне, держись рядом с дорожным полотном. Хорошенькое облако пыли выглядит в десять раз драматичнее.

– Будет сделано, шеф, – заявил водитель и резко завернул танк на обочину. Аким склонился вперед, чтобы через его голову также взглянуть на дорогу сквозь бронестекло. Чуть впереди он увидел тёмно-синюю машину.

– Это они?

Хорхе решил, что вопрос обращен к нему.

– Темно-синий «Хорьх Альпино-Торнадо». Соответствует докладу хельмштеттской полиции. Опа, они нас заметили.

Машина резко прибавила скорость и теперь летела в опасной близости к пропасти.

– Только сейчас? – удивился де Конинг, – Они, должно быть, слепые. И глухие к тому же.

– В любом случае, непохоже, чтобы они собирались спокойно свернуть к обочине и поднять ручки, – прокомментировала Масако из башни. – Сейчас я им подожгу хвосты.

Аким несколько удивился неожиданной агрессивности своей коллеги, которую до сих пор знал, как весьма сдержанную особу. Он едва ли не усомнился – а играет ли она в самом деле?

– Перед капотом – так мы договаривались. Мы же не хотим их прикончить. Пока что, – добавил он циничным тоном, чтобы удержаться в рамках своей роли. – Но это, похоже, и в самом деле необходимо. Один выстрел – и прицелься достаточно далеко, они довольно быстро идут.

– Кто здесь стрелок – ты или я? – спросила она и перебрала тумблер. – Чёртова пыль. Как тут толково прицелишься?

Аким открыл рот, чтобы приказать Ханне вернуться на трассу, но тут у него над головой грохнуло и кабину заполнило громкое шипение. Сквозь бронестекло он увидел два белых инверсионных следа, обогнавших тёмно-синий хOVER. С дымом, грохотом и пламенем две РБД разорвались прямо перед машиной, которая резко затормозила и пошла юзом.

– Дьявол! – выдохнул Ханне и Аким застыл, раскрыв от отчаяния рот, глядя на происходящее.

Машина вылетела из колеи, обернулась разок вокруг собственной оси, однако выровнялась и попыталась увеличить скорость. Только попыталась. Однако в этот момент она попала правым задним колесом в кратер, выбитый одной из ракет в дорожном покрытии. Была ли причина в острых осколках РБД или в не менее острых краях выбоины – никто из свидетелей не мог бы сказать точно, но покрышка лопнула и водитель снова потерял контроль над машиной. Аким показалось, что время замедлило свой бег, пока он наблюдал, как перепачканная дымным сле-

дом машина двигалась к краю пропасти. Сантиметр за сантиметром лимузин приближался к кромке. Передние колеса ужасающе медленно вращались, выворачиваясь – водитель пытался спасти то, что ещё можно было спасти. Правое переднее колесо сорвалось с дорожного полотна, перевалилось через едва заметную бровку и зависло в пустоте. Потом хOVER вывернулся обратно на дорогу, какой-то момент двигался параллельно пропасти и начал от нее удаляться.

Аким готов был уже облегченно перевести дух, но тут его глаза расширились – он понял, что с неизбежностью должно было последовать. Из-за вращения машины ее корма вывалилась за пределы дороги. Сначала над пропастью повисло разорванное правое заднее колесо, за ним последовало левое. Ведущим у хOVERа был именно задний мост, так что теперь он потерял ход и качнулся, захваченный моментом вращения, назад. С дымящимися, всё ещё вращающимися передними колесами он медленно переваливался вниз.

– Вон из машины! Выпрыгивайте! – орал Аким, пытаясь чуть ли не силой воли заставить двери хOVERа открыться, чтобы Гарри и Антонелла могли спастись, но двери «Хорьха» оставались закрыты. Он поблагодарил Бога за то, что стекла лимузина оказались тонированными – так что перекошенные лица сидящих внутри людей не были видны. Когда машина рухнула вниз, он застыл как оглушенный.

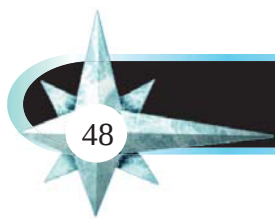
– Этого... я... не хотела, – пробормотала у него за спиной Масако.

Глава 13

*Хельмштетт, Людвигсхафен
Провинция Ковентри, протекторат Донегол
Лиранское Содружество
13 октября 2838 года*

Из валяющегося на дне пропасти разбитого автомобиля ударил фонтан огня и тяжелый, толстый, масляно-черный столб дыма поднялся к небу. Вертолёт медленно сделал круг над местом катастрофы, чтобы снять его со всех сторон. Вдруг сквозь днище лежащего на крыше, словно мертвый жук, хOVERа прорвался длинный язык пламени, после чего машина с грохотом взорвалась. Обломки взлетели высоко в воздух, заставив вертолет отвернуть в сторону, чтобы не получить пару пробоин.

– После этого взрыва не осталось никакой надежды вытащить сбежавших поджигателей войны из потерпевшей крушение машины и отправить их под суд. Пассажиры хOVERа погибли, пытаясь избежать ареста гарнизонными войсками двенадцатой Свободной бригады. Командир гарнизона гауптман Десото пояснил в своем выступлении для прессы, что взрыв машины стал последним доказательством того, что разыскиваемые Краузе и Зонненшайн являлись, как и подозревалось, террористами, планировавшими взрыв опреснителя морской воды под Дувром. Представитель правительства Людгер Телфорд в заключение выразил войскам гарнизона искреннюю благодарность населения Людвигсхафена за спасение города.

– В самом деле, весьма красивая смерть, – констатировал Гарри и выключил головид, – Нам явно не на что пожаловаться.

– В любом случае, с нашей стороны это было очень глупо, – подтвердила Антонелла через открытую дверь ванны, где она была занята втиранием в свою кожу автозагара из пакета, полученного сегодня по почте. – О пышных похоронах теперь можно и не мечтать.

Гарри засмеялся.

– Ну, судя по новостям, на слишком большой похоронный эскорт рассчитывать не приходится. Ты забываешь, что официально мы объявлены террористами.

Антонелла вернулась в гостиную. Она была завернута в салатовое полотенце, а в руках держала пластиковую бутылку и прозрачную перчатку.

– Да, вот так вот всё быстро получается. Завербуйся в армию, посмотри на новые, экзотические миры... и отправься на них в землю – кормить новых, экзотических червей, – она помахала бутылкой. – Ты не мог бы мне намазать спинку, папочка?

Он встал с дивана и направился к ней.

– Конечно. В конце концов, я же хочу, чтоб моя дочурка хорошо выглядела.

Она бросила на Гарри косой взгляд и протянула ему перчатку.

– Не хотелось бы возражать против того, что мы летим в качестве отца и дочери, хотя, признаться, на моего папашу ты не похож ни капельки.

– Ну, спасибо, – ответил Гарри и выдавил немного автозагара на ладонь. Ореховый аромат лосьона защекотал его ноздри – запах ему понравился.

– Пожалуйста. Но это типично – ты отделался сединой и усами, а мне приходится третий день подряд втирать в кожу эту дрянь. Если я узнаю, кто до этого додумался...

– Не расстраивайся, Джой, деточка. Радуйся. – он отставил бутылку в сторону и поднял ей левой рукой волосы на затылке, чтобы втереть немного крема под корни. – Я не виноват, что легче сделать светлую кожу темной, чем наоборот. Все-таки, несмотря на нашу трагическую гибель, было бы слишком рискованно пытаться улететь отсюда без прикрытия.

С тихим рычанием Антонелла развязала полотенце и спустила его на спине до талии.

– И поэтому я должна радоваться? Мне моя кожа нравится такой, какая она есть.

Гарри на секунду задумался, после чего поцеловал ее между лопаток. Она дернулась.

– Мне тоже, дорогуша, но чему быть – того не миновать, – он погладил ее по спине.

– Папа! – заявила Антонелла обвиняющим тоном и погрозила ему пальцем. – Впрочем, конечно же, ты прав. После того, как агент Нойманн столько провозился с нашей смертью, нам не стоит доставлять ему неприятности, – она взглянула на головид, – Машиной, скорее всего, управляли на расстоянии, как ты думаешь?

Гарри полностью был поглощен нанесением ей на спину крема, чтобы добиться равномерного загара.

– Уверен в этом. Предполагаю, с вертолёт. Тонированные стекла и, прежде всего, заваренные двери – лучшее доказательство. Даже, когда машина уже лежала внизу, на камнях, и горела – двери остались закрытыми. На самом деле – просчет.

– Ну, в конце концов, нужно было обмануть всего лишь ВР Делкорда, не «Мецуке» или «САФЕ». У Нойманна не было времени подготовиться получше. Полагаю, в ту пропасть не так уж часто сваливаются машины с сидящими в них парочками, чтобы нас с кем-нибудь спутали.

Это была принятая в ЛРК практика: при возможности так подчистить сведения о настоящей катастрофе, чтобы они соответствовали требованиям, а не фальсифицировать их полностью. Подобный способ был более естественным и его сложнее было раскрыть.

– Нну... – пробормотал Гарри, – сильно похожими они и не должны были быть. Мужчина и женщина, примерно нашего телосложения. После пожара всё равно невозможно было никого опознать. Но наши солдатские медальоны, без сомнения, оказались вполне читабельны, – он приближался уже к кромке полотенца. – Ещё ниже?

Антонелла покачала головой.

– Нет, спасибо. Дальше я уж как-нибудь сама. Кроме того, я не собираюсь отправляться в этой маскировке в сауну и париться голой. А мой строгий папочка, скорее всего, будет очень внимательно следить за тем, чтобы я не прыгнула с кем-нибудь из пассажиров в койку.

Когда он сообщил ей лёгким шлепком, что дело сделано, Антонелла повернулась и стала разглядывать результаты его работы в зеркале, висящем в ванной комнате. Лосьон был весьма равномерно распределен по коже. Она заметила его взгляд.

– Ну? Похожа я на твою дочку?

– Это которая еще не родилась? Трудно сказать, – ответил он. – Но я предполагаю, что если у меня когда-нибудь появится дочь – она будет несколько темнее тебя, – она показала ему язык.

– Кроме того, я бы не стал жаловаться, если бы она была похожа на тебя.

Антонелла сделала ироничный книксен.

– Весьма рекомендую, – она вытащила из ванной комнаты табуретку и уселась около дивана. – С ногами и бедрами я подожду, пока остальное не впитается. Давай-ка ещё разок посмотрим документы.

Гарри кивнул и взял со столика конверт с их документами и билетами, также прибывшими с почтовым пакетом. Он уселся на диван и разложил бумаги между собой и Антонеллой.

– Так, что у нас тут? Два билета туристического класса на Мэгон, выписаны на Хэнка Кейна, дипломированного экономиста, и его дочь Джой, журналистку. Объявление о вакансии в финансовом управлении архонета на Мэгоне и высланное Хэнком неделю назад заявление о приеме. Запрос Джой о возможности получить работу в «Уорлд Линк Ньюс» на Мэгоне, с приложенной биографией. И, конечно, наши паспорта, – он рассортировал все в две стопки, одну из которых пододвинул Антонелле.

– Интересно, а куда завербовались Аким и Масако? – заметила она, внимательно проглядывая биографию своего нового «я».

– Этого мы, скорее всего, никогда не узнаем, – пожал плечами Гарри и выпрямился. – Их работодатели, полагаю, получают сообщение, что в связи с изменившимися обстоятельствами они, к сожалению, не смогут принять предложение.

– Так точно, – улыбнулась Антонелла, – они теперь герои сопротивления гнету Штайнеров.

* * *

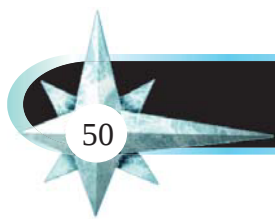
– О чем вы вообще думали? Если, конечно, думали! Я, кажется, ясно выразилась, что желаю получить Краузе и Зонненшайн на допрос целыми и невредимыми! Теперь, из-за вашей идиотской пальбы, я могу допрашивать две кучки пепла!

Масако пригнулась под громкими ругательствами офицера ВР. Гауптману Десото подобные взрывы, похоже, были не внове. К такому заключению Шлютер пришла, наблюдая выражение покорности судьбе, с которым он откинулся на спинку стула, дожидаясь, когда его коллега успокоится. В то время, как он сам сопровождал безвременную кончину сбежавших мехпилотов лаконичным комментарием: «Бывает», Мигоян, похоже, восприняла упущенную возможность допроса, как личное оскорбление. При этом для Масако оставалось загадкой, что вообще полезного для архонета Делкорда можно было выбить из двух мехвоинов семнадцатой Лиранской гвардии, только что вернувшихся с лигистского фронта. По крайней мере, ей или Акиму никто дальнейших вопросов не задавал. Может быть, Мигоян просто не умела проигрывать? Тогда ей нечего делать в военной разведке, – подумала она и невольно улыбнулась.

– Что это вас так рассмешило, Шлютер? Хотите посмеяться надо мной? Вы, похоже, совершенно не представляете себе, что...

– Пожалуйста, госпожа офицер, – прервал Нойманн Мигоян, чей голос становился все громче. – Она же ненамеренно. Уж это из показаний лейтенанта Шлютер так же ясно, как и из показаний троих остальных членов экипажа. И видеозапись, сделанная новостным вертолётом, подтвердила, что это крушение – следствие цепи несчастных случаев. Было бы несправедливо всё сваливать на неё.

Десото склонился вперед.

– И уж тем более, после того, как мы сообщили СМИ, что речь идет об опасных террористах. Я не удивлюсь, если кому-нибудь придет в голову этот экипаж наградить. Было бы странно, если бы мы при этом наказали стрелка за её героизм, – его голова повернулась и он уставился на Масако, – Что, кстати, вовсе не означает, что это дело останется без последствий. Мы здесь находимся в качестве миротворцев, а не завоевателей. Мне не нужны в моих танках помешанные на стрельбе маньяки.

Масако расплакалась. Жалкая и съеженная, она дергалась на своем стуле и рыдала. Предупрежденная агентом Нойманном, девушка два часа готовилась к этой беседе, старательно вспоминая самые страшные и трагические страницы своего прошлого, чтобы накопить достаточно эмоций для убедительного нервного срыва – и теперь, когда она высвободила эти чувства, они вырвались из неё наружу со впечатляющей мощью. Хотя она не могла видеть реакцию за письменным столом, потому что свернулась чуть ли не в клубок и глаза ее застилали слёзы, но слышала, как её растерянными голосами пытались успокоить – значит, спектакль удался. Через пару минут она с трудом остановила поток слез и опасно подняла втянутую в плечи голову.

Десото казался совершенно убитым этой истерикой, в то время как на лице Мигоян боролись два чувства: раздражение и озабоченность.

Нойманн изящно принял подачу.

– Пожалуйста, успокойтесь, лейтенант Шлютер. Никто не обвиняет вас в смерти ваших товарищей по звену, – он обернулся к Десото, – Мне кажется, совершенно ясно, что лейтенанту Шлютер требуется время, чтобы справиться с пережитым. Я бы предложил для начала перевести её с боевого дежурства на канцелярскую должность. В её деле я прочел, что в Лиранской гвардии она уже получила опыт писарской работы на батальонном уровне. Может, ей лучше бы пока посидеть в гарнизонной канцелярии?

Командир роты кивнул.

– Конечно. Я думаю, мы найдём ей подходящее место, – повернувшись к Масако, он добавил: – Могу себе представить, что вы чувствуете. Вы долго с ними служили?

– По... почти... шесть лет... – всхлипнула она.

– И не стоит забывать об особой привязанности к оберлейтенанту Краузе, – напомнил Нойманн приглушенным голосом.

Масако снова всхлипнула, на что Мигоян скорчила гримасу отвращения.

– Я знаю, это не совсем по правилам, – обратился к ней Нойманн, – но при данных обстоятельствах я полагаю, было бы полезно, если бы мы позволили Шлютер и Баликчи жить вместе. Они достаточно давно знакомы, чтобы помочь друг другу справиться с последствиями этого несчастного случая, а он может оказать ей необходимую поддержку, в которой она явно нуждается.

Контрразведчица Делкорда немного подумала, меряя Масако взглядом. Та шмыгнула носом и заморгала, явно стараясь взять себя в руки. Мигоян кивнула.

– Ради Бога. Свою лояльность вы доказали. А ваши постельные дела меня не интересуют.

Нойманн встал и обошел вокруг письменного стола. Он положил руку на плечо Масако и медленно отвел ее к двери. Отвернувшись от обоих начальников, девушка коротко ему подмигнула.

Глава 14

*Бар «Аккордеон», Хельмштедт, Людвигсхафен
Провинция Ковентри, протекторат Донегол
Лиранское Содружество
19 октября 2838 года*

– Жаловаться не буду, – заявил Ханне де Конинг и поднял свой стакан темного «Тимбикви».

– Ясно, – кивнул Аким и склонился вперед, сложив руки на темной столешнице. Экипаж «Дж. Эдгара Гувера» сидел в одной из ниш «Аккордеона», одного из довольно неплохих баров хельмштеттского космопорта, который они решили сделать своим постоянным местом. Зал был чист, официантки – смазливymi и расторопными, а выбор напитков – достаточно разнообразен, чтобы удовлетворить разнящиеся вкусы всех четверых. Шум в это время дня хотя и был довольно громким, но для танкистов это не имело значения. По сравнению с грохотом внутри танка гул голосов в баре казался легким шепотом.

Кроме того, этот шум гарантировал возможность спокойно общаться, не волнуясь, что кто-нибудь подслушает разговор. Это радовало прежде всего Акима. Главная причина, по которой он привел остальных членов своего экипажа сюда, заключалась в том, что этот бар ему посоветовал агент Нойманн. Для Акима это было сигналом, что здесь он, в случае необходимости, сможет выйти на контакт с местной сетью ЛРК. Он ухватил стакан с белым «Таркана» и сделал мощный глоток. Не так уж часто, находясь на задании, ему удавалось отыскать местечко, где подавали бы его любимое пиво, и он не собирался упускать такой случай.

– Ну давай, выскажись, – бросил Патрик Шюрманн. Новый бортстрелок уже успел опорожнить стакан со своим «Донегольским экспортным» и, разговаривая, помахивал им в воздухе. Наконец, ему удалось привлечь внимание бармена – тот утвердительно ему кивнул. Стрелок, уроженец Гатино, был переведен в их команду из вспомогательных гарнизонных частей после того, как Масако получила место в канцелярии. Ранее рыжий веснушчатый паренек служил водителем на «Скорпионе», но быстро привык к своим новым обязанностям и стал неотъемлемой частью команды.

– А я и говорю: жаловаться не буду, – повторил Ханне, – но как-то вот иначе это всё звучало в новостях с других миров, на которые распространился архонет. Почему нам тогда ничего не говорили о сопротивлении?

Аким пожал плечами.

– Кто его знает. Может быть так, что про то, что у нас тут творится, никто ничего не узнает. В конце концов, частные каналы, похоже, весьма довольны появлением Делкорда. Но ты прав, «Антенна Донегол» давала об этом информацию.

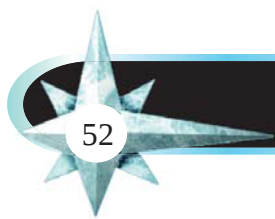
Патрик набрал из блюда пригоршню соленых орешков и закинул их один за другим в рот.

– Ну, у нас вот, на Гатино, никакого достойного упоминания сопротивления не было, – заявил он с полным ртом. – Но у нас Делкорд взял власть, опираясь на авторитет архонта Маркуса. Эта планета, вообще-то, лежит за пределами его сектора.

– Это, похоже, имеет значение, – подтвердил задумчиво Хорхе Оливейра и сделал глоток «Старого Семиреченского», – впрочем, я думаю, главная причина в том, что здесь он впервые понес потери после высадки, – он взглянул на Акима. – По крайней мере, я о таком впервые услышал.

Аким кивнул.

– Да, это Масако постаралась. Доверь женщине оружие – и без потерь не обойдешься, – он скорчил гримасу, подчеркивая свой юмор висельника. Все умолкли.

– Как, чёрт возьми, мы должны утихомирить взбесившихся пехотинцев средним лазером и ракетами, не устроив бойню? – спросил Патрик через шлемофон. – Эти лифчики, которые они называют бронежилетами, может, помогут еще против лазерного ружья, но если я бабахну из нашей пушки, от этих придурков останутся одни дымящиеся сапоги!

Аким хорошо понимал, что творится в душе у юного стрелка. Он сам чувствовал то же самое. Гарнизон переориентировал «Дж. Эдгара Гувера» с планового патруля, чтобы тот восстановил порядок в пригороде Хельмштетта, где верные Штайнеру подразделения захватили контроль над релейной станцией тривидения и начали призывать население к всеобщей забастовке против Делкорда и его оккупантов. И вот, разведывательная машина стояла теперь в двух кварталах от станции, не в силах двинуться дальше, потому что пехотинцы построили баррикаду, перед которой стояли пятеро солдат, защищая ее собственными телами. Аким взглянул сквозь лобовое стекло на их решительные физиономии и грустно покачал головой.

– Ханне, малый ход вперед. Со скоростью пешехода, если у тебя это получится. Постарайся оттеснить их в сторону. Патрик, захвати-ка в прицел антенны на крыше станции. Ты сможешь их сбить лазером?

– Могу попытаться, но они все еще слишком далеко. И больно уж тонкие. Не слишком хорошие шансы попасть, – его голос звучал неуверенно.

Это у него с водителем было общим. Ханне развернул свое кресло.

– Эээ, шеф... я не знаю, заметил ли ты, но у нашей коробки нет заостренного капота или чего-то подобного, что можно использовать в качестве тарана. Старый добрый «Эдгар» спереди такой же широкий, как и сзади, и совершенно прямой. Если они не испугаются одного нашего вида и не постыдятся, я могу максимум раздавить их об эту хренову баррикаду. Оттеснить не получится.

– А они не выглядят особенно испуганными, – добавил сверху Оливейра.

– Я знаю. У меня тоже глаза есть, – зло ответил Аким. Он склонился вперед, насколько позволял страховочный ремень, чтобы лучше видеть. – Но что нам остается? Мы же не можем стрелять в лиранских солдат. С удовольствием выслушаю ваши гениальные предложения, не стесняйтесь.

Тишина, установившаяся после его слов, стала лучшим ответом на них.

– Я бы мог дать предупредительный... – трое остальных танкистов повернулись к Патрику и он заткнулся, – Извините.

С тех пор, как после предупредительного выстрела Масако ховер беглецов рухнул в пропасть, никого из них не обуревало желание стрелять, пока они не исчерпают все иные возможности.

– Может, было бы достаточно открыть стволы? Вроде угрозы.

Аким задумался. Каким-то образом они должны были выполнить задание, не учинив при этом кровопролития. Ему нелегко было объяснить самому себе тот факт, что он участвует в подавлении сопротивления, которое, по идее, должен поддерживать.

– Ладно, попробуй. Только сначала убедись, что ракеты не на боевом взводе.

Пока он это говорил, ему в голову пришло решение проблемы.

– Ха! Придумал! Ханне, отступи на квартал назад. Патрик, как только мы остановимся – выстрелишь одной ракетой по улице перед солдатами. Только невзведенной!

Де Конинг повернулся обратно к управлению, после чего поднял вверх руку с поднятым большим пальцем – сигнал, что понял мысль Гарри. Винт взревел, давая задний ход, и 25-тонная машина, ускоряясь, двинулась по улице назад, остановившись примерно в пятидесяти метрах. Над головой Аким услышал лязг – это пришла в боевую готовность левая ракетная установка. При этом звуке он невольно содрогнулся и вознес короткую молитву Небесам. Потом грохот, шипение – ракета покинула пусковую трубу.

РБД почти отвесно взлетела в небо и тут же, почти так же отвесно, ринулась вниз – выглядело так, будто она сейчас врежется в баррикаду и перепугавшихся солдат. Последние уже собрались бежать, но тут ракета врезалась в асфальт перед ними, не взорвавшись – тем не менее, ударной волны от падения хватило, чтобы сбить их с ног и швырнуть оземь.

Немедленно свистнул лазер «Дж. Эдгара» и толстый красно-голубой луч пропорол поднятое ракетой пыльное облако, вонзившись в баррикаду. Еще до того, как он пробил себе дорогу насквозь, танк разогнался. Лазер отключился и прежде, чем пехотинцы смогли подняться на ноги и закрыть брешь, Аким и его люди прорвались на другую сторону.

– Если быть точными, – заявил Аким, – до сих пор нам не требовалось стрелять по людям, – он стукнул рукой по деревянному столу, – До сих пор мы ограничивались материальным ущербом, – он сделал глоток из стакана.

– До сих пор, – мрачно повторил Хорхе, – Но кто знает, как долго это еще продлится? – он скривился, – Вообще-то, мы должны радоваться, что у нас на борту нет пулеметов. При нашем вооружении, как минимум, никто не может всерьез требовать от нас стрельбы по пехоте.

Официантка принесла Патрику темного «Тимбикви» и Хорхе воспользовался возможностью поставить ей на поднос пустой стакан и тоже заказать еще один. Официантка бросила вопросительный взгляд на остальных, и Аким с Ханне также кивнули.

Ханне скептически усмехнулся.

– Сегодня утром, однако, мы оказались дико близки к этому. Я не знаю, как вы, но когда я вербовался в ЛВС, я не подписывался стрелять по людвигсхафенцам. Меня от этого просто тошнит, – словно в подтверждение, он стукнул себя кулаком по животу и издал неприличный звук.

Хорхе Оливейра кивнул.

– Понимаю, – подтвердил светловолосый связист, – Как-то я себе всё это иначе представлял.

Аким сам удивлялся тому, до чего упорно продолжали сопротивляться некоторые отдельные части. Значительная часть гражданского населения попросту занималась своими делами, хотя и с определенным недоверием к новому руководству, назначенному делкордовскими командирами без всяких выборов. Однако из-за того, что состояло это руководство из местных политиков и бизнесменов, находившихся ранее в оппозиции, смену власти приняли достаточно спокойно. Сопротивление оказывали прежде всего военные. Пояснить это Аким мог лишь тем, что люди Нойманна на местах эти армейские подразделения поддерживали – для того, чтобы дать ему возможность проявить себя, добиться повышения и назначения в экипаж одного из танков, оборудованных делкордовскими спецкристаллами.

– А чтоб меня покрасили! – голос Хорхе Оливейры звучал так, словно он сам не верил тому, что видел на экране радара. – У нас впереди по курсу – мех!

– Что??? – хором воскликнули трое остальных членов экипажа.

– Невозможно, – запротестовал Аким, – наши танки разобрались со всеми мехами, стоило тем приземлиться.

Тем не менее, он пробежал пальцами по клавиатуре и отобразил радарную картинку на своем командном экране. В самом деле – сенсоры показывали боевой мех, взявший курс на столицу. Впрочем, точнее определить, что это за машина, пока было невозможно.

– Тут что, приземлялись какие-нибудь корабли, о которых мы не знаем? – спросил сверху Шюрманн.

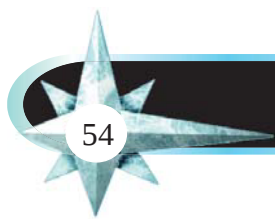
– Если и так, то о них не знает никто, – ответил Аким. Он принял решение. – Хорхе, доклад в гарнизон. Ханне, курс на мех. Хочу, как минимум, знать, что это за тип. Патрик, орудия на боевой взвод.

Экипаж танка работал, как хорошо смазанный механизм. Даже Патрик успел взвести свои орудия, одновременно задавая недоуменный вопрос:

– Ты это серьезно? Там же боевой мех! Кто знает, насколько тяжелый. А у нас – даже не полноценный танк!

– Но-но, попрошу без оскорблений! – отбрил с водительского места Ханне. – До сих пор наш «Эдгар» был для тебя вполне себе танком.

– Ты знаешь, о чём я, – услышал он в ответ. И, конечно же, он знал – впрочем, Аким тоже. 25-тонная разведывательная танкетка – не противник для боевого меха, по крайней мере – без

делкордовского секретного оружия. Он не знал, откуда вдруг вынырнула эта боевая машина, но если к этому приложил руку агент Нойманн, то при определенных обстоятельствах это могло оказаться его шансом, который нельзя упускать. Он напряженно следил за монитором. До того момента, как они окажутся достаточно близко, чтобы идентифицировать загадочную машину, оставалось совсем немного времени.

– Ответ из гарнизона, – доложил Хорхе. – Мы должны идентифицировать мех, но сами оставаться на расстоянии. Они отправили сюда танковое звено. «Гоблины».

Этого можно было ожидать.

Неожиданно символ меха на мониторе Акима замигал. Компьютер наведения захватил машину и обшаривал теперь базу данных. Через мгновение появилась идентификация. Брови Акима поползли вверх и у него отвалилась челюсть.

– «Флеа»! – закричал Хорхе из радиорубки. – Ущипните меня!

– Чего? Ты шутишь? – переспросил Патрик. Со своей массой едва ли в 20 тонн «Флеа» был легчайшим мехом из всех существующих, при этом гораздо более медленным, чем «Дж. Гувер». – С этим даже мы справимся!

Аким только хотел было попенять бортстрелку за излишнюю самоуверенность, как Ханне стукнул себя ладонями по шлему.

– Ну конечно! Металллом старого Сандерса! Мне следовало сообразить раньше.

Аким склонил голову набок и переспросил:

– Металлом старого Сандерса?

Ханне засмеялся и дал ускорение, направляясь к меху.

– У старого Сандерса есть участок далеко за городом, в чаще. И в одной из силосных ям торчит уже... я сам не знаю сколько времени... мех. Древний «Флеа». Я думаю, эта штука принадлежала его дедушке, а когда он демобилизовался, то забрал ее с собой – наверное, надеялся, что его дети когда-нибудь пойдут по его стопам. Из этого ничего не вышло. Все его дети и внуки или не имели ни малейшего желания становиться мехпилотами, или не проявляли никакого таланта к этому делу – в любом случае, в машину так никто и не сел. Вот уж не думал, что старая жестянка вообще может двигаться, – он снова хохотнул.

– Ну, двигаться-то она уж точно может, – уточнил Хорхе, – только, похоже, нас еще не заметили.

– Я думаю, у него сенсоры не работают. Или тот, кто сидит за рычагами, не умеет управлять. Ты прав, Патрик, с этим даже мы справимся. Эй, ребята, пошли поохотимся на меха!

Они выскочили из тени, отбрасываемой холмом, и увидели перед собой мех. Если у Акима и были какие-то сомнения относительно предположений Ханне – теперь они развеялись. «Флеа» был грязен и кое-где его изъела ржавчина – так что он почти слышал, как суставы птичьих ног машины под ящикоподобным корпусом жалобно скрипят при каждом движении. Может быть, это и было причиной, почему столь легкий мех так тяжело передвигался, но Аким в это не верил. Он был достаточно опытным мехпилотом, чтобы понять, что за управлением сидит новичок. «Флеа» двигался так беспомощно, что можно было подумать – кто-то пытается управлять им без нейрошлема.

Он улыбнулся.

– Хорхе, вызови гарнизон. Скажи им – мы догнали мех противника и сейчас с ним разберемся.

У него за спиной Патрик захихикал и открыл люки ракетных труб.

– Мы должны сначала связаться с ним и спросить, кто там сидит, в этой коробке, – сказал Ханне, – может, мы справимся и так.

– Ты что, плохо позавтракал? – улыбнулся Патрик, – Сколько на свете существует «Дж. Гуверов», которым удалось завалить мех?

– Ханне прав, – отрубил Аким. – Хорхе, вызови «Флеа».

– Никакого ответа, босс. Я думаю, его передатчик не работает.

Аким пощелкал клавиатурой своего пульта.

– Ничего не поделаешь. Придется пообщаться невербально.

Ханне де Конинг бросил танк вправо и обогнал мех, выскочив у того на пути – теперь пилот не мог их не заметить. После этого он развернул «Дж. Эдгара» и затормозил. В любой другой ситуации Аким назвал бы этот маневр слишком рискованным, но с каким-либо иным мехом Ханне не стал бы его выполнять.

Грязно-серый, в пятнах ржавчины мех, раскачиваясь, остановился и один из двух средних лазеров, вмонтированных в торс, повернулся в их сторону. Аким готов был поспорить, что сквозь открытый башенный люк он услышал отчаянный скрип. Пока оружие поворачивалось, с брони сыпались комья грязи. Потом из отверстия ствола вылетел красный луч и пропахал землю в нескольких метрах перед танком.

– Мощность – двадцать пять процентов от стандартной, – доложил Хорхе. – Даже если б он в нас попал – ничего бы нам не сделалось.

– Как бы там ни было, – сказал Аким, – он в нас стрелял. Это напрашивается на ответ, – он откинул голову назад. – Патрик, ракетный залп. По две штуки в каждое колено.

– Будет сделано. Надеюсь, он хорошо пристегнулся.

Я на это тоже надеюсь, – подумал Аким. – Не желаю быть виноватым, если какой-нибудь селянин-идеалист сыграет в ящик только потому, что желает, видите ли, сложить голову за дом Штайнера.

Две пары ракет сорвались с лафетов и прыгнули в сторону мощных птичьих ног боевого меха. Как и предполагалось, все они с хирургической точностью поразили свои цели, после чего мех медленно, но верно повалился назад, подняв страшный грохот и взметнув облако пыли.

– Как минимум, ему не пришлось так далеко падать, как в тяжелой машине, – заметил Хорхе, пока их танк двигался по направлению к поверженному противнику.

– Будь он в тяжелой машине – фиг бы он упал, – ответил Ханне и затормозил, после чего отстегнул ремень и открыл бортовой люк. Стоя в проеме, он оглянулся.

– Кто со мной?

– Я, – решил Аким и встал. – Хорхе и Патрик, вы остаетесь на местах и смотрите в оба. На всякий случай.

Подниматься по корпусу меха по поручням, которые не были для подобных вещей предназначены, оказалось утомительным делом. Кроме того, оба танкиста не были уверены, насколько они могут доверять металлу под своими руками и ногами. Они преодолели примерно половину пути, когда в крыше меха открылся люк и оттуда высунулась темноволосая растрепанная голова.

– Тина? – Ханне, пораженный, остановился. – Я мог подумать на кого угодно, только не на вас.

Аким склонился через его плечо и увидел девушку не старше двадцати лет, вылезающую из люка. На ней был лёгкий рабочий комбинезон из тех, какие носят фермеры.

– Прошу прощения, господин де Конинг. Я не знала, что в танке сидите вы, – она осторожно поползла к ним. – Я услышала призыв к всеобщей забастовке и подумала – раз я умею управлять рабочим мехом...

– Все ясно, – прервал ее Аким. – Но боевой мех – это не то же самое, что агромех, фройляйн.

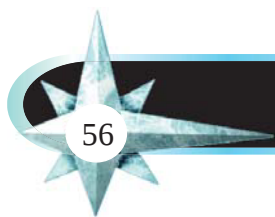
Она грустно покивала головой.

– Вот дерьмо, – заметил Ханне и взглянул на Акима.

Тот кивнул.

– Я боюсь, что не могу вас так просто отпустить, Тина, – заявил он. – В конце концов, вы в нас стреляли. И бортовая камера нашего танка это зафиксировала.

– Эээ... прошу прощения, Большой Бвана, – включился в дискуссию голос Хорхе Оливейры, звучавший из портативного коммуникатора на поясе Акима, – но наш компьютер, к сожалению, дал сбой. Мы потеряли все картинки и звуки, которые были записаны с того момента, как дали ракетный залп.

– В самом деле? – пораженно спросил Аким, – И когда это произошло?

– Примерно минуту назад.

Ханне широко улыбнулся и Аким также не смог сдержать улыбки.

– Похоже, вам сегодня выпал удачный денек, – заявил он, обернувшись к юной крестьянке.

– Хорхе, как далеко от нас «Гоблины»?

– Достаточно далеко.

Он подмигнул Тине.

– Ханне, будь так любезен – поднимись в кабину и запусти катапульту. К сожалению, пилот смог от нас сбежать, потому что мы не хотели оставлять без присмотра мех, – его водитель кивнул и полез в кабину меха. – Вас подбросить куда-нибудь, госпожа Сандерс?

Глава 15

Посадочный корабль «Золотой Слон»

Система Гатино

Провинция Ковентри, протекторат Донегол

Лиранское Содружество

23 октября 2838 года

Хэнк Кейн, он же Харальд Краузе, дружески кивнул единственному оказавшемуся в сауне пассажиру и прилег на одну из деревянных скамей. Полный пожилой господин медленно ответил на приветствие. Он буквально исходил потом и лицо у него было багровым. Впрочем, он, похоже, заметил озабоченный взгляд Гарри, так как успокаивающе улыбнулся.

– Не беспокойтесь, господин Кейн, уж это я выдержу.

Гарри удивленно взглянул на своего визави поверх полотенца, которое только что снял и расстелил на полке, после чего улыбнулся.

– Господин Розен! Я вас не узнал. – он подошел к промышленнику и пожал ему руку. Они с Антонеллой познакомились с пожилым бизнесменом еще по дороге к прыжковому кораблю с Людвигсхафена и виделись с тех пор несколько раз. Розен был директором фабрики бытовых приборов с Мэгона и летал на Людвигсхафен договориться о возможной покупке одной из тамошних фирм. Теперь, после успешного завершения переговоров, он направлялся обратно, на свой родной мир, откуда собирался урегулировать детали контракта. Они несколько раз довольно бурно поспорили о политической и экономической ситуации, в которых Розен выказал себя убежденным сторонником Делкорда – в особенности, его либеральной экономической программы.

– Да, я... так и подумал, – ответил старик, утирая пот со лба, – в костюме я выгляжу молодцом – не то, что сейчас, – он вымученно улыбнулся. – Проблема, которая вам явно неизвестна. У вас завидное телосложение.

Гарри засмеялся и лег.

– Сердечно благодарю, стараюсь. Впрочем, я ведь на пару годков помладше вас буду. В моем возрасте вы, скорее всего, тоже выглядели неплохо. Может, мне стоит попросить Джой составить нам компанию. Моей дочери вы очень понравились.

– Только не это, – запротестовал Розен и тяжело засопел. – Не хочу портить хорошее мнение, которое она обо мне составила. Мне тяжело даже сидеть прямо. – Он откинулся назад, тяжело опираясь на стену.

Гарри вытянулся на полотенце и принялся наслаждаться жаром. Он закрыл глаза и стал прислушиваться к тихой музыке, льющейся из динамиков, скрытых под потолком. Раньше он, так же, как и Антонелла, вовсе не собирался посещать сауну на корабле класса «Монарх», которым они летели на Мэгон, но на четвертый день полета к точке надира Антонелла все же набрела на нижней палубе на сауну, после чего решила подвергнуть испытанию свою маскировку. Тест она прошла на «отлично» и теперь приучила уже и Гарри к ежедневному посещению парилки. При этом у них была возможность, в зависимости от настроения, выбора из двух корабельных саун, отличающихся друг от друга прежде всего способом расслабления. В то время, как здесь звучала музыка, в другой кабине транслировались природные шумы. Впрочем, сегодня Гарри сделал свой выбор потому, что в другой сауне был семейный день, а расслабиться в кабине, полной детишек, удалось бы вряд ли.

Лежа на полке с закрытыми глазами, он задумался вопросом – а как бы сауна ощущалась в невесомости? Не будучи подвержен космической болезни, он представлял себе, что летать по кабине было бы довольно приятно. Впрочем, тогда сауне понадобился бы как минимум один скрытый вентилятор, чтобы поддерживать циркуляцию воздуха и предотвращать перегрев посетителей – ведь в стоячем воздухе их пот бы попросту не испарялся. Он решил, что подобная идея заслуживает дальнейшей разработки. Испробовать ее на практике не представлялось возможным, так как все то время, которое требовалось прыжковому кораблю для полета в иную звездную систему, сауны «Золотого Слона» оставались закрытыми. Пока двигатель Керни-Футиды несколько дней заряжался, пассажирский посадочный корабль отстыковывался и либо перелетал к другому прыжковому кораблю, либо, как сейчас, курсировал в межпланетном пространстве системы, чтобы обеспечить пассажирам искусственную силу тяжести.

Тихий стон, сопровождаемый глухим шорохом, заставил Гарри вскочить. Он завертел головой и увидел Алека Розена, распростершегося на полке. Похоже, тот потерял сознание и рухнул набок. Гарри быстро поднялся и подбежал к нему. Приложив ухо ко рту пострадавшего, он убедился, что тот ещё дышит, и стал прощупывать рукой пульс. Сердце Розена билось редко и неравномерно. Гарри подвел плечо под его руку и поднял его так, что старик вновь оказался в сидячем положении. Потом попытался дотащить его до двери, однако его руки соскользнули с потного тела.

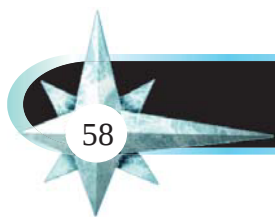
Гарри оглянулся, но всё, что увидел – собственное полотенце. Он набросил один его конец себе на плечи, а другим накрыл Розена, чтобы иметь возможность лучше ухватиться. Не идеальный вариант, но на десять шагов к двери хватило. Однако рядом с дверью ему пришлось усадить фабриканта на ближайшую скамью, чтобы открыть. Он выглянул в предбанник и заметил члена команды, менявшего полотенца.

– Эй, у меня тут ЧП! Не могли бы вы помочь?

Матрос повернулся к нему, отставил тележку с полотенцами и подошел. Увидев находящегося без сознания Розена, он немедленно зафиксировал открытую дверь сауны и помог Гарри вытащить старика в прохладу предбанника. Он усадили его на одно из прикрепленных к стене сидений и Гарри отправился в коридор, чтобы принести стакан ледяного чая из стоящего там автомата. Когда он засовывал в прорезь карточку пассажира, которую носил на запястье, мимо прошла супружеская чета с двумя детьми – те громко засмеялись, увидев его.

– Мама, смотри, а дядя голый! – закричала девочка.

Гарри оглядел себя. Малышка была права. С виновато-смущенным видом он взглянул на разозленную мать и поднял одно плечо, после чего ухватил стакан с напитком и побежал обратно в сауну, сопровождаемый проклятиями мамы и громким детским смехом.

Покуда Розен не пришел в себя, Гарри ограничился тем, что прикладывал ему влажный, холодный стакан ко лбу и поддерживал его в сидячем положении – в это время матрос вызывал через коммуникатор корабельный медотсек. Через некоторое время веки Розена задрожали и он со стоном пришел в себя. Гарри понадобилось приложить усилие, чтобы удержать полностью потерявшего ориентацию старика.

– Что? Где?

– Спокойно, господин Розен, спокойно, – мягко заговорил с ним Гарри. – Все в порядке. Вы потеряли сознание в сауне. Я вытащил вас в предбанник. С медотсеком уже связались. Скорее всего, они уже выслали врача и санитаров. Полагаю, вы просто немного переоценили свои силы.

Розен несколько минут глядел на него расфокусированным взглядом, потом начал медленно осознавать.

– Потерял сознание, говорите? Господи, опять началось... Я думал, я уже с этим справился. Извините меня. Простите, что причинил вам столько неприятностей.

– Глупости, – отмахнулся Гарри, – никаких неприятностей, господин Розен. С вашей стороны было бы весьма любезно, в следующий раз потерять сознание там, где люди носят больше одежды, – добавил он, вспомнив семейку у автомата с напитками.

– Алек, ну пожалуйста... Вы же, в конце концов, спасли мне жизнь. Будь я там один... – Розен схватился за голову. – Даже подумать боюсь. Господи, мне кажется, что у меня в голове полк боевых мехов отплясывает «Казачок».

– К сожалению, у меня с собой нет обезболивающего, – ответил Гарри, разводя руками. Как минимум, Розену теперь хватало сил сидеть самостоятельно. – Зато у меня есть ледяной чай. Выпейте, охладитесь. Должно немного помочь, – он снял крышку со стаканчика и подал его старику.

Пока тот осторожно отхлебывал чай, Гарри вытащил из оставленной матросом тележки два полотенца. Одно он повязал себе вокруг бедер, другое положил на колени Розену.

– У вас был халат?

Прежде, чем толстяк ответил, в предбанник вошел давешний матрос в сопровождении двух санитаров с каталкой. Гарри освободил для них место и коротко пояснил одному из санитаров, что произошло, пока двое остальных укладывали и укрывали Розена. Прежде, чем того увезли, он подошел ближе и спросил, не нужно ли кого уведомить.

– Нет, не нужно, спасибо, – ответил Розен, – я путешествую один и очень надеюсь, что дома, на Мэгоне, мне никого не придется беспокоить. Ещё раз спасибо за вашу помощь. За мной должок – что бы это ни было.

– Да ну, я вас прошу, – взмахнул рукой Гарри, – любой бы сделал то же самое. В самом деле. Это же само собой разумеется, – он проводил глазами удаляющуюся по коридору каталку.

Потом он повернулся к открытой двери сауны. Предположительно, кабина уже прилично остыла. Впрочем, ему уже не хотелось париться. Он закрыл дверь и отправился к шкафчику, где висели его вещи.

Глава 16

Планетарный гарнизон, Хельмштетт

Людвигсхафен

Провинция Ковентри, протекторат Донегол

Лиранское Содружество

23 октября 2838 года

– Мой герой! – пропела Масако Шлютер и бросилась в объятия Акима Баликчи. Агент застыл, пораженный, у дверей их совместной квартиры, обнимая коллегу, одетую в довольно фривольное шерстяное платье, и удивленно глядя на нее. Масако прочла по его лицу, что сейчас он может просто убежать, и еле сдержалась, чтобы не засмеяться. Даже если не принимать во внимание подчеркнутую театральность её приветствия, Аким, конечно же, давно был в курсе, что она предпочитает женщин – пусть и замечательно ловко обводит мужчин вокруг пальца. В столь тесном контакте, какой установился между ними в результате совместного проживания, объяснить ему это было насущной необходимостью.

Не то, чтобы она оскорбилась на его попытки сближения. Масако отлично сознавала свою притягательность и в какой-то степени восприняла бы как оскорбление, если бы в подобных обстоятельствах он не попытался бы уложить её в постель хотя бы разок. Но после того, как они поговорили на эту тему и Аким все понял, он согласился с её предпочтениями – они стали даже друзьями. Тем более явной была теперь его ошарашенность.

– Эй, с тобой все в порядке? – спросил он, вталкивая ее обратно в комнату и закрывая за собой дверь. Потом он поднял ее и отнес на диван. Она обвила его шею руками, заставляя склониться за собой так, что его нос буквально втиснулся в вырез ее платья. Не будучи в силах дольше удерживаться, она отпустила его и захихикала.

Аким раздраженно провел руками по волосам и униформе, не понимая, что дает этим Масако лишний повод для веселья. Ей понадобилось несколько минут, чтобы успокоиться до такой степени, чтобы снова говорить внятно. Все это время Аким стоял перед диваном, озабоченно глядя на нее.

– Извини, – наконец, сказала она и утерла слезы с глаз. – Мне кажется, я немножко пьяная, – она указала на кухонную нишу, где стояла полупустая бутылка и два стакана – один явно использованный, – Хотя обычно я могу выпить побольше.

Аким прошел к бутылке – рядом с ней лежал распечатанный конверт.

– Поздравительная открытка для тебя, дорогуша, и вино, вообще-то, тоже, но я знала, что ты захочешь со мной чу.. чукнуться, – она встала и тоже подошла к нише.

Аким взял бутылку и стал рассматривать этикетку.

– «Настоящий людвигсхафенский трипплсект», – прочел он – никогда о таком не слышал. Опа! – он повернул бутылку и показал этикетку Масако. – Теперь понимаю.

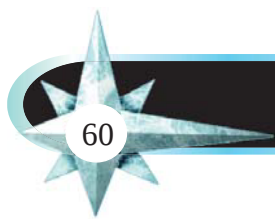
Девушка смерила его широко открытыми глазами, потом свесила голову и сфокусировала взгляд на бутылке. 38 градусов. Она посмотрела на Акима, потом опять на бутылку. Никакой ошибки. Там в самом деле стояло: 38% крепости. Масако уставилась на Акима, а он – на нее.

– Парнишка, меня ждет грандиозное похмелье.

– Это зелье вполне может поспорить с виски, – кивнул он и еще раз взглянул на уровень жидкости, – Ни фиги себе. Надеюсь, у тебя был хороший повод.

Масако вдруг почувствовала, что ноги ее больше не держат, и ухватилась за своего партнера.

– Ты не мог бы отвести меня на диван? – попросила она и отправилась, опираясь на его руку, обратно.

– Ну и коварная штука, – заявила девушка, усаживаясь. – На вкус, как обычное вино. Никакой разницы.

На самом деле, после первого стакана она почувствовала непривычный фруктовый привкус, однако он не портил общего впечатления.

Аким присел возле нее и поставил захваченную из кухни бутылку и неиспользованный стакан на стол.

– Ты простишь меня, если я не стану с тобой чокааться?

Она помахала рукой.

– Я к этой бурде больше не прикоснусь.

Масако понимала, что говорит сознательно медленно и подчеркнуто артикулирует, а её жестикация была преувеличенной. *Богиня, я в самом деле надралась* – подумала она.

– Как они такое гонят? В жизни в винограде не было столько алкоголя.

Аким повернул бутылку и поднес к свету узкую этикетку на обратной стороне.

– Так точно, – подтвердил он. – Это не виноградное вино. Похоже, триплсекс – это местная достопримечательность. На вкус, как вино, но на самом деле – смесь из различных фруктов, в основном... мандаринов.

– Мне плохо, – выдавила Масако, – но мы должны запомнить этот сорт. Может сложиться ситуация, при которой нам понадобится такая вот бомбочка.

Он поставил бутылку обратно.

– Ты чего? – спросила Масако. – Пей давай! Я не хочу завтра мучиться похмельем в одиночестве!

– А придется, солнышко, – заметил Аким. – Я предупрежден, – все-таки он налил себе стакан и откинулся на спинку дивана.

Масако скользнула ему подмышку. Явно подобрев, он взглянул на нее и сказал:

– Это, полагаю, объясняет и твой наряд – не то, чтобы я был им недоволен...

Масако оглядела себя и сделала вывод, что выглядит весьма аппетитно. Она легко провела ладонью по декольте.

– Хотела сделать тебе приятное, – объяснила она, – за посмотри денег не берут.

– Благодарствуй, – фыркнул Аким. – Я это оценил. Но ты мне всё ещё не сказала, по какому поводу пьянка.

– А! – Она подняла вверх указательный палец, – мы сделали огромный шаг по направлению к цели, мон капитэн. Благодаря твоей героической дуэли с дряхлым «Флеа», гауптман Десото принял решение со следующей недели доверить тебе и твоему экипажу один из отремонтированных «Демонов»!

Это в самом деле был успех. Впервые он получал доступ к одному из танков, на которых было установлено секретное оружие Делкорда.

– А что с предыдущим экипажем? – заинтересовался Аким. Он опустошил свой стакан и наклонился к столу, чтобы налить еще. Похоже, триплсекс пришелся по вкусу не только Масако.

Она зевнула.

– Их отправили обратно на Мэгон. А позавчера прибыли два истребителя, чтобы устроить со своими машинами охоту на «Звёздную Пыль».

– Что? Здесь, на Людвигсхафене?

– Нет, – отмахнулась она, – конечно, нет. По всей системе. «Звёздная Пыль» сбросила «Уайт Миджет», когда нас взяли в плен, и с тех пор люди Делкорда уверены, что наш «Леопард» торчит на одной из лун или на другой планете и ждет сигнала от нас или от прыжкового корабля ЛВС. Оба АКИ должны его отыскать, чтобы исключить всякие сюрпризы.

«Уайт Миджет» – так назывался специальный зонд из запасов ЛРК, имитирующий параметры настоящего посадочного корабля. Его использовали, когда требовалось сделать вид, что совершивший посадку корабль вновь поднялся и улетел. «Уайт Миджет» улетал достаточно далеко в космос, добираясь до границы сканируемой зоны, после чего передатчики на борту отключались и зонд удалялся от последней отметки радарного контакта одним мощным, за-

ранее запрограммированным импульсом. Потом он дрейфовал в космосе также запрограммированное время – обычно от четырех до шести недель – и начинал раз-два в сутки подавать короткие ориентировочные сигналы, чтобы можно было его отыскать.

На самом же деле, «Звёздная Пыль» все еще находилась на Людвигсхафене и ждала приказов. К счастью для Акима и Масако – потому что с помощью обоих техов, находившихся на борту, у них был шанс выяснить, как действует загадочное антимеховское оружие Делкорда – если им удастся добыть соответствующий материал для экспериментов.

– Отлично, – констатировал Аким. – Получив «Демона», мы уж найдем способ добраться до кристалла памяти. К счастью, здесь больше не осталось боевых мехов, против которых он мог бы нам понадобиться. Так что надо будет попросту его отмонтировать и передать Нойманну.

– Нет, там... – Масако запнулась, – там что-то такое было... Нойманн что-то такое об этом сказал, только я не помню, что, – она постучала себя кулаком по затылку. – Эй, вон из моей головы! Чертово пойло! Спроси меня лучше утром еще раз, до того времени я должна вспомнить.

Аким погладил ее по обнаженным плечам.

– Торопись медленно. Сейчас у нас выходные. До понедельника разберемся, – он улыбнулся.

– Ты права. Успех следует отпраздновать, – он подмигнул ей.

Масако с изумлением почувствовала некое возбуждение.

– Ос-то-рож-но, – проартикулировала она подчеркнуто четко, – Я не полностью дееспособна. В таком состоянии я могу забыть свои предпочтения.

– Рад слышать, – промурлыкал Аким и поднял стакан.

Глава 17

Посадочный корабль «Золотой Слон»

Система Гатино

Провинция Ковентри, протекторат Донегол

Лиранское Содружество

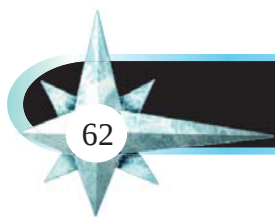
25 октября 2838 года

Антонелла еще раз одернула купленное сегодня утром в бутике «Золотого Слона» бледно-голубое платье и убедилась, что модный разрез на платье не выставит напоказ больше, чем принято в приличном обществе. Потом она кивнула «отцу» и Гарри постучал в люк кабины «люкс» Алека Розена. Промышленник был отправлен восвояси вчера вечером, после ночи, проведенной в медотсеке, и теперь, в благодарность за спасение в сауне, пригласил обоих агентов к ужину.

Розен открыл люк и с приглашающим жестом отступил в сторону.

– Добро пожаловать в мою скромную хижину.

На нем был надет двцветный костюм такого же модного покроя, как и у Гарри – впрочем, материал был гораздо более дорогим, его цвета переливались. Войдя в двухкомнатную каюту,

Антонелла немедленно почувствовала запах жаркого, от которого у неё потекли слюнки. Она приветствовала хозяина изящным книксеном, на который предприниматель ответил поцелуем в ручку.

Антонелла огляделась. Первым ее взгляд привлек вмонтированный в дальнюю стену проектор, сделанный в виде широкого панорамного окна – он показывал мерцающее, желто-оранжевое солнце системы Гатино, а также оба маленьких по сравнению со светилом прыжковых корабля, висящих на краю экрана, собирая энергию для своих КФ-двигателей. Проектор в её каюте показывал то же самое, но так как он был гораздо меньше и напоминал бычий глаз, то и впечатление было не столь интенсивным.

Розен проследил за ее взглядом и кивнул.

– Да, захватывающее зрелище, не правда ли? Причем впечатление не умалется тем, что мы знаем: мы движемся прямым курсом обратно к нашему прыжковому кораблю и подобную картину можно увидеть разве что с носа, – он еще раз взглянул на панораму и шумно вздохнул. – У нашего капитана прослеживается явное пристрастие к драматизму. Полагаю, он прошел специальные курсы, иначе бы мы этого всего не увидели. Как насчет аперитива?

Взгляд Антонеллы проследовал за движением его руки к небольшому бару, на верхней полке которого стоял графин с тёмно-красной жидкостью и три коньячных бокала.

– С удовольствием.

Гарри также принял предложение.

Розен налил три бокала и протянул два из них Гарри и Антонелле. Аромат благородного напитка смешался с запахом ожидающего ужина.

– Санте! – поднял Розен свой бокал.

Коньяк согрел гортань и желудок Антонеллы и она почувствовала, как нервное напряжение, вызванное этим посещением, отпускает её. Розен явно был опытным хозяином и, похоже, был даже более приятным в обращении, нежели проявил это в бортовом ресторане.

– Спасибо за приглашение, Алек, – сказал Гарри и немного повращал коньяк в ладони.

– Прошу вас, – отмахнулся Розен, – Это минимум из того, что я должен своему спасителю и его очаровательной дочери, – он указал стаканом на выполненный из благородного дерева стол в центре помещения. – Давайте присядем. Как видите, все накрыто, а наша сегодняшняя трапеза слишком хороша, чтобы дать ей остыть.

Они направились к столу, где их уже ожидал консоме. За супом последовало отличное олень жаркое с тушеной картошкой и напоминающими спаржу овощами, которых Антонелла не узнала – тем не менее, на вкус они были замечательными. На её вопрос, что это такое, Гарри также не смог ответить, однако Розен – или, как он настоял, Алек – сообщил, что это тамариндский красный корень – предположительно, весьма редкое и эксклюзивное растение, чей вкус, в зависимости от способа приготовления, мог весьма ощутимо меняться.

За едой они болтали о всяческих пустяках и единственную серьёзную направленность разговор обрел, когда Гарри справился о здоровье Алека. Но промышленник легким тоном успокоил своих гостей: никакой опасности нет, пока он следит за тем, чтобы не перенапрягаться.

После вкуснейшего десерта, состоявшего из земляничного мороженого, Розен позволил стюарду убрать остатки еды со стола и все трое перебрались на расположенный под проектором диван, где их ожидали сигары и коньяк. Они расслабленно болтали о всякой всячине, пока стюард не покинул каюту.

Потом Розен наклонился вперед.

– Я хотел бы быть с вами откровенным, Хэнк – не в последнюю очередь потому, что вам предстоит занять пост в финансовой администрации. Но прежде всего потому, что я считаю – после того, что вы для меня сделали... – он оборвал попытку Гарри перебить. – Нет уж, вы спасли мне жизнь и не имеет никакого значения, сделал бы это кто другой на вашем месте или нет. Когда понадобилось – никого другого рядом не оказалось.

Гарри сдался, а Антонелла, весьма заинтересованная, наострила уши.

– Что я хотел сказать: после всего, что произошло, я считаю вас своим другом, а перед дру-

зьями возводить стену не годится. Я знаю – вы считаете меня сторонником делкордовских реформ. На самом же деле, это ошибка.

– Вы меня удивили – констатировал Гарри, забыв затянуться сигарой.

Антонелла чувствовала его замешательство – до сих пор ее мнение о Розене было совершенно иным.

– Благодарю, я всегда считал себя способным актером, – улыбнулся Алек и откинулся на спинку, испытывая явное облегчение после своего признания. – Видите ли, дело вот в чем: я бизнесмен и если мне предоставляется возможность получить прибыль, то я бы просто был не на своем месте, если бы не воспользовался ею.

Антонелла кивнула.

– Тем не менее, я вовсе не обязан соглашаться с обстоятельствами, которые привели к этой возможности. Посмотрите, что такое политика Делкорда: снижение налогов для предпринимателей, снятие антимонопольных ограничений, ослабление трудового права. И кто знает, что он там ещё напридумывал. Не поймите меня неверно – для всех этих мер есть причины, но при таком их количестве они превращаются в принцип, – он глотнул коньяку. – Не так уж часто бывает, чтобы политики настолько уклонялись от своих обязанностей. И если они это делают – рано или поздно они вынуждены платить за это по счетам. А так как мы, к счастью, всё ещё являемся частью Содружества, нашему архонету очень скоро придется отвечать за то, что он натворил.

Антонелла обменялась изумленным взглядом с «отцом». Хотя агенты больше интересовались военными аспектами действий Делкорда, так как они затрагивали их задание, но то, что его экономическая политика также не отвечала многосотлетним традициям Лиранского Содружества, им также было известно. В своем убежище в Хельмштетте они рассмотрели несколько репортажей на эту тему, однако большинство из них носили, скорее, хвалебный оттенок, в особенности подчеркивая экономический подъем на мирах Делкорда. Выслушивать теперь критику из уст предпринимателя было удивительно.

– Я вижу, как вы ошарашены. И я признаюсь, что пребывание в медотсеке имеет отношение к моему нынешнему прозрению. Небольшое напоминание о том, что я смертен, дало мне возможность немного подумать о главном. Но по-настоящему доволен создавшейся ситуацией я не был никогда.

– Я полагала, что именно в качестве промышленника вы должны были бы поддерживать курс, который взял Делкорд, – заявила Антонелла, пока Гарри ставил стакан на столик и задумчиво потирал подбородок.

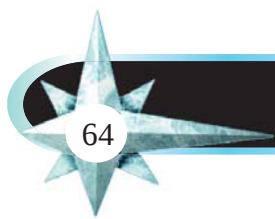
– Почему? – спросил Розен. – У меня что, раньше был плохой курс? Незаметно управляющая рука Штайнеров никогда не вредила лиранской экономике. Мы ведь вовсе не случайно – сильнейшее экономическое государство Внутренней Сферы. При всех региональных отличиях и даже теперь, после катастрофических опустошений последней наследной войны, наш уровень жизни удержался на сравнительно высокой ступени. Конечно, каждый год я проклиная высокие налоги, но могу поспорить – вы заняты тем же. Будь они размером в десятую часть нынешних – я бы делал то же самое. Потому что никто не в восторге от необходимости платить за услуги, которые не видны невооруженным глазом. Но я стал бы чертыхаться еще громче, если бы мне пришлось от них отказаться.

Гарри засмеялся.

– Алек, вы настоящий оратор. Из вас получится неплохой политик.

Антонелла также улыбнулась. Даже Розен усмехнулся, однако перед этим одарил своего гостя косым взглядом.

– Только никому не рассказывайте. Нет уж, в политике вы меня обнаружите не скоро. Там слишком плохо платят, – он глубоко затянулся сигарой. – Так вот, к чему я веду: политика Делкорда неминуемо ведет к сворачиванию социальной системы, а это приводит в долгосрочной перспективе к недовольству и вредит экономике. Естественно, я использую предоставленные мне возможности, как и все остальные предприниматели в регионе. Получив что-нибудь на

тарелочке с голубой каемочкой, отказываться не станешь. Я был бы идиотом, если бы прошел мимо такой возможности. Единственной наградой, которую бы я получил за такое благородство, были бы сильные конкуренты, не обладающие подобной чувствительностью. Но я каждый день жду, что архонт Маркус заметит, что тут творится, и перекроет Делкорду кислород.

– Возможно, Делкорд рассчитывает на то, что предприниматели его поддержат, если у него начнутся проблемы, – предположила Антонелла.

– Если это так, то он ещё более не от мира сего, чем я до сих пор полагал, – заявил Алек. – Благодарность в мире финансов не стоит ни гроша. Спросите своего отца.

Гарри с сожалением подтвердил слова Розена.

– Боюсь, в финансах вес имеет лишь то, что можно измерить звонкой монетой.

– Именно, – кивнул предприниматель. – Делкорд – не более, чем бесполезный идиот. Скоро он заметит, что своими добровольными уступками вызывает лишь еще большую жадность. Нам нужна твердая рука государства. Иначе нам останется лишь право сильного.

Антонелла покачала головой.

– Не могу поверить в то, что слышу. Вы больше похожи сейчас не на предпринимателя, а на профсоюзного босса.

– Ха, у меня нет проблем с профсоюзом, – сообщил Алек. Он отложил сигару и встал, чтобы принести еще коньяку. – Вы можете убедиться, что на моих предприятиях также не бывает массовых увольнений, как у некоторых моих конкурентов. Такие вещи на короткий срок увеличивают прибыль и курс акций, но на самом деле это такая же ошибка, которую совершает Делкорд. Они надеются, что биржа будет им благодарна, – он вернулся с графином, чтобы подлить коньяк Гарри и Антонелле.

– Директора, думаю, успеют уволиться прежде, чем их предприятия окажутся зависимы от этой фиктивной благодарности, – предположил Гарри.

– Если они – умные люди, – кивнул Алек и отнес графин обратно. – Но смогут ли они выйти сухими из воды, когда Штайнеры вернут наш регион под свое влияние – это вопрос. Я бы на это не поставил, – он снова сел. – В любом случае, я всегда слежу за тем, чтобы не нарушать неписаных правил. В краткосрочной перспективе это может принести мне убытки, но я думаю немного дальше. В конце концов, я намерен управлять своей фирмой еще довольно долго.

Гарри затянулся сигарой и выпустил почти идеально круглое кольцо дыма к потолку, где его немедленно всосал вентилятор.

– Алек, вы настоящее чудо. Я почти готов сказать – откровение. Если все будет так, как вы говорите – а я, честно сказать, в этом отношении придерживаюсь того же мнения, что и вы – можете рассчитывать на то, что я сделаю для вас все, что в моих силах.

Розен отмахнулся.

– Я не ожидаю никакого особенного отношения. Не хочу только, чтоб меня стригли под одну гребенку с паршивыми овцами, – он повернулся к Антонелле, – Но как насчет вас, дитя мое? Из наших застольных бесед я сделал вывод, что на Мэгоне вас ожидает верное место. А теперь я услышал от Хэнка, что вы не получили подтверждения?

Антонелла усмехнулась.

– Я уверена, что оно попросту прибыло на Людвигсхафен с опозданием.

Предприниматель скептически поднял бровь.

– На вашем месте я бы на это не полагался. Рынок труда на Мэгоне стал со времен реформ нашего архонета довольно хаотичным. Особенно с тех пор, как были эвакуированы колонии на Мускатине и Эль Аиди. Большая часть их жителей ищет у нас работу.

Она сделала озабоченное лицо.

– В самом деле?

Гарри успокоил её.

– Моего жалования в финансовой дирекции хватит на нас обоих, если понадобится.

– Глупости, – оборвал Розен. – Молодая женщина, такая, как Джой, нуждается в независимости. Не переживайте. Я знаком с владельцем «Уорлд Линк Ньюс» и могу замолвить за вас сло-

вечко. И если это не поможет – у меня есть несколько свободных мест в рекламном отделе.

Антонелла было запротестовала, но он остановил её.

– Что? Небольшая поддержка еще никому не мешала. Позвольте старику Алеку о вас позаботиться.

Глава 18

*Бар «Аккордеон», Хельмштетт, Людвигсхафен
Провинция Ковентри, протекторат Донегол
Лиранское Содружество
26 октября 2838 года*

– Баликчи! Какая приятная неожиданность. Вы один? Садитесь, выпейте с нами стаканчик.

Аким повернулся и ему не понадобилось изображать изумление. Он мог представить себе, встретить здесь агента Нойманна, однако никак не в сопровождении Мигоян. Мадам из военной разведки с кислой миной уставилась на стойку. Впрочем, Аким не был уверен, относится ли это выражение лица персонально к нему или, точнее, к адресованному ему приглашению Нойманна. Он еще никогда не видел Мигоян улыбающейся. Возникал вопрос – как он теперь должен говорить со своим резидентом о задании, пока эта ищейка Делкорда торчит за столом. Впрочем, – решил он, – пусть это будет проблемой Нойманна. Он взял бокал с белым пивом и отправился к нише, где сидели его знакомцы.

– Господин штабс-фельдфебель, госпожа офицер.

– Пожалуйста! – замахал руками Нойманн, – мы тут не в гарнизоне. Здесь – гражданка. Правда, Аня? – он улыбнулся Мигоян.

– Не зарывайтесь, Томас, – отрубила офицер, – Если бы архонет не дал вам это задание лично... – она допила свое пиво и встала. – Не забывайте, что вы – всего лишь унтер-офицер.

Нойманн глядел ей вслед, пока она покидала пивную, после этого кивнул Аким, приглашая его занять освободившееся место.

– Она от меня без ума, это видно даже слепому, – он ухмыльнулся. – И за пиво она, ясное дело, тоже не заплатила. При том, что её жалование куда больше моего. Ну, да что уж тут...

Аким смерил коллегу взглядом и легко покачал головой.

– Вы приводите на встречу офицера из ВР?

– А что, бывает лучшая маскировка? – Нойманн развел руками, – Я знал, что долго она здесь торчать не станет. Было достаточно тяжело её вообще сюда притащить, – он огляделся. – Не её уровень. Ну, как у вас дела?

Аким невольно схватился за голову. Вчерашнее похмелье оказалось в самом деле выдающимся. Масако и он смогли съесть что-то более-менее приличное лишь вечером.

– Что за дрянь вы мне прислали? Я в питии не так уж слаб, но это...

– Трипплсекс? – Нойманн невинно взглянул на него, – Я тут ни при чем. Это идея Десото.

У него довольно своеобразные представления о том, как именно достигается единство в подразделении. Впрочем, не переживайте: трое ваших товарищей по экипажу также получили по бутылке.

Это объясняло, почему сегодня на службу явился только де Конинг. Как урожденный людовигсхафенец, он, очевидно, был достаточно сообразителен, чтобы выбросить бутылку, не откупорив ее. Или, как минимум, отставить ее в сторону. Так как Шюрманн и Оливейра сказались больными, их первая поездка в новом танке оказалась непродолжительной. Они сделали круг по территории гарнизона, чтобы Ханне смог привыкнуть к управлению и к сравнительно тугим рычагам 60-тонной колесной машины. После чего он отправился в симулятор, а Аким сдал пост и пошел в «Аккордеон».

– Как бы там ни было, – констатировал он, – у нас теперь есть доступ к машине, оборудованной секретным оружием Делкорда. Может, нам удастся протащить в гарнизон одного из техов со «Звёздной Пыли». Тогда может получиться потихоньку подменить передатчик и отправить его на корабль для анализа.

Нойманн покачал головой.

– Нет, этого мы делать не станем. Эти штуки слишком хорошо защищены. Полагаю, Краузе вам рассказывал, что единственный кристалл, который нам удалось добыть, взорвался при попытке его исследовать, – Аким кивнул, – Чего я не упомянул в разговоре с ним – так это то, что при этом два теха получили серьезные ранения. Один – с непоправимыми последствиями.

Аким передернулся. Подобные вещи были практически исключены, если речь шла об обычных кристаллах памяти. Похоже, кристаллы Делкорда были необыкновенными во многих отношениях. Он нахмурился.

– Н-да, хорошими ваши новости не назовешь. Зачем нам тогда мой перевод на «Демон»?

– Не повредит. Я установил контакт со «Звёздной Пылью» и наши техи полагают, что наиболее многообещающим было бы обследование компьютерного комплекса одного из мехов, подвергшихся «эффекту Альбатроса». Нам нужно только его найти.

– «Эффекту Альбатроса»? – Аким ошарашенно уставился на Нойманна.

– Так его называли техи. Когда я переспросил, они ответили, что их вдохновила птичка, которую вы нарисовали на своих машинах, – он вопросительно взглянул на Баликчи.

Аким закрыл глаза и пожал плечами.

– Ну да, команда «Альбатрос». Так назвала нашу группу Зонненшайн, а Краузе принял это название. Потому что альбатрос так же неуклюже ковыляет по земле, как и мех с поврежденным гироскопом. Мы нарисовали альбатроса на всех наших мехах – в качестве символа звена. Я об этом почти забыл уже.

– Понимаю. Ладно, почему бы и нет. Подозреваю, это имя уже закрепилось. В конце концов, мы же не можем вечно называть эту штуку «оружием Делкорда», а «Зет-четыре» звучит тоже не слишком здорово. Так это оружие называют люди Делкорда, когда говорят о нем. Зонненшайн порадует, когда я ей об этом расскажу.

– Они что, все еще оба здесь?

– Конечно, нет – мотнул головой Нойманн. – Насколько я понимаю, они сейчас на подлете к Мэгону. Если я правильно помню, их корабль прибывает туда третьего ноября. По идее, они только что совершили последний прыжок.

Акиму не понадобилось слишком долгое время, чтоб сложить два и два.

– Когда вы улетаете?

– Послезавтра. Пора приглядеть за делами на Мэгоне. Здесь вербовщику больше нечего делать, – он глотнул пива, – Я оставляю вам связного офицера. Агент Мальм позаботится о вас и даст возможность поддерживать связь с кораблем.

– Рад слышать, – сказал Аким, – И когда мыведем знакомство?

– А вы с ней уже знакомы, – улыбнулся Нойманн, – она уже довольно долгое время подает вам пиво.

Аким удивленно взглянул на своего визави и обернулся к официантке. Курносая блондинка

оперлась на стойку и помахала ему рукой. Он снова повернулся к Нойманну и поджал губы.

– Ну, ладно. А откуда она будет знать, что у меня есть сообщение? И наоборот?

– Ну, в этом баре собрана неплохая коллекция пивных сортов. Вы должны лишь стать чуть любопытнее. К примеру, отличными вкусовыми качествами отличается «Бабайский Урквель».

– Это если вдруг когда-нибудь закончится моё «Белое Таркана»?

Нойманн улыбнулся.

– Я надеюсь, моих товарищей удача любит больше, чем нас. Где, чёрт побери, нам взять боевой мех, который подвергся воздействию «эффекта Альбатроса»? Или рабочий тоже подойдет?

Рабочие мехи были обычным оборудованием на планете вроде Людвигсхафена, даже если и действовали незаметно – так, что в гарнизоне их никто не воспринимал осознанно.

Нойманн покачал головой и принялся было отвечать, но Аким уже сам обнаружил ошибку в своей идее.

– Нет, это не получится. Рабочие мехи не подвергались воздействию оружия, иначе все погрузчики и строительные мехи в гарнизоне и вокруг уже бы вышли из строя. А они работают. Почему?

– Вопрос, которым мы уже тоже задавались. Конечно, пока техи не получили возможность исследовать пораженную систему и выяснить, как именно этот эффект действует, они могут лишь строить предположения. Но они считают, что это из-за весьма примитивного управления гироскопом на рабочих мехах. Похоже, у них просто нет системы, которую поражает это оружие.

Аким сделал большой глоток.

– Может быть, оружие просто не достаёт до управления – потому что ему недостает канала входа в систему. Какие сенсоры у рабочих мехов?

Нойманн кивнул и допил свое «Темное Тимбикви».

– Да, это тоже возможность. Без образцов трудно сказать, – он кивнул официантке и немедленно получил новый стакан.

Оба агента какое-то время молча пили пиво.

– Вам надо было придержать «Флеа», – в конце концов, сказал Аким. – Я уверен, были и другие возможности обеспечить мне перевод.

Штабс-фельдфебель взглянул на него.

– Вы считаете, это я устроил? Вынужден вас разочаровать. Я бы ни в коем случае не отправил последний на планете действующий боевой мех против танка, не оборудованного «эффектом Альбатроса». За подобную глупость я бы разжаловал сам себя, – он раздраженно дернул головой.

Аким поставил стакан на стол, забыв сделать из него глоток.

– Вы хотите сказать, что мы наткнулись на «Флеа» случайно? Просто такое себе дурацкое совпадение?

Нойманн откинулся на спинку стула.

– Я не верю в совпадения. Тем более, на этом задании. Я только сказал, что *мы* этого не делали, – он сделал паузу, – В этом матче мы больше не единственные игроки.

Аким полез в карман и вытащил пачку жевательной резинки, пытаясь справиться с неожиданностью. Он вынул из пачки одну пластинку и медленно развернул её.

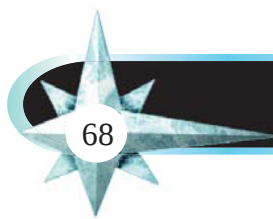
– Кто?

Нойманн протянул руку и тоже получил пластинку жвачки.

– Пять дней назад известный нам «почтовый ящик» САФЕ на Болане получил гиперимпульсное сообщение. Отправитель неизвестен. Позавчера это повторилось. Нам понадобилось некоторое время, чтобы отследить адресат через КомСтар – кроме всего прочего, потому, что это рутинная проверка.

Аким знал, что последует за этим.

– Оба сообщения были адресованы на Людвигсхафен.

Глава 19

Планетарный гарнизон, Хельмштетт

Людвигсхафен

Провинция Ковентри, протекторат Донегол

Лиранское Содружество

28 октября 2838 года

Завывание сирен разорвало ночную тишину и вырвало Акима Баликчи из сна. Рефлекторно он выпрыгнул из кровати и надел лежавшую на стуле боевую униформу. Он уже натягивал сапоги, когда его разум пробудился и он задался вопросом, а что, собственно, происходит? Похоже, Масако чувствовала то же самое. Дверь открылась и его коллега показалась на пороге, одетая и затянутая ремнями, застегивая последние пуговицы на гимнастерке.

– В чем дело? – спросили они друг друга одновременно.

Аким, пожав плечами, встал, взял пояс, на котором висела кобура с пистолетом, и затянул его вокруг талии – все это, уже выходя из квартиры в коридор казармы. Масако следовала за ним по пятам. Со всех сторон солдаты торопились к выходу, однако никто из них, похоже, не знал, в чем дело. Вокруг высказывались самые разные предположения.

– Воздушный налет! – закричал один.

– Нет, мехи, – вопил другой.

– Бомбу взорвали! – утверждал третий.

– Бред собачий! – пробился сквозь шум голос Масако. – Кто-нибудь слышит перестрелку?

Солдаты немедленно утихли. Грохот сапог в коридоре стих, когда все остановились и навострили уши, но, кроме воя сирен и шума, производимого спешащими к своим танкам экипажами, ничего не было слышно.

– Нееет, – простонал кто-то в тишине. – Только не чёртова учебная тревога! Ещё четырёх часов нет! Я думал, после учебки мы это все уже оставили позади...

Вокруг слышались проклятия и солдаты продолжили свое движение к выходу уже куда медленнее. Если речь действительно шла о незапланированной учебной тревоге – они и так успеют на свои места вовремя.

Аким повернулся к Масако и увидел, что лицо ее выражает крайнюю озабоченность. Он хотел было спросить, знала ли она о тревоге заранее, но девушка покачала головой прежде, чем он вымолвил хоть слово – а так как с момента своего перевода она работала в штабе – она была бы об этом проинформирована заранее. Масако странно взглянула на него и он понял. В сущности, они оба ожидали какой-либо акции со стороны САФЕ с тех самых пор, как Нойманн предупредил их, что на Людвигсхафене действует, по крайней мере, один шпион из секретной службы дома Марика. Может быть, это как раз она и есть.

Аким открыл кобуру и снял лазерный пистолет с предохранителя. До сих пор он имел возможность избежать прицельной стрельбы по лиранцам, но когда речь шла о вражеском агенте – подобные рассуждения отпадали. Ему не нужно было оглядываться, чтобы понять, что Масако поступила точно так же. Потенциальная опасность «эффекта Альбатроса» была слишком велика, чтобы допустить хотя бы малейшую возможность попадания этого оружия в руки врага. Они добрались до внутреннего двора казармы – и поняли, что их опасения подтвердились.

Танковый ангар на противоположной стороне плаца был ярко освещен. В открытом джипе стоял обер-лейтенант с мегафоном и командовал солдатами.

– В одну шеренгу стано-вись! Оружие наизготовку! По направлению к ангару, короткими перебежками – марш! Обыскать всю территорию! Кто-то попытался украсть одну из систем «Зет-четыре»!

В глубине ангара взвыли моторы и две разведывательные танкетки «Дж. Гувер» скользнули на воздушных подушках из медленно открывающихся ворот – их задачей было обеспечить внешнее охранение и отыскать возможные следы вторжения. В качестве самых быстрых машин гарнизона они были предназначены как раз для подобных дел, но Аким было ясно, что им было позволено покинуть территорию лишь потому, что эти танки относились к гарнизонному имуществу и не были оборудованы оружием с «эффектом Альбатроса». При общем переполохе и в суматохе поисков слишком велика была опасность, что неизвестный вор использует ситуацию, чтобы украсть снаряженный танк. Даже если Десото об этом не подумал, его коллега Мигоян из военной разведки должна была предусмотреть такую ситуацию.

– Ко мне! Они побежали вон туда! – из тени ремонтного ангара выпрыгнул Ханне де Конинг с лазерной винтовкой в руках, – Они достали Бенедетти и убежали в сторону внешних заграждений!

Аким вытащил пистолет и рванулся со всех ног.

Комбинезон на де Конинге был разорван, рука и колено кровоточили. Он размахивал в воздухе винтовкой.

– Эти скоты застрелили Бенедетти сзади. Мы их не видели. Мне повезло, что я смог отползти, – он закашлялся. – Их двое, в масках. Но они не здешние. Говорили с непонятным акцентом. Иностранцами.

Аким остановился около Ханне и постарался его утихомирить. Он ухватил Масако за локоть, когда та пробежала мимо. Если кто-нибудь и мог успокоить водителя, так уж точно она. Легким кивком он указал на Ханне и Масако поняла. После этого Аким послал одного из солдат за медтехом. Для обоих агентов не было смысла гнаться за неизвестными нападающими. Убийством солдата Бенедетти они сами позаботились о том, чтобы люди Делкорда не дали им пощады.

Если они вообще существуют. Аким удивился, что эта мысль пришла ему в голову только сейчас, но он всё-таки не зря учился в разведшколе. Одна из наиболее успешных тактик для агента, нарвавшегося на тревогу, состояла в том, чтобы затеряться в толпе охранников и натравить их на воображаемых беглецов. Ему не пришлось долго размышлять, чтобы понять, откуда взялось его недоверие. Де Конинг жил в той же казарме, что и они с Масако. Чтобы добраться до ремонтного ангара, ему нужно было выскочить наружу за несколько минут до начала тревоги.

– Спокойно, Ханне. Все уже закончилось. Ты уже все прошел. А нападающие ничего не добились. Успокойся и расскажи нам, что произошло, – мягкий, успокаивающий голос Масако весьма отличался от того резкого и пронзительного тона, которым она призвала солдат к порядку в казарме. Аким едва мог поверить, что эти голосовые связки принадлежат одному и тому же человеку.

В сочетании с присущим только ей одной ароматом – о котором Аким знал теперь, что это вовсе никакие не духи, а естественный запах ее тела – и приличным глотком из фляжки, которую она жестом фокусника извлекла из кармана, её голос заставил Ханне присесть, опираясь спиной на стену ангара, положить винтовку на колени и начать рассказ.

– Я сам не знаю, что со мной сегодня такое творится. Всю ночь уснуть не могу. Валялся в кровати, уставившись в темноту, потом меня достало. В конце концов, я оделся и вышел во двор, глотнуть свежего воздуха. Иногда помогает. Ночная прохлада, кислород и все такое. Я надеялся потом хоть пару часиков вздремнуть. В общем, стал я прохаживаться перед казармой туда-сюда. Потом увидел Бенедетти, он этой ночью в карауле был. Мы немного поболтали – ну, знаете, как это бывает, когда хочешь убить время. Я сделал круг с ним, – он запнулся, сглотнул. – Дерьмо. Дерьмо. Это я виноват, что они его убили. Мне не надо было его отвлекать. Но кто ж такого ожидает?

Масако успокаивающе погладила Ханне по плечу, а Аким присел перед ним на корточки и заговорил:

– Чему быть, того не миновать. Раз ему суждено было погибнуть – он бы погиб так или ина-

че, Ханне. Не обязательно было еще и тебе помирать.

Собственно, Бенедетти не следовало брать де Конинга с собой в обход – именно по той причине, о которой Ханне упомянул. Но он за это заплатил дорогую цену.

– Всё так быстро произошло. Только что мы шли себе и болтали о том, как изменился Хельмштетт в последние годы, и вдруг началась какая-то чёртова свистопляска. Из ангара завывала сирена, включилось автоматическое освещение, грохот вокруг... Мы побежали обратно к ангару, потому что к этому моменту уже миновали его, а когда завернули за угол ремонтного блока – вдруг грохнуло и Бенедетти пробило лучом. Я упал на асфальт – тем и спасся, а то следующий выстрел был бы мой. У меня даже оружия не было.

Взгляд Акима упал на лазерную винтовку. Значит, это оружие Бенедетти. Зеленый индикатор заряда не был виден из-под правой руки Ханне.

– Я откатился в сторону, в тень, под стену. Только, если бы к этому времени уже не забегал весь гарнизон – мне бы это не помогло. А так один из них хлопнул по плечу другого, который хотел меня поискать, и что-то сказал, только я не понял, что. В любом случае это был не дойч. И не англик. А потом они убежали в сторону забора. Я подполз обратно к Бенедетти, но там уже было все кончено. Когда я взял винтовку и встал, они были уже так далеко, что я бы ни за что не попал. Остальное вы знаете.

Аким кивнул. Теперь он радовался тому, что Нойманн удержал его от попытки снять кристалл «Зет-четыре». А то бы ему, чего доброго, пришлось теперь скрываться от людей Делкорда. Очевидно, агенты САФЕ такого предупреждения не получили. Как минимум, это давало некоторое преимущество ЛРК. Их конкуренты стояли в самом начале пути к тайне «эффекта Альбатроса».

Глава 20

*«Уорлд Линк Ньюс», Тупан, Мэгон
Провинция Ковентри, протекторат Донегол
Лиранское Содружество
10 ноября 2838 года*

– Вы же не хотите жить, как в монастыре. Такая молодая, красивая девушка должна получать удовольствие от жизни. А я могу отлично показать, как это сделать.

– Я живо представляю себе, что именно вы мне хотите показать, господин Маккензи. И я вполне могу обойтись без вашей демонстрации, – Антонелла Зонненшайн отодвинула назойливого диктора в сторону. С того момента, как она в начале недели приступила к своим обязанностям ассистентки редакции «Уорлд Линк Ньюс», Хельмер Маккензи начал осаждать ее своими попытками «познакомиться поближе». При этом он был более чем стар, чтобы быть не только ее отцом, но и дедушкой. Однако, похоже, он считал делом чести раздавать авансы всей женской половине студии. Грандиозная задача, в выполнении которой, судя по внутривре-

дакционной болтовне, Маккензи вполне мог похвастаться некоторыми успехами – впрочем, ошастливленные им таким образом дамы составили довольно средненькое впечатление о его талантах. Тем не менее, из их числа по-прежнему находилось достаточное количество тех, кто ради чести появиться в обществе с планетарно известным головид-журналистом готовы были пойти на обретение сексуального опыта, мягко говоря, невысокого качества. Кроме того, Хельмер пользовался славой щедрого человека в том, что касается подарков и ухаживания – в особенности, обедов в лучших ресторанах.

Вот только у Антонеллы не было ни малейшего желания становиться инструментом удовлетворения сексуальных потребностей Хельмера или кого бы то ни было еще. И крепко сложенный герой головидения даже не догадывался, на какую скользкую почву он ступает, приставая к ней. В последние недели Антонелле пришлось несколько раз глотать раздражение, чтобы не повредить миссии – в конце концов, коллеги были табу в смысле способов вымещения на них чувств, которыми агент Зонненшайн прославилась в ЛРК. До сих пор ни один из троих товарищей по команде не достал ее настолько, чтобы она забыла это правило. Однако, во время полета на Мэгон на «Золотом Слоне» несколько назойливых членов команды вынуждены были свести знакомство с этой стороной ее натуры – Гарри ничего не узнал, хотя и бросил разок на нее вопрошающий взгляд, когда заметил, что приписанный к их каюте стюард по прибытии на Мэгон пришел прощаться с перебинтованной рукой на перевязи. Она поняла, что шеф вспомнил наделавший переполох случай с крупье из бортового казино, которого нашли в дамском туалете, в весьма компрометирующей позе, прикованного цепью к батарее. Но она не дала себя спровоцировать и ответила на вопросительный взгляд таким же вопросительным взглядом.

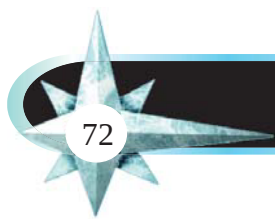
– Вы неправильно понимаете меня, дорогая моя. Я всего лишь хотел бы пригласить вас на замечательный ужин с последующим посещением концерта. Уникальная возможность: приехал Херцбергский симфонический, будут играть Вагнера.

Антонелла закатила глаза. Даже если у нее и были бы какие-то мысли насчет того, чтобы уступить домогательствам стареющего редакционного Казановы, то уж Вагнером он ее увлечь бы никак не смог. Не то, чтобы она имела что-то против старинных терранских композиторов, но её отношение к Вагнеру соответствовало отношению одного из его современников: прекрасные мгновения, но ужасные часы.

– Оставьте это, Хельмер. Госпоже Кейн совершенно не интересна ваша старческая болтовня, – пронзительный тембр женского голоса заставил Хельмера и Антонеллу одновременно поморщиться. Сцилла Сольвейг была коллегой Хельмера, самовлюбленной настолько, насколько ненавидимой всеми остальными сотрудниками редакции – однако никто не ненавидел ее более, чем Маккензи, вынужденный ежедневно тесно сотрудничать с ней по работе. Он немедленно забыл об Антонелле и завелся на свару с Сольвейг. – Зонненшайн использовала эту возможность, чтобы исчезнуть с места событий.

Выскочив в коридор, Антонелла перевела дух. После трех дней, проведенных в редакции крупнейшей головид-компании Мэгона, она растеряла последние иллюзии о репортерской работе. Она не могла точно сказать, что именно ожидала найти в УЛН, но в любом случае, контраст с действительностью вряд ли мог быть большим. Похоже, она и в самом деле повелась на представления об этой профессии, почерпнутые из популярных тривид-сериов вроде «Лукас Гранд» или рекламного слогана УЛН: «Факты, факты, факты, и постоянно думать о зрителе». При этом её учителя в разведшколе не раз предупреждали: нельзя доверять масс-медиа. И всё равно, внутренний слоган компании её ошарашил: «Рейтинг, рейтинг, рейтинг, и постоянно думать о рекламодателях!». Она покачала головой, прислушиваясь к ругани, доносящейся из покинутого ею только что помещения, и отправилась к автомату с напитками.

– А, Джой! Именно та девушка, которую я искала, – Сюзанна Келлинг, заместитель главного редактора, повернулась навстречу Антонелле со стаканчиком кофе в руке, – в конце будущей недели, в воскресенье, у нас будет интервью с герцогом Делкордом. Я бы хотела, чтобы вы отправились в архив и набрали материал для портретной передачи о нем. Полчаса, в качестве прелюдии к разговору. Это ему польстит.

– Насколько далеко я должна углубляться в прошлое? – спросила Антонелла несколько огорченным тоном, которым встречала любую новую работу, повешенную на ее шею – даже если при этом внутренне была рада этому заданию. Во первых – потому что работа в архиве избавляла от приставаний Хельмера и других представителей мужского пола в редакции, которые, похоже, брали с него пример, во-вторых же – потому что одной из причин, по которым она получила место в редакции, была возможность незаметно собрать информацию о Делкорде. Это задание оказалось ей весьма на руку.

– Не слишком глубоко, – отмахнулась Келлинг, – мы же не хотим, чтобы зрители соскучились. Пара фактов из юности, провозглашение герцогом, потом быстренько прокрутить до вручения звания архонета и последних успехов. Прежде всего – в области экономики. Эвакуацию Мускатина и Эль Аиди лучше не упоминать.

Последнюю фразу, как показалось Антонелле, Келлинг произнесла с горечью – девушка вопросительно подняла брови. Начальница не заметила взгляда, так что Антонелла прямо спросила ее об этом.

– Я всегда так реагирую, когда слышу, что пришлось оставить ещё одну колонию. Моя семья жила на Жардене. Это был один из первых миров, покинутых в результате первой наследной войны, потому что разрушения оказались слишком велики. Просто невозможно стало там жить. Опустошение, оставленной освободительной войной против Амариса, и так было страшным, а восстановительные работы оказались торпедированы наследной войной. Перед заключением мира уже не было шанса, что мою родину как-то можно ещё спасти, так что все жители были эвакуированы. Мои родители по сей день верят, что однажды мы сможем вернуться и начать все сначала, но я потеряла всякую надежду, когда снова началась война, – она всхлипнула, – я просто хорошо понимаю тех людей, которые вынуждены покинуть родную планету. А в данном случае – особенно. Эти две планеты не нужно было бросать.

Антонелла похлопала ее по плечу.

– Я знаю. Так было просто эффективнее. Но когда-нибудь этот маятник качнется в обратную сторону.

Келлинг покрепче ухватила бумажный стаканчик с кофе и цинично улыбнулась.

– Будем надеяться. И потом, это было больше, чем простая эффективность. Прежде всего, это переполнило рынок труда и понизило уровень зарплат. Но мы, конечно же, должны сообщать исключительно о повышении прибылей фирм, чтобы случайно не наступить на мозоль нашим рекламодателям. Что за дерьмовая работенка! – она пошла дальше в сторону редакционных помещений.

– Что там за вопли? – спросила она, оглянувшись через плечо.

– Хельмер и Сцилла опять обмениваются комплиментами, – пояснила Антонелла.

Келлинг закрыла глаза и подняла лицо к небесам.

– Только не сейчас! Через десять минут у обоих – эфир. Как я ненавижу эту зазнавшуюся суку! – она поспешила назад в редакцию, в то время как Антонелла отправилась дальше по коридору, к лифту. Архив располагался двумя этажами ниже.

– И в развалинах – одинокое свидетельство человеческой трагедии... брошенный плюшевый зверек.

Антонелла открыла дверь в помещение архива и увидела Альберта Гриметта, одного из звезд репортерской когорты УЛН, сидящего за монтажным столом. Очевидно, он как раз трудился над своим очередным репортажем. Журналист выпрямился на стуле и сделал глоток колы.

– Нет, это можно сделать еще лучше, – Гриметт, изображенный на экране, вытащил из развалин какого-то здания толстого плюшевого зайца и оглянулся, – Вон там, спереди, у полуразрушенной стены. Это что там, следы крови? Великолепно. Кай, иди-ка сюда.

Гриметт развернулся на своем месте и приветственно помахал Антонелле.

– Заходите-заходите. Поглядите, как работает мастер. Учитесь. Это сегодня утром, взрыв газа в Белмопане, – он снова повернулся к экрану, – Обидно – пока мы туда добрались, все трупы уже убрали. Но у нас есть отличные кадры покойников тут, в архиве.

– Это значит, вы монтируете в сюжет картинки, которые не имеют к происшествию никакого отношения? – недоверчиво спросила Антонелла.

Гриметт бросил на нее вопросительный взгляд.

– Естественно. Кого интересует, что это за трупы? Главное – хорошо смотрятся. Мы, знаете ли, не зря номер один в вечерних новостях. О! Разве это не отличный кадр? – на экране давешний заяц висел теперь, вымазанный в крови, на торчащей из его плюшевого живота металлической балке.

– И в развалинах – одинокое свидетельство человеческой трагедии... брошенный плюшевый зверек, – репортер отметил точки начала и конца репортажа и скопировал его в подкаталог готовых к отправке материалов, – Готово. Хельмер скорчит свою трагическую рожу и рейтинг нам обеспечен.

– Ага, – она сняла крышку со своего огромного стакана с зеленым чаем «Эрл Грей» и отпила немного. – Кстати, через две минуты – эфир.

– Ещё целых две минуты? Хмм... может, мне стоило бы ещё немножко порезать. А, да ладно, и так неплохо, – последним нажатием кнопки он отправил репортаж в редакцию и встал. – Вам что-то от меня нужно, девочка? Большая, красивая автокатастрофа, например?

Антонелла смерила журналиста взглядом и покачала головой.

– Нет, я должна собрать материал для фильма о герцоге Делкорде.

Заинтересованность на лице Гриметта немедленно сменилась неподдельной скукой.

– Тогда всех благ! У меня найдется занятие получше, чем покрываться тут пылью. Если хотите, можете занять мое место. Тогда вам не придется запускать систему с нуля, – он направился к двери.

– А что, собственно, произошло с плюшевым зайцем? – поддавшись внезапному импульсу, спросила Антонелла.

– Харви? Он лежит у меня в реквизите, на своем месте, а что?

– Да нет, ничего.

Когда дверь за Гриметтом закрылась, Антонелла кивнула. Именно этого ответа она и ожидала.

Глава 21

Планетарный гарнизон, Хельмштетт

Людвигсхафен

Провинция Ковентри, протекторат Донегол

Лиранское Содружество

29 октября 2838 года

– Я ошибаюсь или сегодня жратва выглядит почти, как еда? – Масако Шлютер постоянно удивлялась тому, как военным поварам удавалось даже из свежайших продуктов создавать не-

съедобное месиво, которое даже у неопытной кухарки отправилось бы напрямик в помойное ведро. Иногда ей казалось, что существуют даже специальные учебные дисциплины для военной кухни: «Введение в разваривание овощей», продвинутый курс «Убийство вкуса»... или специальные рецепты: «Серая бурда», «Зеленая бурда» или «Коричневая бурда».

Аким оглядел свой поднос и кивнул.

– В самом деле, – подтвердил он и сел напротив. – Ты права. Вот это, например, с натяжкой можно назвать спаржей, а вот это – телячьей отбивной. Похоже, на кухне – новичок. Мы должны ловить момент, пока он не овладел тайнами мастерства, – он взялся за вилку и принялся за еду.

После ночной попытки украсть «Зет-четыре» по планетарному гарнизону распространилось недоверие. Отыскать следы вторжения на территорию военного городка не удалось и тут же поползли слухи о том, что убийцы Бенедетти получили помощь изнутри. Теперь каждый подозревал каждого. Аким и Масако в последние недели приходилось регулярно использовать свой офицерский статус, чтобы обедать в одном из столичных ресторанов, однако в теперешних обстоятельствах они сочли более разумным принимать пищу в гарнизонной столовой, где их все могли увидеть. Таким образом они хотели избежать впечатления, будто они обошлись от других. Конечно, это решение имело свои минусы, выходящие за рамки плохой еды. Так как в столовой невозможно было уединиться, им приходилось постоянно опасаться подслушивания.

– Как дела в патруле? – спросила Масако между двумя кусками. С ночи нападения в гарнизонном управлении царил переполох, а всеобщая подозрительность делала работу еще тяжелее. Даже она не могла отстраниться от царящей в канцелярии атмосферы, хотя и была информирована куда лучше своих коллег. Впрочем, показывать это она ни в коем случае не должна была. Кроме того, общее похолодание весьма мешало налаживающимся отношениям с несколькими смазливymi унтер-офицерами из её отделения.

– Спокойно. Сопротивление затихает. Похоже, последние из них уже поняли, что переход власти осуществлен. Если б не этот идиотский теракт, мы бы уже давно наслаждались бы небесным покоем, – Аким взглянул ей в глаза. – А что у тебя?

Масако скорчила гримасу.

– Сплошной стресс. Мигоян приказала перепроверить весь персонал гарнизона – естественно, в дополнение к обычной работе, – она закатила глаза. – Кроме того, мы еще должны составить новое вахтенное расписание.

– Ага, так это я, получается, тебе обязан своим сегодняшним ночным дежурством, крошка? – ухмыльнулся ее коллега.

Чтобы избежать повторения подобного происшествия, гауптман Десото приказал, чтобы танковые ангары круглые сутки охранялись танковыми экипажами – мера, не слишком популярная среди солдат, так как 72-часовые сутки Людвигсхафена и так были выматывающими для часовых. Как и на всех военных объектах Внутренней Сферы, в Хельмштетте также пользовались терранормальным временем, разделяющим сутки на привычные людям 24 часа. Чтобы сохранить это правило, несмотря на различие в реальной длительности суток, длина часа была переменной величиной – только в пределах Лиранского Содружества разброс величины часа на разных планетах составлял от 41 минуты на Ужгороде до 89 минут на Аделаиде.

Масако склонила голову набок и похлопала ресницами.

– Ах, миленький, я не могу совсем убрать вас из ночных смен. Зато у тебя при таком расписании есть полностью все выходные, чтобы отдохнуть, – она послала ему воздушный поцелуй.

Аким «выхватил» его из воздуха и улыбнулся.

Частью их маскировки было изображение на публике влюбленной парочки. Это срабатывало: разыгранное разочарование от побега их товарищей по звену, мол, бросило Акима и Масако в объятия друг к другу. Кроме того, «срежиссированная» любовная связь позволяла им удерживать за собой совместную квартиру, в которой они могли без помех обсуждать свои дальнейшие шаги.

Они проглотили остатки обеда, после чего Аким первым отодвинул в сторону опустошенный поднос и взглянул на часы, висевшие у выхода из столовой.

– У нас есть ещё примерно полчаса. Как ты полагаешь? – он улыбнулся ей и поднял брови. Масако доела последний кусок и встала.

– Кто первый добежит до квартиры? – засмеялась она и кинулась прочь.

Как только дверь за ними закрылась, оба агента в мгновение стали серьезными. Аким принес из кухонной ниши два стакана чая. Он поставил один из них перед Масако, а сам остановился с другим стаканом в руках у стены.

– САФЕ. Эти поганые любители.

Масако могла понять его раздражение. Дополнительные меры предосторожности и атмосфера всеобщего недоверия усложняли работу и обоим агентам ЛРК.

– Как минимум, мы теперь знаем, почему агент Нойманн предостерегал тебя от подобной попытки.

Аким мрачно кивнул.

– Все равно, я бы не стал так идиотски это делать, как лигисты. Любители – повторил он. С момента происшествия его настроение все более ухудшалось.

– Радуйся, что это всего лишь САФЕ, – Масако постаралась успокоить его, – СВБ была бы куда опаснее.

Ее коллега скривился.

– Чего я не понимаю – так это откуда они вообще на нас свалились. Интердикт КомСтара против дома Марика был снят всего лишь месяц назад, – Лига Свободных Миров Марика была на полтора года отлучена от межзвездной коммуникационной сети КомСтара, после того, как генерал-капитан Чарльз Марик приказал уничтожить орденскую станцию класса «А» на орбите Ориенте. Новый примас Раймонд Карпов согласился принять извинения и весьма немалую сумму штрафа от дома Марика, и снял запрет – после того, как Лиранское Содружество и также граничащая с Лигой Капелланская Конфедерация, использовали подвернувшуюся возможность, чтобы прилично расширить свои территории. Опасное дело – настраивать против себя хранителей межзвёздной связи.

Масако покачала головой.

– Если их вообще было несколько. Я считаю более вероятным, что у них на Людвигсхафене был «консерв», который активизировался после захвата власти Делкордом – или после того, как проявился «эффект Альбатроса». Не надо быть гением, чтобы понять значение такого оружия. Не забудь, что гиперимпульсные сообщения ушли отсюда на Болан, не наоборот.

Аким сел за стол напротив нее.

– Ты думаешь, что это один-единственный агент, который пытается использовать ситуацию, насколько это возможно? Практически, без поддержки из дома?

Она кивнула и его лицо приняло болезненное выражение.

– Ханне.

– Не обязательно, но он – наиболее вероятный кандидат. Это объяснило бы и отсутствие следов взлома. Скорее всего, он планировал оставить их после кражи, но ему не хватило на это времени.

Аким с шумом втянул воздух.

– Я просто не хочу верить, что это он. Это значило бы, что он хладнокровно убил товарища, чтобы обеспечить себе алиби.

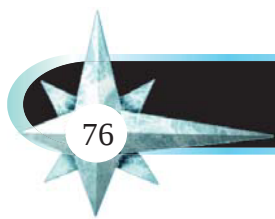
– Я знаю. В этом случае отступать поздно. Подобное можно себе представить, только если бы действовал топ-агент. Но все указывает именно на это.

Он отпил чаю и с громким стуком поставил стакан на стол.

– Мы могли вычислить всю их организацию в Содруестве, когда у нас была такая возможность.

Масако покачала головой.

– Не думаю. ЛРК все сделал правильно. В самом деле опасные агенты Марика были изъяты,

так что гораздо умнее просто наблюдать за остатками организации и дать ей работать дальше. Так мы хотя бы знаем, где они и что они делают. Если бы мы уничтожили всю агентуру САФЕ на мирах Содружества, дому Марика пришлось бы выстраивать полностью новую сеть. Ладно, это дало бы нам какой-то спокойный отрезок времени, но означало бы ненужный риск, что новые агенты слишком долго оставались бы для нас неизвестными. Кроме того, против «консервов» это бы так или иначе не помогло.

Аким молчал и лишь мрачно глядел на Масако.

– Есть и еще один аргумент в пользу моего предположения: Нойманн. Если бы он считал присутствие здесь, на Людвигсхафене, САФЕ настоящей опасностью, он бы не улетел обратно на Мэгон, обязательно нашел бы повод остаться. Но он бы уверен, что мы справимся и без него.

– Ты, конечно, права, – подтвердил Аким, – По большому счету, мне портит настроение совсем не это. Хотя это дело с Ханне – просто позорище. Мне он в самом деле нравился, – он пожал плечами. – Конечно, это он. Он же знал и о мехе, и был знаком с девушкой, которая его пилотировала. И способ, которым он ввел этот мех в игру, был типичен. Спланировано, но не продумано.

Она кивнула.

– Нет, я переживаю от того, что мы не знаем, как поступить дальше. Размонтировать прибор с «эффектом Альбатроса» мы определенно не можем. Даже если и был такой шанс – наш дружок-лигист его испоганил. Что нам остается?

Масако откинулась на стуле, взяла стакан с горячим чаем в обе руки и задумалась.

– В принципе, альтернатива у нас одна: нам нужен бортовой компьютер, который был выведен из строя «эффектом Альбатроса». Тогда теки на «Звёздной Пыли» смогут его разобрать и проанализировать.

– Где бы взять да не украсть? – спросил Аким и захихикал. – Нет, не так: просто – где взять? У тебя, случайно, не завалялся в кармане боевой мех?

– А что, это обязательно должен быть боевой мех? – ответила она вопросом на вопрос, – Может, есть и другие возможности?

Он взглянул ей прямо в глаза.

– Какие? Нам нужен мощный компьютер, из тех, которыми оборудованы практически только боевые мехи, а также гироскоп и исправная сенсорная система, и все это – соединенное между собой. Где ты найдешь подобное, если не на боевом мехе?

Губы Масако сложились в неуверенную улыбку, когда ей пришла в голову некая мысль. Она поставила стакан на стол.

– Аким, милый мой... возможно, САФЕ оказала нам услугу.

Глава 22

Тупан, Мэгон

Провинция Ковентри, протекторат Донегол

Лиранское Содружество

12 ноября 2838 года

– Это были девятичасовые новости на канале «Уорлд Линк Ньюс». После рекламы Адриан Линн расскажет вам о погоде, затем смотрите биржевые заметки с Лизой Фитц-Рили. Оставайтесь с нами.

Гарри Краузе сдвинул брови и взглянул на Антонеллу, уютно устроившуюся на диване с глянцевым журналом.

– У Хельмера Маккензи на руке была повязка. Произошло что-то, о чём я должен знать?

Его «дочь» оторвалась от чтения и покачала головой.

– Мне пришлось вывихнуть ему палец, чтобы объяснить, что лучше оставить меня в покое. Но я поражена, насколько здорово он владеет собой. Даже во время пятичасовых новостей он не подал виду перед камерами. А ведь тогда у него не было даже повязки, – она поджала губы и уважительно кивнула.

Гарри выключил головид и почесал подбородок.

– Ты же не хочешь, чтобы у нас были неприятности?

– Расслабься, папуля, – ответила Антонелла и скинула ноги с дивана, – я отлично знаю, насколько далеко могу позволить себе зайти. Вывихнутый палец болит, но в остальном не мешает ему заниматься своим делом. Кроме того, это была правая рука, а Хельмер – левша, – она заметила его скептический взгляд. – Я в этой конторе незаменима. Там едва ли найдется кто-нибудь, кто бы всерьез работал. Кроме того, я нравлюсь Келлинг. А в редакции её слово – закон.

– Ну, хорошо, – успокоился Гарри. В конце концов, если опираться на рассказы Антонеллы о ее новом месте работы, то Маккензи сам нарвался. И, в отличие от своей более юной коллеги, Краузе совершенно не был удивлен тем, что творится в «Уорлд Линк Ньюс». Несколько лет назад, во время выполнения одной из миссий в Лиге Свободных Миров, он сам работал под прикрытием, как головид-журналист – тогда условия были не лучше. – Но хотя бы в архиве ты нашла что-нибудь, что может нам помочь?

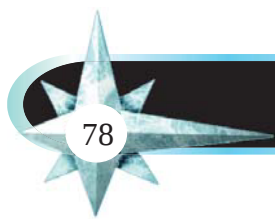
– Как посмотреть. Мне кажется, я теперь знаю, как он набрел на идею отменить боевые мехи, – Антонелла взглянула на Гарри, явно ожидая реакции.

Тот остался невозмутим.

– Было бы гораздо важнее понять, как он набрел на возможность это сделать, но для затравки и это неплохо. В любом случае, это больше, чем я до сих пор смог накопать в финансовом управлении, – кроме двухкомнатной служебной квартиры, в которую он и Антонелла въехали на выходных, сразу по прибытии на Мэгон, должность Гарри принесла немного. Однако он надеялся, что в скором времени сможет получить доступ к файлам, содержащим информацию о военном бюджете Делкорда. К сожалению, собственного кабинета ему еще не выделили, что немало затрудняло работу. Кроме того, как новичок, он должен был еще заслужить определенное доверие.

– Итак?

– Его сын погиб в тридцать пятом на Кесселе. – Гарри собрался возразить, но Антонелла опередила его. – Я в курсе, мы это уже знали. Но не знали – как. Он сгорел заживо. «Инферно». Очевидно, ракеты поразили голову его меха как раз в тот момент, когда он катапультировался.

Жидкость попала не только на мех, но и на него, по всему телу. Когда пилотское кресло достигло земли, он уже был мёртв.

Гарри невольно скривился. Ракеты типа «Инферно» взрывались при приближении к цели и обливали мех горючей жидкостью, которая поднимала и без того весьма немалую температуру машины – так что пилота не спасали ни теплопоглотители, ни хладожилет. Погибнуть от попадания ракеты «Инферно» в кокпит – это был один из худших ночных кошмаров любого мехвоина. Но от представления, как горючая жидкость попадает на кожу, Гарри затрясло.

– Вот именно, – подтвердила Антонелла, – в рапортах ЛВС было упомянуто только о его гибели в результате попадания вражеского снаряда во время катапультирования. Предположительно, отца хотели уберечь от этого ужаса. Но несколько его товарищей с Мэгона, кажется, пережили битву и рассказали герцогу обо всем. Похоже, он несколько иначе воспринял заботу вооруженных сил Содружества.

– Господи Боже, ну и смерть. Я такого злейшему врагу не пожелаю, – Гарри еще несколько секунд невидяще глядел в пространство, после чего взял себя в руки и поднял голову, – Но почему он ненавидит боевые мехи? Я уверен, что «Инферно» выстрелил не мех. Не говоря о величайшем риске получить попадание в бункер с боеприпасами, на который идет любой мехпилот, оснащающий свою машину ракетами «Инферно», распространенная среди мехвоинов всех наций ненависть к этому виду оружия привела к тому, что оно почти никогда не устанавливалась на мехах.

– Верно. Но каким-то образом все пехотинцы и танкисты с Мэгона, бывшие на Кесселе, вернулись живыми обратно домой – и ни один из мехпилотов. Вместе с жуткой гибелью наследника, это оказалось для Делкорда последней каплей. После этого он полгода жил отшельником, пока архонт Маркус не наградил его титулом архонета.

Гарри вопросительно взглянул на Антонеллу.

– Возможно, это была попытка вернуть герцога к действительности. Подозреваю, предложение об этом назначении сделали Генеральные Штаты. В любом случае, ничего из этого не получилось. Или получилось слишком хорошо – кому как. Вернувшись к власти, Делкорд уже был убежден, что боевые мехи – корень всех зол и их следует уничтожить, – она пожала плечами. – И что дом Штайнера предал лиранцев.

Гарри кивнул.

– Отсюда – Свободные бригады и возрождение трехструнной лиры. Он хочет вернуться к истокам Содружества. Это может объяснить и его либерализм каменного века в экономической политике. Или так, или он считает управление экономикой со стороны Штайнера еще одним доказательством предательства. Ему хочется вернуться в «старые добрые времена», до появления мехов.

– Старые добрые времена? – недоверчиво переспросила Антонелла. – Начало Содружества было абсолютным хаосом! Без Сета Марседена Содружество бы немедленно опять развалилось. Он что, историю никогда не учил?

– Похоже, он не совсем адекватен. Ты же слышала Алека Розена. Даже руководители концернов не разделяют его взгляды, даже если используют ситуацию по мере сил. Этот человек явно недееспособен. В нормальной ситуации архонт просто сменил бы его, и дело с концом. Ты говоришь, погибший сын был его наследником?

Она кивнула.

– У него есть ещё дочь от второго брака, но ей всего двенадцать лет и она не готова принять на себя его обязанности.

Гарри встал, чтобы взять что-нибудь выпить.

– Как бы там ни было, эту возможность Делкорд уничтожил, напав на мехгарнизоны. Теперь нам придется его вырубить. Но это мы сможем сделать лишь тогда, когда узнаем, как работает его секретное оружие. Ясно, что это своего рода компьютерный вирус, но как он попал в руки Делкорда? И как именно он действует? Это нам нужно выяснить.

– Я вожусь с этим. До сих пор нет никаких указаний на то, что он разработал его самостоя-

тельно. Даже если предположить, что шесть месяцев своего заточения этим занимался. Или ты нашел какие-то доказательства, что голубое солнце вызывает приступы гениальности? – она ухмыльнулась.

Гарри тоже засмеялся, открывая бутылку «Донегольского экспортного».

– В финансовом управлении, во всяком случае, нет. Скорее, наоборот. Хочешь пива? – Антонелла кивнула и он открыл вторую бутылку.

Мэгон оборачивался вокруг голубого солнца, однако, за исключением того, что светило выглядело небольшой точкой на небосводе планеты и некоторой голубой примеси к дневному свету, к которой можно было довольно быстро привыкнуть, других достойных упоминания особенностей у него не было. В целом, лишь необычная игра света при восходах и закатах напоминала о том, что цвет этой звезды отличался от тех, около которых привыкли селиться люди.

– А в финансовом управлении ничего нового? – спросила Антонелла, когда Гарри принес ей пиво. – Что насчет начальника службы безопасности? Ты вспомнил, кого он тебе напоминает?

Он плюхнулся на диван рядом с ней, лицо его выражало озабоченность.

– Нет. Я скоро с ума сойду. Я точно знаю, что я его где-то видел, но совершенно не могу вспомнить, где, – он отпил глоток, – Хуже всего, конечно, то, что я чувствую – он помнит меня.

В первый же день в финансовом управлении Мэгона Гарри встретил Джима Фитцпатрика, руководителя отдела безопасности учреждения, дружелюбного пожилого господина с легкой сединой в волосах. Приветствуя Харальда, Фитцпатрик впился глазами в его лицо, словно хотел навсегда запечатлеть его в памяти. Для шефа отдела безопасности это не было необычным – скорее, от него ожидают подобного поведения, однако у Гарри появилось определенное ощущение, что его визави глядит сквозь маскировку и видит не Хэнка Кейна, а Харальда Краузе. Это была еще одна причина, по которой Гарри вынужден был осторожничать с добычей данных. Если Фитцпатрик что-то подозревал, ему нельзя было давать лишних поводов, которые могли бы его подозрения подтвердить.

– Может быть, нам стоит выйти на контакт с агентом Мальм? – предложила Антонелла, – Она, должно быть, имеет возможность заглянуть в его дело.

Перед отлетом с Людвигсхафена агент Нойманн сообщил им, как они могут связаться с его заместительницей на Мэгоне. Гарри один раз воспользовался этим контактом – сообщил об их прибытии. Дружелюбная темноволосая девушка-агент работала водителем такси.

Он кивнул.

– Номер ее машины – 14CNU, верно? – Гарри взял коммуникатор, но в это время в дверь позвонили. – Ого, я еще не успел даже набрать номер! – он подошел к двери и нажал кнопку домофона, – Да?

– Добрый вечер, господин Краузе. Это Джим Фитцпатрик. Нам нужно поговорить.

Глава 23

*Бар «Аккордеон», Хельмштетт, Людвигсхафен
Провинция Ковентри, протекторат Донегол
Лиранское Содружество
2 ноября 2838 года*

– «Донегольское экспортное» для дамы, – Аким Баликчи диктовал заказ светловолосой официантке, – А я попробую сегодня «Бабайский Урквель».

Агент Мальм записала заказ, не моргнув глазом, дружески улыбнулась и исчезла, заверив:

– Будет исполнено.

Его спутница огляделась.

– Приятное местечко. Почему я еще ни разу не была здесь?

Он пожал плечами.

– Понятия не имею. Слишком мало девушек за столиками? – он подмигнул Масако.

Она подмигнула в ответ.

– Тогда тебе тоже здесь нечего делать, Рыбак. В конце концов, в этом смысле наши вкусы совпадают.

Аким кивнул.

– Туше, – он развел руками, – без Нойманна я бы эту забегаловку тоже не отыскал. Поближе к гарнизону полно баров.

Масако зачерпнула соленых орешков из блюда.

– Может, как раз потому мне здесь так нравится. Совершенно иная атмосфера, чем в пивной, полной солдат, – она откинулась в нишу, – Несмотря на близость к космопорту, – тут она стала серьезной. – А де Конинг тоже тут ошивается?

Аким поцокал языком.

– Да. Но сегодня его здесь нет. Я его спрашивал, есть ли у него какие-нибудь планы на вечер.

– И?

– Сегодня у него еженедельный вечер покера. Он пригласил меня поиграть, но я ответил, что моего жалования и так недостаточно, чтобы его ещё раздаривать. Он весь вечер просидит на квартире у Оливейры.

Вернулась официантка с заказом. «Урквелль» оказался светлым пивом. Мальм поставила стаканы перед агентами и застыла в ожидании. Аким дернулся, когда Масако пнула его под столом ногой.

– Эээ... извините, я не знаю вашего имени...

– Андреа, – с улыбкой ответила официантка, – Еще какие-нибудь пожелания?

– Не хотите ли составить нам компанию, Андреа? – взяла слово Масако. – Мы были бы рады.

– Ну, вообще-то, это у нас тут не приветствуется, – заявила Андреа, – но через полчаса у меня перерыв. Могу присесть с вами выпить пива, – она улыбнулась и опять исчезла, чтобы получить заказ с другого столика.

– Что за блестящее представление ты устроил, – подначила Масако, – Не запишешь ли мне его на чип?

Аким и сам не мог понять, почему так смутился. Он решил отделаться шуткой.

– Так много женских прелестей со всех сторон, что я просто проглотил язык.

– Да Господи! – услышал он в ответ, – Знаешь, мне все больше кажется, что чисто мужской экипаж в твоём новом танке тебе не на пользу. Пора опять пообщаться с женщинами.

– И ты не станешь ревновать, если я стану каждый день проводить бок о бок с красавицей-бортстрелком, малышка? – ухмыльнулся Аким.

Она показала ему язык и сделала движение головой к его запястью. Аким взглянул на наручные часы – прощальный подарок агента Нойманна. Обычно красные цифры, указывающие дату, приняли голубой цвет.

– Глушилка включена. Можем оставить наше воркование.

– Добро, – согласилась евроазиатка и отпила пива. – Не то, чтобы мне это не нравилось, но с Андреа Мальм мне бы это понравилось еще больше, – она снова сверкнула зубами.

– Мне тоже, – парировал Аким, хотя в данном случае это было неправдой. Он бы с огромным удовольствием познакомился поближе с самой Масако, но с того самого октябрьского вечера, когда его перевели на «Демон», она не оставила никаких сомнений в том, каковы именно её сексуальные предпочтения. Он с сожалением пожал плечами и выбросил эти мысли из головы.

– Даже если это получится, все равно остается проблема де Конинга. Мы не можем его просто так отпустить.

– До сих пор у нас нет доказательств, что он агент САФЕ, – напомнила Масако, – Только сильное подозрение. И даже, если это он – он ничего не получил. На крайний случай, мы можем оставить его людям Нойманна, – она скривила лицо, – Даже если мне самой это не слишком понравится.

– Ты права. Если он сейчас опять ляжет на дно до тех пор, пока не получит приказов из Лиги, раскрыть мы его не сможем. Даже сам факт, что он поставил в известность своих начальников, заставляет нас поторопиться. Это всего лишь вопрос времени – когда здесь станет тесно от гигантского количества агентов. До тех пор мы должны нейтрализовать «эффект Альбатроса».

Аким знал: как только весть о новом оружии распространится, в маленькую империю архонета Делкорда слетятся сотрудники спецслужб всех государств Внутренней Сферы. И, в отличие от ослабленного интердиктом КомСтара дома Марика и его САФЕ, некоторые другие секретные организации представляли серьезную угрозу.

– Пей своё пиво, пока холодное, – ответила его коллега. – Было бы жаль дать ему степлиться, – она снова потянулась за орешками.

Аким бросил взгляд на блюдечко и убедился, что на его долю орешков почти не досталось. Он покорно высыпал жалкие остатки в ладонь – оставалось лишь надеяться, что агент Мальм захватит с собой еще. Он попробовал свой «Урквелль». Вообще-то, он не был любителем светлого и опасность, что «Бабайский» станет его новой любимой маркой, ему не грозила. Но на вкус пиво было вполне ничего. Они принялись ждать.

Через некоторое время Мальм появилась снова и принесла поднос с новым бокалом «Донегольского экспортного», еще одним блюдцем с орешками и полным бокалом белого «Таркана». Потом она ушла с использованными стаканами и вернулась через пару минут уже без фартука и таблички с именем, зато со стаканом минералки. Масако подвинулась, освобождая ей место прежде, чем Аким успел отреагировать.

– У вас есть новости? – без предисловий спросила Мальм и глотнула воды.

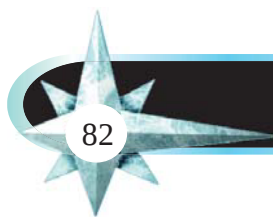
– Можно сказать и так, – подтвердила Масако в то время, как Аким с наслаждением принялся за свежее белое пиво, – Мы считаем, что нашли способ проанализировать действие «эффекта Альбатроса». Но для этого нам нужна ваша помощь. Вы можете провести на территорию гарнизона двоих техов?

Мальм нахмурилась.

– Это сложно. Вы сами знаете, как люди Делкорда отреагировали на нападение САФЕ. Раньше это не составляло проблемы, но теперь... – она пожала плечами.

Аким отставил бокал и утер со рта пену.

– Мы вам можем помочь. На следующей неделе несколько танков и солдат будут переведены в Хельмштетт из Семиречья. Достаточно, если техи придут с ними. Лучше всего – двое мехтехов.

Мальм бросила на него удивленный взгляд.

– Мехтехи? На Людвигсхафене не осталось ни одного действующего меха. Техи у нас, конечно, есть, но на что они вам сгодятся?

Он улыбнулся.

– Сейчас объясню.

* * *

Вводя последние данные в компьютер, Масако улыбнулась. Оказалось довольно несложно убедить гауптмана Десото в том, что гарнизону в Хельмштетте обязательно требуется помощь из замиренных областей Семиречья. Напротив, гауптман был весьма рад ее инициативе и позволил ей подготовить перевод самостоятельно. После этого она доложила еще и Мигоян, чтобы убедиться, что у военной разведки нет возражений – на самом же деле, чтобы не позволить Мигоян почувствовать себя обойденной и не дать, таким образом, ей повод для подозрений. Маневр сработал. Разведчица согласилась на передислокацию и даже дала свое добро на новое назначение Акима.

Нажатием кнопки ввода Масако завершила свою работу и запустила план, который должен наконец-то позволить Лиранскому Разведывательному Корпусу добраться до секретного оружия Делкорда. Аким спросил – где еще на Людвигсхафене, кроме действующего боевого меха, можно было найти действующий мехкомпьютер, сенсорную систему военного образца и гироскоп, которые были необходимы для решения их проблемы? Этот вопрос навел на воспоминания о разговоре, состоявшемся около месяца назад.

Ничего удивительного, что никто из людей Делкорда не опередил их. Для военных непреложным фактом было то, что между боевыми мехами и танками существует огромная разница – что лишний раз подтверждалось названием последних «конвенциональными боевыми машинами». «Эффект Альбатроса» как раз и основывался на этой разнице: танкам не требовались гироскопы, потому что им не нужно было ходить. Однако, это определение пропускало второй способ передвижения, который так же зависел от стабилизирующего воздействия гироскопа – а именно, полет. Или, скорее, прыжок с помощью плазменных ракетных дюз. И именно этим способом мог передвигаться один-единственный тип танка, экземпляр которого они только что затребовали из Семиречья: «Канга».

Конечно, гарантии того, что их план сработает, у них не было, но Масако обговорила его с Акимом и агентом Мальм, и техи со «Звёздной Пыли» также высказались в поддержку его осуществления. Из-за необходимости поддерживать равновесие во время прыжков длиной до 180 метров, «Канга» так же, как и боевой мех, была оборудована огромным гироскопом, пусть и не связанным с мозгом пилота через нейрошлем. Зато компьютер «Канги», AL-2200, был одним из современнейших и мощнейших во всей Внутренней Сфере, он симулировал чувство равновесия пилота и связывал его с инерциальной системой танка. Если и была машина, подверженная «эффекту Альбатроса», не будучи боевым мехом – то это была «Канга».

Глава 24

Тупан, Мэгон

Провинция Ковентри, протекторат Донегол

Лиранское Содружество

12 ноября 2838 года

– Фитцпатрик? Вы ошиблись дверью или я ослышался? Это Хэнк Кейн.

Пока Гарри общался с шефом отдела безопасности, Антонелла за его спиной развила бурную деятельность. Она быстро собрала все, что могло указывать на ее присутствие в комнате, ополоснула пивной бокал и поставила его обратно в шкаф, после чего исчезла в спальне со взведенным игольным пистолетом в руке.

– Конечно, господин Кейн. Я так и сказал? А что вам послышалось?

– Да неважно. Наверное, меня отвлек головид. Что привело вас сюда так поздно? Разве у вас еще не кончилось рабочее время?

– Я с удовольствием вам все объясню, но мне хотелось бы продолжить разговор внутри, если не возражаете. Тут сильный ветер и, похоже, вот-вот хлынет ливень.

У Гарри за спиной приглушенные звуки набрали силу. Он обернулся и увидел, как Антонелла, выскочив из спальни, включила звук на головиде, чтобы придать достоверность его отговорке насчет того, что он отвлекся на передачу. Он благодарно махнул рукой, после чего она кивнула и снова спряталась.

– Конечно, прошу прощения – Харальд нажал кнопку открытия замка, – Поднимайтесь наверх. Третий этаж, квартира С14.

– Я знаю. Сейчас поднимусь.

Гарри выключил переговорник и озабоченно нахмурился. Это было серьезно. Фитцпатрик однозначно назвал его настоящую фамилию. Его маскировка трещала по всем швам. Если им не повезло – он явился не один. Тогда им придется быстро решать: дать себя арестовать и положиться на помощь местных агентов ЛРК или устроить пальбу и вырваться. Он почувствовал себя не слишком хорошо.

Гарри подошел ко входной двери и выглянул через дверной зрачок в коридор. Когда коридорное освещение автоматически зажглось, он присмотрелся к теням, однако не нашел ни единого указания на то, что шеф отдела безопасности явился с сопровождением. Фитцпатрик остановился перед дверью и улыбнулся. Потом поднял руку и постучал.

Гарри отступил на шаг назад и открыл. Посетитель, похоже, в самом деле был один и даже не вооружен – эта новость, впрочем, не обязательно была хорошей.

– Господин Фитцпатрик. Должен признаться, ваш визит для меня – неожиданность. Входите.

– Благодарю вас. Вы правы, уже довольно поздно и я хотел бы извиниться за неожиданное вторжение, но это было спонтанным решением, – Фитцпатрик зашел в квартиру и огляделся, – Да, стандартная служебная квартира. Вряд ли вы удивитесь, если я скажу, что моя выглядит точно так же. Только у обоев другой цвет, – он прошел к дивану и сел, – Вы позволите?

Гарри кивнул и закрыл дверь. Он все еще не знал, что думать об этом визите, однако решил для начала подыгрывать.

– Хотите что-нибудь выпить? Кофе, чай, пиво?

– Спасибо. С удовольствием выпил бы кофе, если у вас найдется.

Гарри отправился в кухонную нишу, но Фитцпатрик остановил его.

– Может быть, об этом позаботится ваша юная коллега?

Он не подал виду.

– Если вы имеете в виду мою дочь – Джой здесь нет. Ей пришлось задержаться в редакции.

– Этого ей делать не пришлось, господин Краузе. Она вернулась домой... – он взглянул на часы – двадцать пять минут назад и, скорее всего, стоит сейчас с оружием в руке за дверью спальни. И я уверен, что она не приходится вам дочерью. Для совместного задания это была бы слишком глубокая эмоциональная связь. Она могла бы не дать вам в нужный момент сделать то, что должно быть сделано.

Гарри застыл.

– Пожалуйста, господин Краузе, госпожа Джой... Я не знаю вашего настоящего имени, но нет совершенно никакой необходимости прятаться. Я на вашей стороне, я никому о вас не рассказал. Напротив, я пришел, чтобы предложить вам свою помощь.

Теперь Гарри был в самом деле поражен. Всё его образование готовило его к тому, чтобы исходить из худших предположений. То, что кто-нибудь раскроет его маскировку и на этом основании предложит помощь, предусмотрено не было.

Антонелла быстрее взяла себя в руки, чем ее «отец», и вернулась в гостиную. Со скептическим выражением лица она смерила Фитцпатрика взглядом.

– Добрый вечер, господин Фитцпатрик. Позвольте спросить – а почему вы желаете нам помочь? И, конечно, как вы узнали Харальда?

Гарри продолжил свой путь на кухню и занялся кофейником, прислушиваясь к тому, что делается в гостиной. Ему требовалась возможность без помех прокрутить ситуацию в голове.

– Конечно, – ответил Фитцпатрик с улыбкой. – Я желаю вам помочь, потому что я патриот и совершенно не согласен с тем, что творит в настоящее время наш герцог. Откровенно говоря, я рад, что наконец-то появился кто-то, кто положит конец этому бреду. Кроме того, – пояснил он, откидываясь на спинку, – мне бы хотелось спасти репутацию военной разведки.

Гарри со стуком поставил термос на стол. Ну, конечно же!

– Курсы повышения квалификации на Таркаде, август тридцатого! Мы были в одной группе по теории контрразведки! – Наконец-то он понял, откуда знает Фитцпатрика.

Антонелла засмеялась.

– Значит, и в самом деле коллега. Хэнк уже несколько дней ломает голову, пытаюсь вспомнить, где с вами встречался.

Фитцпатрик сделал легкий поклон в его сторону.

– Очевидно, вы произвели на меня гораздо более глубокое впечатление, нежели я на вас, господин Краузе. Но, в отличие от вас, я тогда не задавал никаких вопросов, – он улыбнулся, – Есть какая-то ирония в том, что я расколол вашу легенду, потому что вместе с вами посещал курс контрразведки, где нас учили раскалывать легенды, не находите? К счастью, это никому не повредило. И я, признаться, сомневался, верно ли моё подозрение.

Гарри включил кофеварку и вернулся обратно в комнату.

– Просветите меня: что же меня окончательно выдало? – он выключил головид и сел в свободное кресло.

– Если честно – только реакция на мое посещение, – невинный взгляд Фитцпатрика несколько сбивал с толку. Теперь Гарри вспомнил, что именно этот взгляд и бросился ему в глаза восемь лет назад, – Тот способ, которым вы меня продержали у дверей в дом, чтобы дать возможность вашей очаровательной коллеге убрать все следы ее пребывания, а также тот факт, что вы наблюдали за коридором ещё до того, как я появился. До тех пор у меня было всего лишь подозрение – пусть и весьма серьёзное.

Гарри кивнул и Антонелла снова взяла нить разговора в свои руки.

– Я весьма впечатлена, господин Фитцпатрик. Мы не слишком привыкли к подобному вниманию к деталям со стороны ВР.

Фитцпатрик повернулся к ней.

– Пожалуйста, зовите меня Джим. И, ради чести моей организации, я должен заметить, что мы бы могли выдавать гораздо лучшие результаты, если бы имели в своем распоряжении боль-

ше средств. Но даже ЛВС в вопросах спецслужб с удовольствием полагаются на ЛРК, – Гарри и Антонелла качнули головами, наполовину соглашаясь. В какой-то мере Фитцпатрик был, конечно, прав – бюджет ЛРК был куда больше, но, с другой стороны, у гражданской секретной службы Содружества был гораздо более обширный круг обязанностей, простирающийся от охраны официальных лиц Лиры до терактов в глубине вражеской территории.

– Как бы там ни было, – сменил тему Гарри, – вы уверены, что о нашем присутствии больше никто не подозревает?

– Совершенно уверен. Хотя меня и отодвинули в сторону, и стерли мои коды доступа, потому что я не захотел поддерживать новую политику Делкорда – кстати сказать, я не единственный, кого обошли таким образом – но я всё ещё остаюсь частью системы настолько, что реакция на обнаружение двоих агентов ЛРК в столице не прошла бы мимо меня, – он потянул носом, – Пахнет великолепно. Это что, кофе «Ван Димен»?

Гарри ухмыльнулся.

– Ещё лучше. Горская смесь с Лоялти. – Транзитный импорт с Капелланской Конфедерации, – так как Лоялти находилась в составе Лиги Свободных Миров, с которой дом Штайнеров находился в состоянии войны, то изумительные сорта кофе с этой планеты нельзя было просто купить на лиранской территории. Однако отыскать их в небольших магазинчиках для гурманов вполне можно было, если знать, где искать. – Я очень редко пью кофе, так что могу себе позволить нечто особенное.

Фитцпатрик уважительно кивнул.

– Я впечатлен. Хотя, если не знать, кто вы такой – это можно расценить как поддержку врага.

Антонелла отправилась на кухню и принесла три чашки и кофейник.

– Мы не воюем с крестьянами Лоялти, господин Фитцпатрик. Только с домом Марика. И выращивание кофе – не военная индустрия, – она налила кофе Фитцпатрику, потом Гарри и, в конце, себе. – Сахару? Сливки?

– Благодарю, не хочу портить столь благородную смесь, – отмахнулся разведчик.

– Кроме того, большая часть тех денег, что были отданы за этот кофе, остается в руках посредников в Содружестве и у капелланцев. А с ними мы также не воюем, – добавил Гарри. Он сначала вдохнул аромат черного, как ночь, кофе, и лишь потом отпил глоток.

– Ну, довольно болтовни, – решила Антонелла, – Вы говорите, Джим, что вас отстранили?

– Именно так, – подтвердил Фитцпатрик, – Похоже, я слишком ясно дал понять, что думаю о целях Делкорда. Сначала меня отправили в вынужденный отпуск, а когда я в начале ноября снова хотел выйти на службу – перевели ночным сторожем в финансовое управление, – он возмущенно фыркнул. – С другой стороны, это привело меня ко встрече с вами. Тоже своего рода свет в конце туннеля.

– Ну, это вселяет надежду. И я обещаю вам: когда эта дрянь закончится, у вас не будет повода жаловаться. Добро пожаловать на борт, – Гарри протянул руку и пожал ладонь Фитцпатрика. – У вас есть предложения насчет того, как вы можете нам помочь, кроме того, чтобы предупредить, если ваши коллеги нас вдруг раскроют?

– Хм... – поджал губы Фитцпатрик, делая драматическую паузу. – Я уверен, что могу вам предложить кое-что, чего вы иначе не сможете найти на всем Мэгоне. Однако, для начала, полагаю, вам было бы интересно узнать, что сигнальную систему в резиденции герцога можно отключить.

Глава 25

Планетарный гарнизон, Хельмштетт

Людвигсхафен

Провинция Ковентри, протекторат Донегол

Лиранское Содружество

9 ноября 2838 года

Аким Баликчи сложил руки на груди и оглядел свой новый танк. Пятидесятитонная «Канга» была на десять тонн легче «Демона» и гораздо короче колесного танка. Кроме того, из-за отсутствия орудийной башни машина выглядела более плоской. Установленные по бокам ракетные дюзы, однако, делали её визуально гораздо шире. Металлический кожух мотора воздушной подушки был размещен подальше от бортов, чтобы предотвратить повреждения от выбросов плазмы из дюзов. Аким повернулся к Масако, стоящей справа от него.

– Это, значит, он?

– Он самый, – ответил вместо нее Стефан Черногубый. Тех вышел из тени, которую отбрасывал танк, и вытер руки ветошью. Это был один из двоих техов, сопровождавших команду «Альбатрос» на борту «Звёздной Пыли» – он добровольно вызвался подпольно работать в гарнизоне. Сюда он попал с местным коллегой. С первого же дня оба взяли «Кангу» под свое крыло.

– Неплохая машина, но её, кажется, повредили во время переброски сюда, – он подмигнул Акиму и Масако.

– Это что же, мы должны теперь ездить на битом танке? – из глубины ангара подошел Патрик Шюрманн, лицо его выражало недоверие, – Вы шутите? Чем мы провинились?

Масако засмеялась.

– Патрик, это вовсе не наказание. Кроме того, вы же вызвались добровольцем на перевод или я что-то неправильно прочла? Вы можете еще отозвать ваш рапорт и остаться с Хорхе и Ханне на «Демоне».

Аким кивнул.

– Если кто и должен тут жаловаться, так это я. В конце концов, «Демоном» я командовал, а тут буду изображать из себя всего лишь водителя. Но мне эта машина нравится больше.

После того, как Масако перевела лишенную экипажа «Кангу» из Семиречья в Хельмштетт, Аким из-за своего опыта службы в качестве мехпилота оказался наилучшим кандидатом в водителя прыгающего танка – и, конечно же, Масако предложила именно его. Это была важная часть их плана, так как для того, чтобы получить доступ к компьютеру машины, им нужен был контроль над ней. Ради этого Аким был готов быть пониженным от командира до водителя. Неожиданностью стало предложение гауптмана Десото, чтобы Масако стала командиром этого экипажа, однако и это пришлось обоим агентам весьма кстати. Для полного комплекта им теперь не хватало техника-связиста – этот пост на время двух предстоящих тестовых прогонов принял Черногубый.

– Ладно-ладно, – отмахнулся Шюрманн, – с этой гауссовкой на «Демоне» даже не разогреться как следует. Кроме того, мне всегда хотелось попробовать пострелять в полете.

– Ну, придется вам немного подождать, – сообщил тех юному бортстрелку. – Одна из поврежденных систем – заправочный модуль камеры сгорания прыжковых дюзов. В этом пробеге я бы не советовал делать больше одного прыжка – а лучше вообще не прыгать. И уж во всяком случае – не стрелять в воздухе, пока мы не нашли повреждение в инерционных сенсорах.

Патрик так разочарованно поглядел на теха, что Аким рассмеялся.

– Ты выглядишь так, словно у тебя конфетку отобрали, ты в курсе? Пойди да спроси у Ханне – может, он тебя оставит у себя, пока не прибудет твоя смена. Нам сегодня так или иначе нужна машина сопровождения. Можете поехать с нами на «Демоне». Вдруг Ханне и Хорхе даже дадут тебе поиграть в командира? Пока вы нас прикрываете, мы можем кататься и без стрелка.

– Кроме того, в крайнем случае я могу перебраться на заднее сиденье, – заявила Масако и улыбнулась, глядя на наигранное возмущение Акима тем, что она может снова взять на себя обязанности бортстрелка.

– Ты только позаботься, чтобы Мигоян этого не услышала, – сказал он, – не то чихнуть не успеешь, как окажешься снова в штабе. Я сильно сомневаюсь, чтобы она уже успела забыть твой последний спектакль в качестве стрелка.

– Серьезно? – спросил Патрик. – Вы ничего не имеете против, если я еще разок проедусь в «Демоне»? – стрелок полуобернулся.

– Давай, Патрик. В конце концов, я это сам предложил. Ничего с нами не будет. Повстанцы давно сдались, а у «Канги» нет никакого «Зет-четыре», который кто-нибудь захочет украсть. Для «Демона» гораздо важнее иметь полный экипаж.

– Спасибо, шеф! – просиял Шюрманн, поднял вверх большой палец и испарился. Аким едва мог понять его воодушевление.

– Похоже, нам оставили в подарок целый танк, – заявил он, повернувшись к своим коллегам из ЛРК.

– Все сенсоры активированы, – сообщил Стефан с места связиста, – если мы подвержены «эффекту Альбатроса», то уже заразились.

– Смею надеяться, – заявила Масако от командирского пульта, – Если нет, то все наши усилия были впустую и придется все начинать сначала.

Аким легко подал рычаг вперед и заложил левостороннюю кривую, выведшую их вперед по отношению к сопровождающему «Демону». Постепенно увеличивая скорость до пятидесяти километров в час, он несколько раз объехал вокруг сравнительно медленно движущегося колесного танка.

– Так, воздушная подушка работает безукоризненно. Надеюсь, у нас будут другие возможности понять, увенчался ли наш план успехом, кроме прыжка с последующим приземлением на крышу.

– Минутку, – улыбнулся Стефан. – Де Конинг жалуется, что у него кружится голова от наших маневров, и грозит напустить на нас Патрика, если мы не прекратим.

– Хочу видеть, как Патрик станет стрелять в танк, на который записался добровольцем. Скажи ему, что если он выстрелит хоть раз, то будет до посинения ждать шанса проверить, как автопушка работает в прыжке, – прокомментировала Масако.

– Ничего он нам не сделает, – сказал Аким, – его фамилия, в конце концов, не Шлютер, – добавил он после некоторой паузы, однако сбросил скорость и пристроился перед «Демоном».

– Радуйся, что у меня сейчас ничего нет под рукой, кроме шлема, чтобы швырнуть в тебя, любимый – а шлем мне самой нужен, – ответила на колкость его коллеги и спросила у теха:

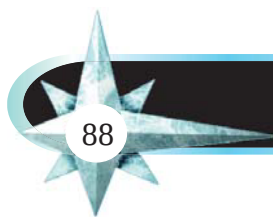
– Ну как? Есть возможность все выяснить без того, чтобы ткнуть Мигоян и всю ВР в то, что они просмотрели?

Стефан кивнул.

– У AL2200 есть специальная диагностическая программа для проверки управления гироскопом. Чтобы предотвращать как раз такие несчастные случаи, о которых тут упомянул господин Баликчи. Секундочку, – он развернул кресло вправо и что-то напечатал на клавиатуре компьютерного терминала.

– Что мы будем делать, если не получилось? – спросил Аким с места водителя, – У «Звездной Пыли» есть возможность найти тут где-нибудь мех?

– Не понадобится, – объявил тех, – бортовой компьютер показывает полный выход из строя системы управления гироскопа. Причина неизвестна. Использование прыжковых дюз настоятельно не рекомендуется. Так же, как и езда юзом на скорости выше ста двадцати километров в час.

– Ну, это нам не грозит. Пока мы не желаем потерять наш эскорт, мы и половины от ста двадцати набирать не станем, – ответил Аким. – Тогда, полагаю, пришло время для аварии, которая выведет нашу суперколымагу из строя.

– Нет проблем. Держитесь, – Стефан перекинул один из длинного ряда переключателей и танк потряс громкий взрыв. Акима резко бросило на ремень безопасности.

– Господи, твоя воля! – выдохнула Масако. – Что это было?

– Да ну, ничего страшного, – пояснил Стефан, – Наша правая прыжковая дюза как раз пошла в поле погулять, – и довольным тоном добавил: – Эта «Канга» теперь до-олго еще не попрыгает.

Глава 26

*«Уорлд Линк Ньюс», Тупан, Мэгон
Провинция Ковентри, протекторат Донегол
Лиранское Содружество
15 ноября 2838 года*

– К общему сведению: на Людвигсхафене сопротивление нашему бесстрашному предводителю вовсе не сломлено и там даже есть один убитый, – громкий голос Хельмера Маккензи эхом отозвался во всех помещениях редакции и прервал разговоры других журналистов, – С каждым днем растут шансы, что дом Штайнера, наконец, изволит проснуться и прекратит эту катавасию.

Антонелла Зонненшайн прервала работу над ежедневной зрительской статистикой и взглянула на массивного диктора. То, что Маккензи не очень-то был согласен с политикой архонета Делкорда, не являлось для нее сюрпризом. Своего мнения, совпадающего, кстати, с мнением большинства работников редакции, он в карман не прятал, хотя перед камерой строго придерживался нейтрально сформулированных текстов. Однако она ничего не знала о том, что УЛН получила какие-то новые сведения о сопротивлении на Людвигсхафене. И если новость о погибшем была верна, то она была уверена, что сообщение об этом не появится ни в одном из официальных репортажей. Стиль правления Делкорда не предусматривал никаких поражений.

– Подобными высосанными из пальца слухами вы не поразите никого, кто поддерживает прогрессивную политику архонета Кристиана, – презрительно заявила Сцилла Сольвейг. Она принадлежала к исчезающе малому меньшинству работников УЛН – приверженцев Делкорда. При этом она вряд ли осознавала, что ее поддержка стоила Делкорду большей неприязни среди сотрудников редакции, чем любое из его мероприятий.

– Боже всемогущий, женщина – и я использую этот термин в самом широком смысле – насколько одиноко должна чувствовать себя ваша мозговая клетка, одна на весь огромный череп! – Хельмер смерил свою коллегу с неприкрытым отвращением. – Мои источники неприкасае-

мы! Я еженедельно читаю внутренние доклады военной информационной службы и не полагаюсь на галлюцинации герцогского пресс-атташе.

Антонелла наострила уши. Вот это была в самом деле новость. И, возможно, особо важная. Их новый союзник Джим Фитцпатрик хотя и объяснил способ нейтрализации сигнальной системы в резиденции Делкорда и намекнул, что обладает как минимум еще одним важным для них секретом – однако, так как военная разведка всё же стерла его коды доступа, у них оказались связаны руки. Без действующего кода ВР у них не было шанса внести необходимые изменения в компьютерную систему, а кода они не имели.

Однако Хельмер, похоже, обладал возможностью заглядывать в компьютер ВР – если он, конечно, не пытался показаться важнее, чем он есть на самом деле – а после всего, что Антонелла о нем узнала, она пришла к выводу, что он пускает пыль в глаза только тогда, когда пытается завоевать очередную девицу. Шла ли речь о коде доступа или же о каком-либо хитром способе взлома компьютера военной разведки – она не знала. Но собиралась выяснить.

Когда диктор в следующий раз отправился к автомату с напитками, Антонелла последовала за ним.

– Хельмер, – сказала она хрипловатым голосом. – Я взглянула на вас совершенно иными глазами.

Журналист скептически оглядел ее.

– Вы стали носить контактные линзы?

– Шутник, – улыбнулась она. – Нет, я просто слышала насчет докладов ВР. Я всегда думала, что они секретные.

– Конечно, секретные, лапочка. Прежде всего те, которые курсируют в ВР. Но для настоящего журналиста это не преграда, – Хельмер вытащил из автомата банку охлажденного чая и снова обернулся к Антонелле. – Откуда такая резкая перемена? В пятницу, если не ошибаюсь, вы мне вывихнули палец – что я, кстати, всё ещё ощущаю.

Вот и хорошо, – подумала Антонелла, но вслух сказала: – Это не нарочно. Вы просто неправильно себя со мной повели. Лесть меня не впечатляет. Но профессионализм я уважаю, – она нажала кнопку, выдающую минеральную воду, точно ударила по автомату и вытащила пластиковую бутылку, не уплатив за нее.

– Вы расскажете мне, как вам это удалось? По какому месту я должен стукнуть этого жадного монстра, чтобы получить свою бутылку?

Антонелла ухмыльнулась.

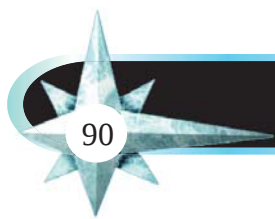
– Зависит от того, что вы хотите получить. Если ваш чай, – она нажала на соответствующую кнопку, – то вот по этому, – она коротко выдохнула и ударила кулаком по боку автомата. В приемник вывалилась банка с напитком. Антонелла вытащила ее и протянула Хельмеру. – Ваше здоровье!

– Мне кажется, я должен извиниться. Я перепутал вас с одной из этих юных гусынь из здешнего стада. Простите стареющему журналисту этот поверхностный взгляд. А я прощу вам свой палец, – Маккензи открыл банку и стал пить. – Вынужденное ежедневное соседство с Харибдой действует на психику даже сильнейших из мужчин.

Антонелла обнаружила в поведении Хельмера некое новое уважение и решила принять его объяснения.

– Вы хотели мне рассказать, каким образом получили доступ к файлам разведки, – напомнила она.

– Я не родился безмозглым патефоном, – сообщил он, – когда-то имени Хельмера Маккензи боялись в самых высоких сферах власти. Тридцать лет в качестве топ-репортера «Антенны Донегол»! А потом – изгнан из-за дурацкой ошибки. И летящие в тартарары зрительские рейтинги, хотя прежде всего – идиотская невнимательность в репортаже о тамарском герцоге, – он злобно зарычал: – Независимый, как же! Ладно, чего там... Здесь я получаю втрое больше за работу, которая может служить иллюстрацией к слову «тупость». Не удивительно, что Сцилла так ею восхищается.

– Файлы ВР, – напомнила Антонелла, прежде чем он разразился очередной тирадой о своей коллеге по дикторскому пульта. Очевидно, у «Антенны Донегол» были и другие причины вышвырнуть Маккензи.

– Да-да, конечно, не будьте такой нетерпеливой. Это вообще никакая не проблема. Суёшься везде, знакомишься с людьми, дружишь с ними, они делятся с тобой паролем-другим или кодовым ключом... – он прервался, когда с другой стороны кто-то появился. – У меня есть к вам предложение: давайте поговорим об этом вечером, за стаканом доброго вина и хорошим ужином.

Антонелла недоверчиво воззрилась на него.

– Если вы собираетесь меня напоить – вам это не удастся.

Хельмер просиял.

– Джой Кейн, если вы скажете еще, что играете в преферанс – я пойму, что нашел родственную душу! – Он вопросительно взглянул на нее.

Она пожала плечами.

– Не слишком хорошо. Покер мне нравится больше.

– Приди в мои объятия, сестра по духу! – возопил журналист и раскинул руки – в каждой по банке чая, – Я ни за что не стану пытаться навязаться вам! А если попытаюсь – врежьте мне в рыло! Собственно, вас и просить не надо... – он засмеялся, – но если что-то получится...

Антонелла отступила на шаг и, прищурившись, оглядела его.

– Слушайте, еще и полудня нет. Вы уже надрались?

Он развернулся по направлению к редакционному помещению и Антонелла зашагала с ним вместе.

– Конечно же, нет. Всего лишь стандартное количество алкоголя, которое помогает мне выдерживать рядом с собой присутствие гиены в женском обличье, без того, чтобы ее удушить, – он приостановился и вытащил из кармана пиджака фляжку, из которой долил банку чая, – Я знаю один милый маленький ресторанчик неподалеку от меня. Ничего из ряда вон выходящего, просто для друзей. В восемь вечера?

Она кивнула, надеясь, что он не собирается к ней приставать. Для его же собственной пользы.

* * *

– Похоже, я окончательно сдурела! – Антонелла поправила подушку за своей спиной и взглянула на Хельмера Маккензи, который лежал рядом с ней и храпел. Ужин, как и ожидалось, был замечательным – в том, что касалось ресторана, Хельмер сдержал свое слово. Накануне Антонелла порасспросила некоторых бывших пассий Маккензи из числа сотрудниц редакции и постаралась сделать вечер нетривиальным. Её только удивляло, как это она всё-таки оказалась в его постели. Она не была уверена, понравился ли ей в самом деле этот грубиян и она провела с ним ночь по собственной воле или он её особо ловко облапошил.

Антонелла вспомнила несколько последних часов и вынуждена была признать, что Хельмер проявил весьма впечатляющую для его возраста прыть – не говоря уже о выработанной многолетней практикой технике. Она улыбнулась. Похоже, те средненькие оценки, которые получал Маккензи у редакционных дам, больше относились к его партнершам, чем к нему. Или же он приложил в случае с ней особое старание. Антонелла решила, что сама позволила себе минувшую ночь. И в самом деле – она чувствовала себя совершенно непринужденно.

Кодов доступа, тем не менее, у неё по-прежнему не было. Эта мысль не давала ей покоя. Хельмер признался, что у него имеется код ВР, полученный от «хорошего знакомого». Он не исключал, что разведка знает о его периодических входах в систему, но так как он ничего не пытался изменить, а ограничивался лишь прочтением регулярных рапортов, ему, похоже, подобные вещи позволялись.

Она попыталась вывести у него этот код, но десятки лет, проведенные им в качестве репор-

тера, явно научили его не только выяснять необходимую ему информацию, но и держать её при себе. Антонелле оказалось достаточно несложно подвигнуть Хельмера на то, чтобы помочь ей добыть нужные ей сведения, используя код, но ей это, конечно же, не слишком помогло. В отличие от Маккензи, Гарри и Антонелле требовалось активно вмешаться и изменить некоторые установки системы. Кроме того, им требовались не рапорты ВР и даже не доступ к закрытым участкам системы. Им требовался активный доступ, осуществленный из резиденции герцога, чтобы добиться своей цели: отключить сигнальную систему можно было только изнутри.

Ничего не помогало. Антонелле требовался код доступа и, похоже, у нее не оставалось иного выхода, кроме как посвятить репортера в суть дела. Эта мысль ей не нравилась, хотя у неё не было ни малейших сомнений в том, что Маккензи был лоялен по отношению к дому Штайнеров и с готовностью помог бы ей. Она задумалась, откуда же у нее взялись подобные сомнения и нашла две причины. Во-первых, рассказывать посторонним о том, что она – секретный агент, особенно – во время задания, противоречило всей её подготовке. Впрочем, эта тренированная скрытность в данном случае не была такой уж необходимостью, так как они находились в пределах Лиранского Содружества и Антонелла опиралась на авторитет дома Штайнеров – авторитет, который при исполнении миссии на территории Лиги Свободных Миров или Синдиката Драконов вряд ли произвел бы такое уж сильное впечатление. Здесь, однако, он обладал солидным весом.

Вторая причина: Хельмер был журналистом. Это означало, что он живет распространением информации. Это делало его совсем не тем человеком, которому секретный агент в состоянии без особых проблем довериться.

С другой стороны, он только что доказал ей, что вполне в состоянии держать язык за зубами в том случае, если у него были на это основания. И если его верность Содружеству не была достаточным основанием, то опасность попасть под суд за разглашение секретной информации давала бы ему дополнительный стимул помалкивать. Кроме того – время поджимало. В следующее воскресенье Хельмер должен был брать интервью у архонета Делкорда в его резиденции и если Антонелле удастся сопровождать его и отключить сигнальную систему – это была бы уникальная возможность обыскать дворец.

Хельмер зашевелился. Он открыл глаза, громко, от души зевнул и потянулся. Потом почесал голову и улыбнулся Антонелле.

– Я просто замечательно выспался. А ты как?

– Спасибо, неплохо. Кстати, мне всё ещё требуется код доступа.

Он нахмурился и сел.

– Настойчивость – это хорошо. Но это уже больше похоже на навязчивость. Я ведь уже сказал: я достану всё, что тебе потребуется. Почему тебе обязательно требуется знать код самой? Мне не доверяешь?

Она лучезарно улыбнулась ему.

– Такой гиене пера, как ты? Я доверяю тебе, милый. Ровно настолько, насколько далеко я смогу тебя швырнуть, – учитывая разницу в весе, это было достаточно небольшое расстояние.

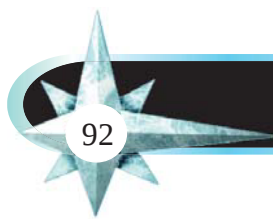
Но Хельмер не обиделся.

– Я знал, что у нас с тобой полное взаимопонимание. Завтрак? – он отбросил одеяло и встал.

– Угощу тебя своей легендарной жареной картошкой на сале.

– Тогда я бы посоветовала тебе, сначала что-нибудь на себя надеть, – сухо заметила Антонелла.

– Не сомневайся. Я пошел на кухню. Приходи, как встанешь – пообщаемся, – в дверях он снова обернулся, – И тебе одеваться совершенно не обязательно.

Глава 27

Планетарный гарнизон, Хельмштетт

Людвигсхафен

Провинция Ковентри, протекторат Донегол

Лиранское Содружество

13 ноября 2838 года

– Я начинаю задаваться вопросом, почему мы должны просиживать тут задницы в субботнюю ночь, – пробормотал Патрик Шюрманн, бросил сигарету на пол ангара и растоптал её сапогом. – Вот уже много дней никто не пытался даже приблизиться к гарнизону. А я как раз познакомился в городе с такой цыпочкой – пальчики оближешь...

– Которая теперь, ввиду отсутствия Патрика, утешается с другим, – сочувственно закончил Аким Баликчи. Он утешающе похлопал молодого стрелка по плечу. – Эта ночь тоже закончится. И если она в тебе что-то нашла, то освободит для тебя следующие выходные, – он вытащил из кармана флягу, которую ему купила Масако, и предложил товарищу глоток бренди. Вместе с Ханне де Конингом они стояли на броне «Демона», прислонившись к башне, и бездельничали в ожидании рассвета. В танке на посту в данный момент находился Хорхе Оливейра, связист. Чтобы хоть как-то скрасить дежурство, они договорились, что станут сидеть внутри по очереди, в полной готовности и включив танковый двигатель, чтобы держать включенными аппарат связи и сенсоры. Остальные трое могли оставаться снаружи, в куда лучше проветриваемом помещении ангара – хотя и не могли удалиться от машины дальше, чем на три шага, чтобы иметь возможность быстро отреагировать в случае тревоги. И всё равно – это был довольно печальный способ провести ночь, особенно – ночь выходного дня, когда большая часть гарнизона получала увольнительные и веселилась вовсю в городе.

– Вам хорошо говорить, – иронично улыбнулся Ханне, – когда вы через пару часов вернетесь в свою квартиру, то можете сразу прыгнуть в теплую постель и хорошенько покувыркаться перед сном. А что нам прикажете делать?

Аким подумал о Масако Шлютер, с которой делил жилище, и подумал, что ему не слишком хочется представлять себе, как бы она отреагировала на попытку «покувыркаться» с ней с его стороны. Но его товарищи по экипажу, конечно же, не догадывались, что оба агента лишь разыгрывали из себя влюбленную парочку, чтобы получить возможность оставаться наедине в своей квартире. На самом деле, в последние недели Патрик и Ханне явно куда чаще занимались сексом, чем он, а близость к столь невероятно привлекательной коллеге, как Масако, ежесекундно напоминала ему об этом.

– Ну, не всем же так везёт, как мне, Ханне. Но я говорю о принципе, – он тоже глотнул бренди, чтобы не выпасть из образа. – Джентльмен наслаждается и помалкивает.

Ханне протянул руку, дожидаясь, пока тоже получит свой глоток. Потянув из фляги, он с довольным хмыканьем вернул ее обратно.

– Ах, хорошо, – он передернулся и оглядел ангар. – Но Патрик прав. Тут все тихо, как на кладбище.

– Слишком тихо, – заметил Аким, пряча фляжку. – С момента нападения прошло уже две недели и с тех пор не было отмечено ни одной попытки, о которой бы нам стало известно. Мне это не нравится.

– Да они, наверное, просто плюнули на это дело, когда поняли, что им тут не светит, – сказал Ханне.

– Нет-нет-нет, – решительно помотал головой Патрик. – Это бессмысленно. Это были чужа-

ки, ты сам так сказал. И они прибыли хрен знает откуда, чтобы спереть «Зет-четыре», хладнокровно убили человека, а потом поджали хвосты просто потому, что в первый раз у них ничего не получилось? Вот уж нет.

Аким собрался было ответить, когда вдруг краем глаза заметил движение. Он повернул голову и рука его упала на кобуру с лазерным пистолетом. Кто-то тихими шагами направлялся к нему из полутьмы ангара – впрочем, не пытаясь спрятаться. Он оставил руку поблизости от кобуры, не вытаскивая пистолет.

– Кто там?

– Рада, что вы всё же внимательнее, чем это кажется на первый взгляд, – ответил женский голос, чьи интонации он сразу узнал.

– Офицер Мигоян, – приветствовал он ее. – В столь поздний час – на службе? Что-нибудь стряслось?

Ханне и Патрик, проследившие за его взглядом и взявшиеся было за оружие, расслабились.

– Вы имеете в виду, не попытался ли кто-нибудь проникнуть в гарнизон? Нет, – она тихо подошла ближе и по ее виду невозможно было понять – спокойна она или нет, хотя Аким с трудом мог себе представить ее в гражданском платье и на прогулке. Скорее всего, она выросла в военной семье, как и он. Солдатская жизнь была у неё в крови.

И всё же, он ощущал беспокойство, видя, как она приближается. Она совершенно не производила угрожающего впечатления и вооружена тоже не была. Но, в отличие от большинства офицеров гарнизона, она никогда не носила оружия – вдруг понял Аким. Он не смог понять, было это добрым знаком или нет. Возможно, его беспокойство вызвано тем, что она ни на секунду не сводила с него глаз. Что-то было не так.

– Вы, похоже, слишком беспечны для часовых, судари мои, – заметила Мигоян и подошла к люку. Остановившись, она оперлась на полуоткрытую дверь. – А что, если бы я оказалась врагом?

– Тогда бы вы не дошли бы досюда, – засмеялся Патрик. – Мы бы разобрались с вами ещё там, в ангаре, – он похлопал по кобуре.

– В самом деле? С пистолетиками? – Мигоян растянула губы в улыбке. – Дайте-ка, – кивнула она Аким, который стоял к ней ближе всех. Он замешкался и она повторила, – Пистолет дайте.

С возрастающим смятением, но не подав виду, Аким вытащил лазерный пистолет из кобуры, убедился, что тот стоит на предохранителе и протянул его офицеру военной разведки.

– Благодарю, лейтенант Баликчи, – она приняла оружие, сняла предохранитель и направила пистолет на Акима. Неожиданно всякое дружелюбие испарилось с ее лица, – Если это в самом деле ваше имя. Я арестовываю вас по обвинению в измене и в убийстве солдата Паоло Бенедетти. Руки за голову!

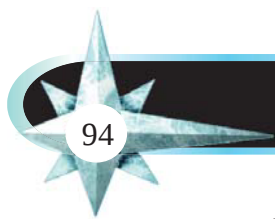
Ханне и Патрик ошарашенно уставились на нее, в то время как Аким медленно поднимал руки. Предчувствия его не обманули. Похоже, Мигоян вышла на их с Масako след. Но как?

– Что, простите?

– Вы все отлично поняли, Баликчи. Де Конинг, Шюрманн – возьмите этого человека на прицел. Он – вражеский агент.

Аким соорудил недоверчивую мину – так же, как и его товарищи по экипажу. Ему это удалось не тяжелее, чем обоим солдатам – правда, по другим причинам. Он не мог поверить, что его раскрыла сотрудница военной разведки. В среде работников ЛРК эта спецслужба не пользовалась особым авторитетом – скорее, отношение к ней было презрительным. Так повелось с самого основания Лиранского Разведывательного Корпуса: не в последнюю очередь потому, что ЛРК была задумана архонтом Катариной Штайнер в качестве замены ВР.

– Вы выглядите удивленным, Баликчи. Вы что, в самом деле думали, что у вас пройдет ваш трюк с «Кангой»? – Мигоян выпрямилась, ни на миллиметр не отведя оружия. – У меня возникли сомнения, как только я узнала о повреждении танка. С чего бы это вдруг гарнизону Семиречья понадобилось отправлять в столицу машину с дефектом? Чтобы заслужить дурную

репутацию? – она фыркнула. – А тут еще и взрыв прыжковой дюзы. Только танк прибыл – и сразу на тебе, разваливается на ходу. В первом же испытательном рейсе! Что-то тут явно не так. Десото и его люди и ухом не пошевелили, но я знала, что что-то за этим кроется. А сегодня ночью мне пришла в голову мысль. Я пошла в ангар и проверила «Кангу».

Аким сглотнул. После того, как во вторник они вернули «Кангу» обратно в ангар, оба теха под предлогом первого аварийного техосмотра немедленно полностью сняли бортовой компьютер. Пока Масако с Акимом, отвлекая внимание на себя, имитировали очередной приступ ярости, связанный с тем, что им прислали бесполезный металлолом, Черногоубый и Чирчье погрузили компьютер на транспортер, на котором через пару минут отправились разыскивать оторвавшуюся прыжковую дюзу – агенты заранее позаботились о том, чтобы эту поездку совершили оба их теха: они просто пригрозили переломать руки и ноги каждому, кто хотя бы попытается помочь «этим ленивым бездарям» самим исправить все, что те «натворили с их танком». Естественно, обратно они вернулись уже без компьютера. В джунглях за пределами города их встретили люди агента Мальм, забрали устройство и переправили его на «Звездную Пыль» для детального обследования. Стефан Черногоубый также отправился на корабль, используя увольнительную, положенную ему на выходные дни, и должен был, если бы все получилось, как было задумано, вернуться в понедельник с результатами.

– Вы, конечно же, знаете, что я обнаружила, не так ли, Баликчи? – спросила Мигоян, – В конце концов, вы с вашей подружкой притащили сюда «Кангу» с одной-единственной целью. После того, как вам, благодаря нашим мерам предосторожности и присутствию де Конинга, не удалось угнать танк, оборудованный «Зет-четыре», вы решили использовать другую возможность и украсть зараженный компьютер. «Канга», которая стоит там, в ангаре – всего лишь пустая оболочка. Где ваш тех и где наш компьютер?

Аким пожал плечами. Краем глаза он увидел, как расширились глаза де Конинга. Почти незаметная реакция, но она подтвердила, что их с Масако подозрения оправдались. Де Конинг был агентом Марика, который только что сообразил, какую он допустил ошибку, слишком рано введя в игру «Флеа». Возможно, мысленно он отвесил сам себе пинок под зад. К сожалению, нынешнее положение Акима не позволяло ему по-настоящему обрадоваться.

– О чем вы толкуете, офицер?

– Не считайте меня глупее, чем я есть, Баликчи. Вы и ваша потаскушка внедрились сюда, чтобы украсть сведения о «Зет-четыре» и ради этого вы готовы идти по трупам. Я не знаю, кто еще вам помогал, но я это живо выясню. Мы проверим каждого, кто имел с вами хотя бы мимолетный контакт, – за ее спиной де Конинг вдруг резко выпрямился и застыл, – А теперь отвечайте, быстро. На кого вы работаете? САФЕ? «Маскировка»? СВБ? МВР?

– Ладно, вы меня вычислили. Я агент. Но я – не предатель, – он легко поклонился, – Аким Баликчи, Лиранский Разведывательный Корпус.

Лицо Ханне де Конинга отразило смятение его чувств. Его глаза перебежали с Мигоян на Акима, а с Акима – на Патрика Шюрманна. Аким мог себе представить, что творилось сейчас в его голове. Он был в ловушке. Затеянная Мигоян проверка личного состава его обязательно раскроет. И если Аким с Масако работают на дом Штайнеров, он оказывался в этой игре единственным вражеским агентом. Как только его раскроют – всё обрушится на него. При этом сам он был всего лишь одним из оставленных здесь не меньше двенадцати лет назад «консервов». Ответа на свой запрос в центр САФЕ он еще не получил и был явно перегружен сверх своей компетенции. В этот момент его взгляд встретился со взглядом Акима и Ханне понял, что его маскировка уже рассыпалась. Реакция оказалась панической.

Де Конинг выхватил оружие и выстрелил в Мигоян. Луч лазера вонзился в её затылок и убил на месте. Офицер ВР упала набок и весом своим захлопнула башенный люк, на который опиралась до сих пор. Одновременно Ханне правой ногой ударил опешившего от неожиданности Патрика Шюрманна в бедро. Стрелок выпустил из руки пистолет и покатился по полу, ударившись головой о стальную балку и потеряв сознание. На металле остался кровавый отпечаток.

Аким рванул к своему оружию, выпавшему из руки Мигоян, но прежде, чем его пальцы

ухватились за рукоять, второй выстрел де Конинга расплавил пистолет. Аким невольно восхитился. Агент САФЕ просто выбросил на помойку собственное призвание, став водителем танка. Ему следовало бы быть снайпером. Сотрудник ЛРК взглянул в его сторону и увидел, как тот покачивает пистолетом. Он медленно встал и вернулся на место, где раньше в него целилась Мигоян.

– Итак, вы в курсе, – сказал де Конинг.

– Что вы – агент САФЕ и что на базу никто не нападал? Да, – Аким кивком указал на труп Мигоян. – Вам, полагаю, ясно, что живым вы отсюда не уйдете?

– Конечно, уйду, – худощавый лигист успел успокоиться и вел себя с каждой секундой все более уверенно. – Мигоян раскрыла вас, как агента САФЕ и убийцу Бенедетти, но вам удалось вырвать у меня оружие и застрелить ее и Шюрманна. К счастью, моего самообладания хватило, чтобы спрятаться за труп Патрика и убить вас из его пистолета. Мне вручат за это орден.

– Вы забыли про Оливейру, – возразил Аким. – Наш блондинчик явно все слышал сквозь открытый люк или же через внешние микрофоны. И, скорее всего, уже поднял по радио тревогу. *Или, как минимум, занят этим в данный момент, если всё слышал, но не подумал об этом сразу.*

– Вы недооцениваете меня, Аким. Я, может, и не такой суперагент, как вы, но дураком никогда не был, – левой рукой Ханне вытащил из нагрудного кармана небольшую деталь и поднял ее вверх. – Без вот этого выключателя рация в танке работать не будет. Я завёл себе привычку перед каждым дежурством его снимать. На всякий случай, – он улыбнулся. – Я ведь знал, что нам не стоит бояться повторного нападения.

Из недр «Демона» послышался яростный грохот – Оливейра пытался открыть люк. Но труп Мигоян прочно заблокировал выход.

Аким покачал головой.

– Я думал, вы здесь родились. Как это житель Людвигсхафена ухитряется работать на Марика? – Он знал, что должен выиграть время. В подобной ситуации важна была каждая секунда.

– О, я в самом деле родился на Людвигсхафене. А вот мои родители – нет. Они переселились сюда из Лиги Свободных Миров и позаботились о том, чтобы я знал, какому из государств-наследников должна принадлежать моя верность. Хм, бортовой компьютер «Канги»... Умно, признаю. Я бы не додумался, – он уважительно кивнул.

– Признаться, я бы тоже, – ответил Аким, немного склонив голову. – Эта замечательная идея принадлежит моей коллеге Масако.

– Впечатляет. И где этот компьютер сейчас? Вы же понимаете, что я весьма заинтересован в том, чтобы получить его для САФЕ.

– Естественно, – Аким кивнул, – И вы, конечно, понимаете, что хрен я вам отвечу.

Де Конинг с сожалением поднял оружие.

– Что ж, приятно было с вами поболтать, но боюсь, что нам пора прощаться.

– Вас не волнует, что в мертвом виде я вам ничего не смогу рассказать? – спросил Аким своего собеседника.

Тот пожал плечами.

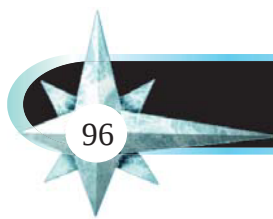
– Вы знаете... Во-первых, я так или иначе должен вас прикончить, чтобы вы меня не сдали. Ничего личного, поверьте. Во-вторых, будет гораздо приятнее разговорить вашу подружку, – он ухмыльнулся.

Аким задумчиво кивнул.

– Я полагаю, нет никакого смысла обращаться к вам с затертой фразой вроде «Обернитесь-ка назад»?

– Вряд ли, – Ханне прицелился.

В полутьме ангара блеснул луч лазера.

Глава 28

Тупан, Мэгон

Провинция Ковентри, протекторат Донегол

Лиранское Содружество

16 ноября 2838 года

– Я хочу получить эксклюзивные права на эту историю, – Хельмер Маккензи устроился поудобнее на диване и поболтал кубиками льда в своём бокале с виски. Гарри Краузе вместе с Антонеллой сидел напротив него с раздраженным видом и изучал высокого диктора. Ему не понравилось уже то, что Антонелла вернулась домой в шесть утра, хотя он и понимал, что у него нет на неё никаких прав. Кроме того, прошлым вечером Антонелла ему, конечно, рассказала, что у Маккензи есть действующий доступ в систему ВР, который позволяет выключить тревогу в резиденции Делкорда. Однако тот факт, что этого человека, несмотря ни на что, пришлось в столь поздний час пригласить в квартиру и посвятить в их работу в качестве агентов ЛРК, не нравился ему точно так же, как и его молодой коллеге.

Так или иначе, но Маккензи показал себя настоящим патриотом и, убедившись в подлинности обоих агентов, согласился сохранять тайну и помогать им всеми силами, чтобы положить конец спровоцированному Делкордом и его секретным оружием кризису. Предполагая, что как минимум в этом смысле все улажено, Гарри расслабился и налил всем виски, чтобы отпраздновать это событие. А теперь такое...

– Никакой истории не будет, – заявил он. – Мы находимся здесь для того, чтобы прикрыть всё это дело без лишнего шума. И уж, конечно же, мы не позволим, чтобы в масс-медиа распространились истории про то, как ЛРК действовал против лиранского герцога.

– До этого я и сам додумался, – парировал Маккензи. – Но в этом деле, конечно же, имеются аспекты, которые сгодятся для материала. Мне же не нужна вся правда. Я уже сказал, что целиком и полностью нахожусь на вашей стороне. Но Делкорд, в конце концов, наломал дров не только в военном отношении. Как насчет полнейшего освобождения нашей экономической системы от какой-либо социальной ответственности? А эвакуация вполне жизнеспособных колоний? Я думаю, это тоже должно быть поставлено на верные рельсы – при этом ответственных следует наказать. Вот на эту историю я и хочу получить эксклюзивные права.

Гарри оглянулся на свою «дочь», которая развела руками и пожала плечами.

– Вы что, недостаточно получили ещё «вознаграждения»? – спросил он диктора, склонив голову набок.

Тот со скрежетом отставил стакан.

– Вы оскорбляете меня. И, что еще хуже – вы оскорбляете юную даму, сидящую рядом с вами. То, что произошло между нами, не имеет никакого отношения к этому делу. Это личные отношения двух взрослых, отвечающих за свои поступки людей и у меня сложилось стойкое впечатление, что они сложились к обоюдному удовольствию, – он взглянул на Антонеллу, которая в ответ склонила голову и утвердительно улыбнулась. – Я также не возражал бы против ответного матча, если он желателен.

Маккензи снова поднял стакан.

– Проблема с кодом доступа совершенно иная. Я уже сказал вам – можете на меня рассчитывать. Я готов передать вам код и я также помогу Джой попасть в резиденцию нашего «любимого» архонета, взяв её в воскресенье с собой на интервью в качестве своей ассистентки, – он сделал глоток виски и посмаковал ароматный напиток.

Настроение Гарри несколько улучшилось – хотя и не слишком. Ему неприятно было осоз-

нать, что он ревновал журналиста – до сих пор он полагал, что стоит выше этого чувства. Особенно в отношении коллеги, с которой не поддерживал интимных отношений. Он задался вопросом: направлено ли его раздражение в самом деле против Маккензи или против себя самого.

– Но вы также должны признать, что я также приношу большую жертву, за которую, по справедливости, имею право ожидать вознаграждения, – продолжил пояснения диктор УЛН. – Вы же не можете всерьез надеяться, что мой код доступа останется действительным после того, как вы используете его для неавторизованного вмешательства в систему? Получить его стоило мне значительных усилий и я приложил немалые старания для того, чтобы ВР не получила никакого серьёзного повода, чтобы его стереть. Я бы сказал, что за подобную жертву вполне могу рассчитывать на эксклюзивные права на те части истории с Делкордом, которые не касаются национальной безопасности.

Антонелла подалась вперед в своем кресле.

– Когда он ставит вопрос таким образом, я вынуждена с ним согласиться, Хэнк, – она взглянула ему в глаза. – Он заслужил вознаграждение. И пока речь не идет об оружии и о нашем задании...

Лицо Гарри помрачнело. Он не любил проигрывать в споре, но не мог не признать, что его аргументация была слаба. Наверное, будет лучше свести потери к минимуму и сдаться.

– Ну, хорошо. Но только в том, что касается экономики и эвакуации колоний, – он встал, чтобы принести из кухонной ниши еще орешков. – «Уорлд Линк Ньюс» получит эксклюзивные права.

– К черту УЛН! – прорычал Маккензи и опрокинул остатки виски в рот, после чего с грохотом поставил пустой стакан на стол. – Я хочу получить эксклюзивные права! Я не собираюсь делиться ими с каналом, который заставляет меня день за днем выставлять себя на посмешище в компании с едва похожей на человека надувной куклой! С этими правами я могу вернуться на «Антенну Донегол»!

Гарри моментально развернулся к бушующему гостю, а Антонелла уставилась на журналиста с неприкрытым изумлением. Впрочем, ненадолго – ее лицо осветила широкая улыбка.

– Я думала, УЛН платит втрое за десятую часть вашей прежней работы?

– Деньги – это ещё не всё, – пробормотал Хельмер Маккензи и грустно уставился на пустой стакан. – Человеку нужно признание коллег. Я просто хочу опять быть журналистом, а не говорящей марионеткой.

Антонелла сжалась над ним и долила виски в стакан.

– А ты не соскучишься по возможности оскорблять Сциллу?

Теперь её улыбка передалась Маккензи.

– Это единственное, о чем я буду жалеть, расставаясь с этой гусыней. Но я найду способ распрощаться с ней так, что она это на всю жизнь запомнит.

Гарри вернулся с большим пакетом соленых орешков и наполнил из него вазу, стоящую посреди стола.

– Ну, хорошо, – заявил он и сел. – Права получите *вы*, а не ваш канал. Где вы собираетесь публиковать эту историю – дело ваше. Кроме того, «Антенна Донегол» мне так или иначе больше нравится. Как минимум, с ними мы можем быть уверены, что там не раздуют никаких искусственных сенсаций, – он набрал горсть орехов, – Итак, теперь, когда мы снова нашли общий язык через отвращение к вашей коллеге, давайте поговорим о коде.

Маккензи удовлетворенно кивнул и бросил в рот пару орехов.

– Почему бы и нет? Четырнадцатизначный альфа-нумерический код – тем не менее, его достаточно несложно запомнить. Я вам придумаю удобную мнемоническую формулу.

Антонелла устроилась поудобнее в кресле со своим стаканом и с пригоршней орехов в руке и поджала ноги.

– Я надеюсь лишь, что уровень доступа достаточно высок, чтобы можно было выключить сигнализацию. Насколько я знаю, нам нужен уровень «желтый».

Маккензи отмахнулся.

– Мой код всего лишь зелёного уровня, но это не имеет значения. Вся система на самом деле ужасно проста, если разобраться. Я покажу тебе, как открыть любой нужный уровень, нужно только попасть внутрь, – он немного подумал. – Ну ладно, не любой. От красного я всегда держался подальше. Но до жёлтого ты доберешься без труда.

Гарри слушал все это со смешанными чувствами. С одной стороны, он был рад, что низкий уровень доступа Маккензи не помешает их намерениям, с другой же, как лиранский агент, он не мог радоваться тому, что важные военные секреты лиранских вооруженных сил так плохо защищены. Он решил передать эту информацию по начальству, когда их миссия будет завершена. Канцлер ЛРК найдет способ перекодировать базы данных ВР.

– Замечательно. Мы немного потренируемся и до воскресенья во всем разберемся. Нужно только придумать для меня такое занятие, которое позволит мне во время интервью ненадолго отлучиться, причем так, чтобы мое отсутствие не заметили. – Антонелла закрыла тему с кодом доступа и мысленно уже перешла к следующему пункту.

– Никаких проблем, дорогая моя, – успокоил ее Маккензи, – Ты пойдешь со мной в качестве ассистента-администратора. Замечательный титул. Я до сих пор не знаю, что он означает. Тебе нужно будет лишь немного побегать туда-сюда, словно испуганной курице – до тех пор, пока все не вздохнут облегченно, когда ты исчезнешь.

– Ага, понимаю. Мне придется сделать вид, будто я – Сцилла Сольвейг.

Маккензи в ответ громко захохотал и Гарри не впервые уже за этот вечер почувствовал себя пятым колесом в повозке. В докладах Антонеллы о работе на канале Сцилла Сольвейг упоминалась лишь вскользь, как неприятная помеха деятельности агента. Однако среди сотрудников она, похоже, играла куда более важную роль. Сам он знал ее лишь по новостным выпускам УЛН, где она производила хотя и несколько холодное, но ни в коем случае не неприятное впечатление. В какой-то мере она была даже симпатична. Гарри решил не делиться своими мыслями на этот счет ни с кем.

Глава 29

Планетарный гарнизон, Хельмштетт

Людвигсхафен

Провинция Ковентри, протекторат Донегол

Лиранское Содружество

13 ноября 2838 года

– Ну что, миленький, ты рад меня видеть? – спросила Масако Шлютер Акима Баликчи и перепроверила, мертв ли Ханне де Конинг в самом деле. Лазерный пистолет она спрятала обратно в боковой карман после того, как агент САФЕ рухнул на пол, как подкошенный. Голову она издевательски склонила набок.

– Будь уверена, – подтвердил он, опуская руки и растирая затекшие мускулы. – Без тебя мне пришлось бы полагаться на флягу в кармане в качестве бронежилета, – Аким устало улыбнулся и подошел к Патрику Шюрманну, всё ещё лежавшему без сознания на полу. Под его затылком собралась небольшая лужица крови.

– Против лазерного выстрела в голову она бы тебе точно не помогла, – прокомментировала Масако и встала над трупом де Конинга. – Какой у нас теперь расклад?

– Неважный, – ответил Аким. Он осторожно ощупал череп Шюрманна. – Ему срочно нужна медицинская помощь. У тебя коммуникатор с собой?

– А то как же, – подтвердила его коллега и нацепила на голову наушники с пристегнутым к ним микрофоном. – Масако Шлютер вызывает центр. Срочно пришлите медицинскую команду в танковый ангар. Тяжелая черепно-мозговая травма. Требуется помощь медтеха, – коммуникационный центр подтвердил прием и предупредил, что «Скорая» прибудет максимум через четыре минуты. Масако поблагодарила и отключилась. – Теперь говори быстро: что мы скажем медтеху?

– Естественно, правду. Офицер Мигоян, земля ей пухом, разоблачила агента Марика. Ханне де Конинг застрелил её, чтобы избежать ареста, и ударил Патрика о стальную балку так, что тот повредил себе голову. Потом появилась ты и прикончила его, прежде чем он успел пристрелить меня. Кстати, спасибо.

– Рада стараться. Даже если удовольствия мне это не принесло, – она оглянулась на де Конинга. Жар лазерного луча заставил немедленно закрыться кровяные сосуды в месте попадания, так что о том, что водителю танка уже ничто не поможет, говорила лишь черная дырка в затылке, – Я предположила, что могу тебе здесь понадобится, когда увидела, как Мигоян отправилась к ангару. Правда, я немного задержалась, потому что пистолет остался в квартире. Пришлось сначала вернуться и забрать его.

– Мудрое решение, – подтвердил Аким и поцеловал Масако в лоб.

Она приняла поцелуй, как выражение благодарности.

– А куда подевался Оливейра?

– Здесь, внутри – проскрипел из внешнего динамика «Демона» голос связиста. – Что-то заблокировало люк. Я не могу выбраться.

– Это Мигоян. Её труп лежит прямо на башне. Секундочку, – оба агента двинулись к танку. Масако бросила на коллегу вопросительный взгляд.

– Я не всё догнала, что тут творилось, но судя по тому, что говорил Ханне под конец – он собирался меня разговорить. Это что, уже не секрет, кто мы такие?

– Нет, – тихо признался Аким, – Хорхе и Патрик все слышали. Насчет Патрика не уверен, вспомнит ли он, что слышал, если очнется, а вот Хорхе...

Она поджала губы и взялась вместе с ним за труп Мигоян, чтобы стащить его с люка. Они пронесли офицера ВР полпути к выходу из ангара, когда в него вбежали два медтеха. Один из них подскочил к электрошлиту и стал открывать ворота, чтобы карета «Скорой помощи» могла въехать внутрь, другой подошел к Аким с Масако. Девушка отпустила ноги Мигоян и указала на Патрика.

– Вон там. Этим двоим уже не поможешь.

Тех кивнул и кинулся к бортстрелку.

Она вновь ухватила за ноги Мигоян.

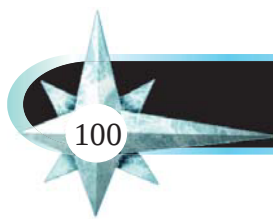
– Кстати, а почему Хорхе до сих пор не поднял тревогу?

– Ханне вывел из строя передатчик. На случай, если его разоблачат. Не так уж глупо.

За их спинами заскрежетал люк и над башней показалась светловолосая голова Оливейры.

– Боже великий, что за бойня, – прокомментировал он, выбрался из танка и подошел к агентам. – Ханне, а? Кто бы мог подумать... – связист покачал головой. – Я, кстати, уже держал палец на спуске среднего лазера. Если бы вы не появились, я бы его прикончил, – он помедлил, – Я стрелял из этой штуки и раньше, но снайпер из меня никакой, а средний лазер в ангаре...

Аким передернулся.

– Я просто счастлив, что тебе не пришлось этого делать. Хотя мне, конечно, было бы лучше иметь хоть малейший шанс на выживание, чем верную дырку в голове, – он взглянул на солдата. Масако тоже.

Какой-то момент Хорхе безмолвно отвечал на их взгляды, потом сказал:

– Не беспокойтесь, я вас не сдам. Я подписывал присягу дому Штайнера, а не дому Делкорда. И мне всегда хотелось разок спасти Содружество, – он ухмыльнулся. – А что нам делать теперь?

– Для начала – оттащим Мигоян и Ханне к стене, чтобы их не переехали, – решил Аким.

Втроем у них лучше получилось перенести трупы. Масако была рада, что оба были застрелены из лазера, так что они могли не опасаться вымазаться в крови.

– А теперь, когда нас некоторое время наверняка никто не подслушает, давайте договоримся о том, что доложим гауптману Десото. Подозреваю, что он в любую секунду может появиться здесь.

– Агент САФЕ, прямо в гарнизоне, причем он тут торчал несколько недель! Да уж, Мигоян это явно не делает чести. За такие вещи её могли разжаловать. Однако смерть – слишком тяжелое наказание даже для подобного, – гауптман Десото покачал головой и захлопнул компблок. Он смерил Масако долгим взглядом.

Она спокойно и уверенно встретила с ним глазами. Если он пытался её запугать – то обратился не по адресу, а благодаря симитированной любовной связи с Акимом, ей не пришлось больше разыгрывать тяжелую психическую травму.

– Похоже, я должен вас поблагодарить. Кто знает, что ещё натворил бы де Конинг, если бы вы не сорвали его планы в нужный момент. Так что спасибо. И чтобы вы поняли, что я это всерьез – зайдите попозже в канцелярию и заберите ваши новые погоны, оберлейтенант Шлютер.

Ему все-таки удалось удивить Масако. На продвижение по службе у Делкорда она не рассчитывала – тем более, во время несения гарнизонной службы. Однако, если разобраться, решение гауптмана было логичным. Ранг лейтенанта считался необходимым для тех офицеров, которые должны были ещё доказать свою профессиональную пригодность – по крайней мере, так было заведено в ЛВС. А уничтожение вражеского шпиона, имеющего на совести два убийства, явно служило таким доказательством. Она мысленно проговорила свое новое звание: оберлейтенант Шлютер. Ей понравилось. Прежде всего потому, что со шпалами оберлейтенанта поверх лейтенантских стрелок она обладала более высоким рангом, чем Аким. Масако невольно ухмыльнулась, представляя себе реакцию последнего – даже, если он, в принципе, был согласен с этим повышением.

– Эээ... спасибо, господин гауптман.

– Вы это заслужили, Шлютер. У вас есть все предпосылки, чтобы сделать блестящую карьеру. Я подам рапорт, чтобы вас перевели на Мэгон. Это даст вам возможность роста большую, чем здесь, в людвигсхафенском гарнизоне. Естественно, вместе с вашим партнером, – успокаивающе добавил Десото.

– Очень мило с вашей стороны, господин гауптман, – ещё раз поблагодарила Масако. Она лишь надеялась, что этот перевод не произойдет слишком быстро – до сих пор они не получили подтверждение от Черногоубого о том, что техи на «Звёздной Пыли» разгадали секрет «эффекта Альбатроса». До утра понедельника на это можно было даже не рассчитывать.

Десото поставил локоть левой руки на стол и оперся о ладонь подбородком.

– Нам только нужно найти для вас новый пост. Каждый раз, когда у вас в руках оказывается оружие, вокруг вас громоздятся трупы или раненые. Собственно, мне нравится подобное в солдате, но вы явно преувеличиваете, Шлютер.

Масако смущенно пожала плечами.

– «Демону», на котором служит ваш партнер, требуются двое новых членов экипажа. У стрелка Шюрманна, согласно предварительному докладу наших медтехов, обнаружили пролом черепной коробки, так что он выбыл из строя, как минимум, на несколько недель, – она вопросительно взглянула на командира. – Нет, об этом даже не заикайтесь. К орудиям я вас

второй раз ни в коем случае не приставлю. Мне нужен мирный гарнизон на этой планете: мы здесь ради того, чтобы нести мир. Вы возьмёте на себя обязанности командира. Баликчи уже на «Канге» продемонстрировал, что в состоянии справиться с обязанностями водителя под вашей командой, даже если ваша прогулка говорит скорее не в его пользу.

Она собралась было возразить, но гауптман отмахнулся.

– Ладно-ладно, я знаю – это не его ошибка. Прыгающий танк просто не был готов к употреблению. Я боюсь представить, в каком состоянии находится «Канга», которую они оставили в Семиречье, – он содрогнулся. – От ремонтников что-нибудь слышно?

Масако покачала головой.

– Нет, техи в увольнении на выходные дни. Они сильно перенервничали из-за этого дела. Мне уже жаль, что я на них так наорала.

– Глупости, – Десото решительно взмахнул рукой. – Тех, который выпускает из ангара машину с такими повреждениями, заслуживает кое-чего большего, чем пара нецензурных эпитетов. Ладно, неважно. О прыгающем танке можете спокойно забыть. Мы все равно должны на следующей неделе отослать звено танков с «Зет-четыре» обратно на Мэгон, вашего «Демона» в том числе. До тех пор вы просуществоете без стрелка, не так ли? Просто покатайтесь пару раз по окрестностям до погрузки – звучит неплохо, а? Только вы должны мне поклясться, что даже не взглянете в сторону оружейного пульта!

Масако возложила ладонь на левую грудь и подняла другую руку для присяги.

– Клянусь, господин гауптман!

– Договорились. Кру-гом марш!

Глава 30

Тупан, Мэгон

Провинция Ковентри, протекторат Донегол

Лиранское Содружество

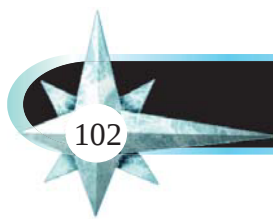
19 ноября 2838 года

– Джой, вы не знаете, где Хельмер держит материалы к запланированному интервью с герцогом Кристианом?

Антонелла Зонненшайн вопросительно взглянула со своего рабочего места на Сюзанну Келлинг, которая обернулась к ней явно в ожидании ответа.

– Вроде знаю, а что?

На самом деле, она точно знала, где лежат записанные Маккензи вопросы к Делкорду, так как помогала ему их готовить. Они были сознательно построены таким образом, чтобы дать ей достаточно времени, чтобы после сравнительно безобидного начала интервью хорошенько осмотреться в герцогской резиденции. Однако, конечно же, имелась и другая, несколько измененная редакция – на тот случай, если секретариат архонета затребует предварительный спи-

сок тем. Изменения не были принципиальными, но чуть смягченные формулировки отвлекали внимание от скрытых буквально в каждом вопросе «подводных мин». Хельмер и Антонелла провели пару замечательных вечеров, работая над интервью. Теперь ей нужно было понять, какой именно вариант требуется ее начальнице.

– Хельмер вышел из строя. Только что звонили из районной больницы. Он ухитрился поскользнуться на куске мыла и сломал себе лодыжку. До воскресенья оправиться не успеет. Интервью проведет Сцилла, – последнюю фразу она буквально прошипела и Антонелла могла её понять. Не говоря уже о том, чем было это известие для ее планов, для УЛН оно означало очередное падение зрительского рейтинга. Хельмер обещал в качестве интервьюера настоящее журналистское пиршество для ума, острую полемику. Сцилла Сольвейг, напротив, была известна тем, что буквально молилась на каждого чиновника и представителя власти, и было с самого начала ясно, что в интервью с планетарным герцогом и архонетом с ее губ не слетит ни единого вопроса, хотя бы отдаленно напоминавшего критику. По сути, это будет час выброшенного на ветер эфирного времени. Общий стон, которым встретил личный состав редакции сообщение Келлинг, доказывал, что этого мнения придерживалась не одна Антонелла.

– Почему бы нам не попросить его вместо интервью прочесть речь? – предложил со своего места Альберт Гриметт. – Тогда был бы хотя бы шанс, что он ляпнет что-нибудь эдакое или проболтается. Во всяком случае, скучнее, чем интервью с Харибдой, это не прозвучит, – он задумался. – Ладно, дай-ка мне вопросы. Я пожертвую собой ради блага зрителей.

– Благодарю, но нет, – отказалась Келлинг. – Ты опять погонишься за дешёвыми эффектами и это будет стоить нам лицензии. Уж лучше поскучать часок. Джой?

Гриметт оскорбленно засопел и отвернулся.

– Да, конечно. Минуточку, – ответила Антонелла и ненадолго задумалась. В конце концов, она решила, что стоит хотя бы попытаться. Она взяла распечатку подготовленных вопросов и встала. – И где же наша суперзвезда?

– В примерке. Прихорашивается к дневному выпуску.

– Не может быть. Я не видела, чтобы мимо проходил хоть один штукатур, – заметила одна из журналисток, вызвав общий смех.

– Как бы там ни было, – заключила Сюзанна Келлинг, – иди к ней и не забудь постучать.

– Не беспокойтесь, – сказала Антонелла. – Я не окаменею при виде ее настоящего лица.

Она отправилась в примерную Сциллы Сольвейг. Вообще-то, это была общая комната для обоих дикторов, но Сцилла, словно это само собой разумелось, оккупировала ее полностью, а Хельмер не возражал. Он предпочитал гримироваться поблизости от редакционного помещения, когда был на месте.

Прежде, чем постучать в дверь примерной, Антонелла подобралась. Ей выпадали задания и похуже.

– Мадам Сольвейг?

– *Мадмуазель* Сольвейг, – послышался высокомерный голос из-за двери. – Я не замужем.

Прелестно, – подумала Антонелла. – *Не успела зайти – а та уже выпускает когти*. Она могла себе представить, что дама, подобная Сцилле Сольвейг, пребывает в уверенности, что только брак делает существо женского пола женщиной. Она сжала зубы и открыла дверь.

– Меня прислала госпожа Келлинг с материалами...

– Я разве сказала «войдите»? – прервала ее Сольвейг. Она сидела перед метровым зеркалом в зелёном шелковом кимоно, весьма подходящем по цвету к маске из авокадо на ее лице, и помахивала руками, – Что-то я не заметила. Вон отсюда и постучись еще раз. Просто позор, что у нас на работу берут людей, лишенных всяческих манер.

Просто замечательно. Антонелла буквально физически ощущала, как тает её терпение. Собрав остатки самообладания, она постучалась еще раз.

– Мадмуазель Сольвейг? Разрешите войти.

– Входите.

Антонелла открыла дверь, вошла в примерную и изобразила перед мадмуазель несколько

ироничный книксен. Ирония пропала зря: она лишь недоверчиво уставилась на то, как Сольвейг довольно улыбнулась.

– Вот так-то лучше. Чего тебе?

– Госпожа Келлинг прислала меня с вопросами к воскресному интервью с архонетом Делкордом. С господином Маккензи произошел несчастный случай и он не сможет его провести. Поэтому вас просят сделать это за него, – Антонелла протянула Сцилле многостраничную распечатку.

– Ну конечно же, я проведу интервью с нашим дорогим архонетом. Я так или иначе не могла понять, как подобное задание могло быть дано воинствующему анархисту вроде Маккензи. Что это? – спросила Сольвейг.

– Вопросы, милостивая государыня, – повторила Антонелла и приподняла стопку бумаг, – я сама помогала их составить. Господин Маккензи попросил меня в качестве ассистента-администратора...

– Ни в коем случае, – прервала её Сцилла, – Для столь важной беседы я отберу исключительно персонал, которому полностью доверяю – именно эти люди будут сопровождать меня в святой святых герцогской резиденции. А эту макулатуру можешь выбросить в ближайшее мусорное ведро. Могу себе представить, что за абсурдные вопросы собрался задавать дегенерат вроде Маккензи. Моё интервью я подготовлю сама, – она повернулась обратно к зеркалу и вновь сосредоточилась на своих ногтях.

Антонелла закрыла глаза, чтобы не сорваться и не свернуть Сцилле шею. Она сжала за спиной кулак на левой руке и медленно разжала его обратно.

– В чем дело? – неожиданно спросила Сольвейг. – Почему ты еще здесь? Ты мне не нужна, – она жестом указала на дверь.

Антонелла вдруг совершенно успокоилась. Она отвесила глубокий поклон и, пятясь, вышла в коридор. Каждый, кто знал ее – а на УЛН этим не мог похвастать никто – в этот момент, скорее всего, сбежал бы, куда глаза глядят, лишь бы не стать причиной ее жуткого спокойствия. Она стала неспешно обдумывать, каким именно образом Сцилла Сольвейг вынуждена будет расплатиться за свое поведение.

Она вернулась в редакцию и протянула распечатку Сюзанне Келлинг.

– Мадмуазель настаивает на том, чтобы подготовить интервью самостоятельно.

К небу вознесся многоголосый стон.

– Архонет Делкорд, как может один-единственный человек выдержать груз гениальности, подобный вашему? – просюсюкал Гриметт.

– Я знаю, – слабо кивнула Келлинг. – Но нашему владельцу она нравится.

– Кому Бог дает головид-канал, у того отнимает остатки вкуса.

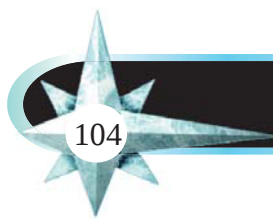
Антонелла подошла к Гриметту.

– Какая у нее вообще личная жизнь? Она в постели такой же сноб?

Репортер широко улыбнулся.

– Напротив. Когда речь идет о сексе, ни один мужчина не будет для нее достаточно грязной скотиной. Мы, здешние рабы на зарплате, слишком все воспитаны для нее в этом отношении. А что?

– Нет, ничего особенного. Просто интересно, – ответила Антонелла и скользнула на своё место.

Глава 31

Планетарный гарнизон, Хельмштетт

Людвигсхафен

Провинция Ковентри, протекторат Донегол

Лиранское Содружество

15 ноября 2838 года

Аким Баликчи сунул в рот жвачку и побрел по ангару. На сегодня заданий для «Демона» не планировалось, даже патруль отменили, так что времени у него было – хоть отбавляй. После уютного завтрака и сигаретки, выкуренной перед входом в столовую, он решил, что самое время заглянуть к Стефану Черногубому, узнать новости. Это задание редко приносило свободные дни, подобные сегодняшнему, так что он собирался насладиться им сполна. К обеду он договорился встретиться с Масако и Хорхе Оливейрой в одном из ресторанов в городе, потом они собирались вместе отправиться в «Аккордеон». Но сначала им нужно было убедиться, что их план использовать бортовой компьютер «Канги» для выяснения загадки «эффекта Альбатроса» удался.

Оба тега, сидящие на броне прыгающего танка, были заняты тем, что меняли крыло, поврежденное взрывом прыжковой дюзы. Найденный неделю назад агрегат – или, скорее, его почерневшие останки – стоял в паре метров от танка: похоже было, что никакой ремонт ему уже не поможет. Аким мог лишь надеяться, что результаты обследования компьютера стоили этих разрушений. В конце концов, машина отлично работала, пока ему не пришлось разбить её ради своих целей.

– Как делишки, товарищи? – спросил он, проверяя взглядом качество сварочного шва на новом крыле.

– А-а, господин Баликчи, – приветствовал его Черногубый и зевнул. – Прошу прощения.

– Тяжелая ночь?

– Вроде того, – кивнул тот. – Есть у вас минутка? Мне нужно вам срочно кое-что показать, – он указал на люк танка.

Акиму было ясно, что Стефан, скорее всего, просто не хотел быть случайно подслушанным. Это было добрым знаком и указывало на то, что обследование на «Звёздной Пыли» дало результаты. Он пропустил тега вперед и проследовал за ним в кабину «Канги».

– Пока нас не было, здесь кто-то побывал, – без предисловий начал разговор Черногубый. Он выглядел озабоченным. – Мы нанесли везде маркировку на подвижные части, чтобы иметь возможность обнаружить, если кто-то копался в «Канге», и кто-то явно был в кабине. Это может обернуться неприятностями, – он, казалось, был сбит с толку спокойствием Акима.

– Не переживайте, Стефан. Кризис уже миновал. Это была Мигоян, офицер разведки при Десото. Она в прошлую субботу покопалась в машине и прихватила нас на горячем. Но Ханне де Конинг спас ситуацию, застрелив её.

Черногубый ошарашенно выпучил глаза.

– Он был агентом САФЕ.

– Был?

– Был. Он этого тоже не пережил. Н-да, Стефан, пока вас не было, тут было довольно шумно. Масако – героиня гарнизона, потому что она спасла нас всех от злого-презлого саботажника Марика. А Мигоян забрала знания о компьютере «Канги» с собой на тот свет. Так что можете облегченно вздохнуть, – Аким сделал паузу. – Пока что. Конечно, мы не можем предугадать, когда кто-нибудь еще захочет покопаться в этой жестянке. Так что я надеюсь, что вы в состоя-

нии вернуть компьютер на место и запустить его, – на этой фразе он бросил на теха вопросительный взгляд.

Черногубый покачал головой.

– Скорее, нет. Теоретически это возможно, но тогда нам придется полностью сменить управление гироскопом, а у нас нет запчастей. Различия с мехкомпьютером тогда будут слишком велики. Похоже, мы можем этот танк просто списать. Так мы предотвратим, что кто-нибудь ещё сунет в него нос, – он уселся в командирское кресло. – Или же мы его можем отремонтировать до того момента, как ЛВС опять возьмет на себя командование. Тогда можно было бы его официально ввести в строй.

– Хм, – прикинул Аким, – нет, лучше не стоит, – он заметил взгляд теха и пояснил:

– Я прикидывал, нельзя ли «повесить» пропавший компьютер на де Конинга, чтобы спровоцировать небольшую панику в стане Делкорда – пусть подумают, что дом Марика добрался до тайны «эффекта Альбатроса». Но тогда вас с Чирчье в любом случае сочли бы за их сообщников, так как без вашей помощи такое дело бы никогда не получилось, – он покачал головой. – Нет, лучше будет, если мы этот танк спишем. Присмотрите за тем, чтобы лично получить задание разобрать его на части – чтоб никто не задавал неудобных вопросов. Как минимум, из компьютерной области, – поправился он, что, впрочем, не спасало обоих техов от неприятностей. В конце концов, именно они отвечали перед гауптманом Десото за сохранность прыгающего танка и потеря его должна была весьма неприятно отразиться на их личных делах. По крайней мере, до тех пор, пока ЛРК по окончании этой миссии не откорректирует записи.

Он пробрался к водительскому креслу, развернул его и тоже сел.

– Надеюсь, у вас есть и хорошие новости.

Лицо Черногубого прояснилось.

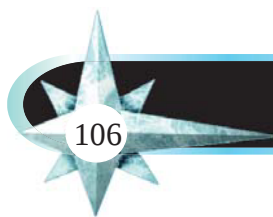
– Всенепременно. Мы разобрались, как действует «эффект Альбатроса». К сожалению, нам неизвестно, как предохранить мех от него. Поэтому я такой усталый. Мы до поздней ночи возились с компьютером, а утром я уже был в Хельмштетте. Это в самом деле компьютерный вирус. Он проникает через сенсоры и сразу накидывается на управление гироскопом. Проблема в том, что он настолько перегружает эту систему, что она просто разваливается. Все узлы AL2200, вошедшие с ним в контакт, попросту расплавились. Поэтому серийные антивирусы бортовых компьютеров с этим хищником не справляются. Им удаётся уничтожить «вирус Альбатроса», но сначала он успевает сделать свою работу и расплавить узлы бортового компьютера. Причем так основательно, что даже частичная перезагрузка или даже переход на резервную систему не помогают. Пораженный мех оказывается недееспособен – по крайней мере, без полной замены всей системы управления.

Аким глубоко вздохнул. Это была не лучшая новость. До сих пор он исходил из того, что можно будет разработать противоядие против «эффекта Альбатроса», проанализировав его действие. Он подозревал это потому, что люди Делкорда всегда торопились уничтожить зараженные мехкомпьютеры. Однако то, о чем ему доложил Черногубый, не слишком обнадеживало. Если не получится удавить опасность в зародыше, это может означать конец эпохи мехов. Его миссия обрела неожиданно новое, куда более серьезное значение. Он принял решение.

– Об этом должны узнать в Центре. А компьютер нужно переправить в главную лабораторию на Таркаде. Мы с Масако узнали в воскресенье, что нас через пару дней переведут на Мэгон. Так что наша работа на Людвигсхафене завершена. Я попрошу агента Мальм вызвать прыжковый корабль, чтобы забрать «Звездную Пыль». Если удастся устроить здешним следящим системам блэк-аут, у посадочного корабля будет шанс незаметно стартовать, но вы должны успеть до того обратно на борт. Если нужно – организуйте несчастный случай, который полностью уничтожит «Кангу», и изобразите собственную смерть, чтобы убраться отсюда. Справитесь?

Это был риторический вопрос. Если Черногубый и его коллега Черчье не были в состоянии убедительно симулировать свою гибель в катастрофе – значит, они были не на своем месте в ЛРК. Как и ожидалось, тех успокоил его, заявив, что не видит во всем этом никаких проблем.

– Вам «Звездная Пыль» больше не потребуется?

Аким отрицательно качнул головой.

– Во всяком случае, не на Людвигсхафене. Сейчас гораздо важнее, чтобы вы с компьютером «Канги» как можно скорее попали на Таркад. Предполагаю, что через пару недель нам понадобится кто-нибудь, кто заберет нас с Мэгона, но до тех пор мы что-нибудь придумаем, – он встал и похлопал теа по плечу. – Вы хорошо поработали. Хотя я и надеялся на другой результат.

– Могу себе представить, – ответил Черногубый. – Я тоже надеялся найти противоядие, но играть приходится теми картами, которые сданы.

Глава 32

Тупан, Мэгон

Провинция Ковентри, протекторат Донегол

Лиранское Содружество

1 ноября 2838 года

– Потрясающего успеха вашей экономической политики невозможно не заметить, ваше сиятельство. Предполагали ли вы столь быстрый подъем? – голос Сциллы Сольвейг был наполнен слащавой почтительностью, которая заставляла даже Гарри сообразить, что к журналистике её интервью не имеет ни малейшего отношения. Понятно было, что этот разговор является сплошным поклонением герцогу.

Антонелла сидела рядом с ним на диване с миной отвращения на лице и качала головой. Заметив взгляд коллеги, она засунула палец в рот и издала несколько полузадушенных звуков, словно её тошнило.

– Не получи Хельмер приступ бешенства после того как услышал, что вместо него на интервью пойдет Сцилла, и не будь у него сломана лодыжка – сейчас бы он бегал по стенам. Слава Богу, что он этого не видит, – Гарри вопросительно задрал брови и она пояснила, что имеет в виду. – Он вышвырнул свой головид из окна на улицу. Это принесло ему дополнительно повреждение позвоночника. Теперь он должен валяться лишние две недели, – девушка злобно зарычала.

– Безнадёга, – подтвердил Джим Фитцпатрик из кухонной ниши, где наливал себе чашку кофе. Шеф отдела безопасности пришел незадолго до начала передачи, чтобы подбодрить Антонеллу и Гарри, загрустивших из-за упущенной возможности, и подумать вместе с ними, как бы все-таки попасть в герцогскую резиденцию. – Я надеялся, она задаст хотя бы один-два критических вопроса, но то, что она устроила, настолько уныло, что у меня от зевоты скоро рот порвется, – он вернулся в гостиную и сел в свободное кресло. – Нам обязательно дальше глядеть на эту тягомотину?

– Нет, – решил Гарри и выключил головид. Воцарившаяся тишина доставляла физическое удовольствие. После бездарного балагана на экране он понял, почему Антонелла питает к Сцилле такое отвращение. Однако, его удивляло, что его коллега до сих пор не проронила в её

сторону ни единого дурного слова, за исключением обоснованной критики по поводу ее стиля работы. Это его несколько обескураживало.

– И что теперь?– спросил Фитцпатрик, – Насколько я понимаю, пришло время для плана «Б».

– Пожалуй, для плана «Б» и в самом деле пришло бы время, если бы он у нас был, – согласилась Антонелла, – но до сих пор мы ничего такого не придумали. Похоже, стареем и выработали ресурс. У вас есть идеи? – спросила она куда более пожилого разведчика.

Тот улыбнулся её шутке и глотнул горячего кофе.

– Ну, – ответил он, – лучшая возможность попасть в резиденцию – это, конечно же, прием под открытым небом, который состоится в четверг. Но он только для приглашенных и если у вас нет приглашения... – он поджал губы.

– Прием? Какой прием? – спросил Гарри.

Антонелла пожала плечами.

Фитцпатрик казался удивленным.

– Конечно же, посвященный годовщине возведения Делкорда в ранг архонета. Вы об этом не знали? А как вы думаете, зачем тогда «Уорлд Линк» выдает в эфир часовое интервью? Оно знаете ли, не слишком повышает рейтинг.

Тем более, если его ведет Сцилла Сольвейг, – подумал Гарри, признаваясь себе, что был удивлен, почему канал ради этого интервью перенес одну из своих наиболее успешных передач, документальный сериал «Терра-2019». Он повернулся к Антонелле.

Та беспомощно развела руками.

– Я знала, что для интервью есть повод, но о приеме ничего не слыхала. Только насчет гала-концерта в следующую субботу, но нам он не интересен – его проводят не в резиденции.

Фитцпатрик кивнул.

– Верно, на этот раз вокруг приема шума не делали. Я тоже узнал о нем от коллег из ВР, которые будут его охранять. Прессу не приглашали. Полагаю, слишком многие важные гости жаловались на поднятый в прошлом году шум, так что теперь они хотят остаться подальше от камер. Для герцога это – одна из возможностей окружить себя капитанами бизнеса, он это любит.

– Да уж, мы за таких не сойдем. Да и поздновато уже выбивать себе приглашения, – заметил Гарри, однако Антонелла, похоже, была другого мнения.

– Вы говорите, бизнесмены? А в их числе может оказаться, скажем, фабрикант бытовой техники? – Гарри поднял глаза. Об Алеке Розене он попросту не подумал. А ведь даже кухонная ниша их квартиры была оборудована приборами именно его фирмы.

– Один или два обязательно. Дайте подумать, – Фитцпатрик наморщил лоб и поджал губы,

– Фред Аэгард, шеф компании «Куттнер», и Алек Розен, владелец «Кукенкнехт». А что?

– О, у нас есть пара контактов в этой области, – улыбнулся ему Гарри. – Кто из нас позвонит, Джой? – спросил он свою коллегу.

– Не беспокойтесь, Фрэнк. Конечно же, ваша дочь может сопровождать меня. Я представлю её, как свою кузину, которая как раз приехала в гости и не желает пропускать такой возможности. Не знаю, поверят ли мне, но Делкорд слишком вежлив, чтобы задавать вопросы.

Гарри понимал, что ему хочет сказать Алек Розен, и на лице Антонеллы также было написано, что она это тоже сообразила. Но она пожала плечами и он кивнул в камеру.

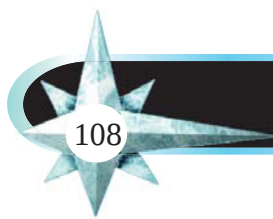
– Замечательно. Следует ли ей соблюдать какой-либо дресс-код?

Розен задумался.

– Вообще-то, нет. Это малый прием, неофициальный. Конечно, ничего особо вызывающего, но простого летнего платья будет достаточно – можно ориентироваться по погоде. Я и сам не так уж хорошо в этом разбираюсь, но спрошу у дочери, она примерно того же возраста, что и Джой. Если хотите, я вам быстренько пришлю одежду, которую она выберет.

– Антонелла кивнула и подошла к видеофону.

– С удовольствием. Ваша дочь тоже придет? – хотя из разговоров с Розеном агенты знали, что у него есть два сына и дочь, но никогда их не видели.

– Нет, она такие сборища терпеть не может. Элла предпочитает развлекаться с собственными друзьями, – бизнесмен улыбнулся. – Не могу ее в этом обвинять. Куча старых маразматиков, бормочущих о капиталовложениях и процентных ставках – не совсем подходящая компания для девушки её возраста. Откровенно говоря, я тоже могу себе представить куда более приятное времяпрепровождение, но мое положение влечет за собой кое-какие обязанности, – он впросительном взгляде на неё. – Позвольте вопрос Джой: а вы-то там что забыли? Я уже сейчас могу предсказать, что тамошние разговорчики вгонят вас в ступор.

– Я веду журналистское расследование и хочу кое-что узнать на этом приеме, – пояснила Антонелла, – вы же знаете, я работаю на «Уорлд Линк Ньюс» и недавно получила информацию, которую хотела бы раскрыть самостоятельно, не докладывая по начальству. Может, тогда я стану настоящим репортером, а не девочкой на побегушках, – она улыбнулась.

– Я не уверен, что с такими представлениями вы сделаете карьеру в УЛН, – возразил Розен. – Я как раз смотрю это «интервью» вашей коллеги с нашим герцогом и у меня не складывается впечатление, что ваш канал интересуется журналистикой, – он взглянул в сторону и покачал головой, потом нахмурился. – Но если вы желаете провести ваше расследование в резиденции, то я полагаю, вам придется на какое-то время исчезнуть? Могут возникнуть осложнения.

Гарри его успокоил.

– Не волнуйтесь, Алек. Джой постарается не создавать вам проблем.

Девушка кивнула, подтверждая.

– Вы меня не поняли, – отмахнулся промышленник. – Я не о себе. Я – руководитель крупного концерна. Скорее всего, я могу взять с собой дробовик и поохотиться на домашних животных Делкорда – и худшим, что приключилось бы со мной после этого, был бы денежный штраф. Но у Джой могут быть неприятности, если её застукают где-нибудь, где ей быть не положено. Конечно, я вам готов помочь, но...

– Благодарю, Алек, но я уверена, что не попадусь.

Гарри согласно кивнул, не упоминая о коде доступа ВР.

– Надеюсь, вы правы. По крайней мере, я вас не выдам. А теперь разрешите откланяться – я должен вернуться к семье. Мы поговорим еще о деталях. Рад буду увидаться, – старик отключился, а Гарри повернулся к Антонелле и Джиму Фитцпатрику.

– Так. С этим разобрались, – довольно заявил тот, – теперь, когда у вас есть код доступа, вам нужно только постараться ни на кого в резиденции не наткнуться. Сигнализацию вы можете отключить с любого компьютерного терминала в пределах территории дворца, – он помедлил. – Советую использовать компьютер в одном из рабочих кабинетов. В караульную вы вряд ли сможете пробраться. Любые включения в систему можно стереть из памяти – таким образом вы можете уменьшить риск того, что вашу работу обнаружат.

– Хороший совет, – подтвердил Гарри. – Спасибо, Джим. Это как раз такие подробности, которые определяют разницу между успехом и провалом, – он повернулся к спальне, – Тогда я сейчас распакую мини-камеры, которые Джой сегодня утром принесла обратно.

– Не нужно, – остановила его Антонелла, – Они мне больше не понадобятся, – она улыбнулась, словно вспомнила особо смешную шутку.

Гарри удивился. В пятницу вечером Антонелла срочно заказала аппаратуру наблюдения у агента Нойманна и отправилась с ней в субботу в студию. Резидент недавно вернулся на Мэгон и сообщил агентам о состоянии дел на Людвигсхафене на момент его отлета. Особенно им понравилось, что оружие Делкорда теперь называется «эффектом Альбатроса». Антонелла чувствовала себя весьма польщенной. Ни Гарри, ни Нойманн не спрашивал ее, зачем ей понадобилось оборудование – они полагали, что их коллега знает, что делает. Однако теперь Гарри начал подозревать, что к их миссии это не имеет отношения. Он впросительном взгляде на Антонеллу.

Она только ухмыльнулась и промолчала. В конце концов, он пожал плечами и снова сел. Джим Фитцпатрик перевел взгляд с одного агента ЛРК на другого, после чего вновь принялся за свой кофе. Он взглянул на часы.

– О! Через полчаса на «Антенне Донегол» начинается «Политмонитор». Хочу посмотреть. Вы не против, если я вас сейчас покину?

– Конечно, нет, – улыбнулся Гарри, – Хотя вы можете посмотреть его и здесь. Но дома, конечно, можно устроиться поудобнее, – он встал, чтобы проводить Фитцпатрика к двери.

– Сегодня вечером на УЛН будет очень интересная ночная программа, если вам вдруг захочется посмотреть что-нибудь другое, кроме политики, – заявила с дивана Антонелла. – Особое дополнение к интервью Сциллы. Стоит взглянуть, – она повернулась к головиду и расхохоталась.

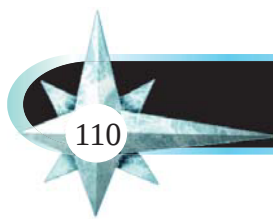
Глава 33

*Посадочный корабль «Голубь Свободы»
Зенитная прыжковая точка, система Оратон
Провинция Ковентри, протекторат Донегол
Лиранское Содружество
30 ноября 2838 года*

– Ты, конечно, можешь не отвечать, если не хочешь, но мне в самом деле интересно – как ты вообще туда попала? – спросил Хорхе Оливейра.

Масако Шлютер сидела вместе со светловолосым связистом и Акимом в столовой «Голубя Свободы». Три танкиста как раз закончили обед и теперь наслаждались чаепитием – так же, как и остальные экипажи вокруг, даже если напитки в пластиковых колбах, необходимых для удержания жидкости в условиях невесомости, разлились между собой. Посадочный корабль класса «Газель» перевозил в общей сложности десять танков обратно на Мэгон, причем три из них он погрузил на Людвигсхафене – последней промежуточной остановке на своем пути. Их прибытие намечалось на четвертое декабря – особенно короткий перелет для экипажа «Демона» – это стало возможным, потому что прыжковый корабль класса «Мэрчант», транспортирующий «Голубя Свободы», не стал использовать обычный маршрут через Гатино. Вместо этого они сделали промежуточную остановку в необитаемой системе Оратон, чье солнце относилось к классу В0 и могло зарядить двигатель Керни-Футиды в кратчайший срок. Собственно, батареи были к этому моменту уже полны и команда прыжкового корабля занималась свертыванием километрового солнечного паруса. Прыжок в систему Мэгона был назначен на 14:00, так что у них был еще примерно час.

– Я, к примеру, стал танкистом в силу семейной традиции, – продолжил Хорхе, когда Масако замешкалась с ответом. – У меня еще есть старший брат и две младшие сестры. Старший или старшая в нашей семье становится мехвоином, а следующий – танкистом. Или так, или оба делаются космонавтами. Но космических кораблей осталось не так уж много, так что этот путь для нас был закрыт, – он подтолкнул Акима локтем, увидев, что тот скривился. Полет на военном корабле опять негативно отразился на нем, что на этот раз непосредственно сказалось

на Масако – в качестве «пары» они получили общую каюту.

Она, правда, могла поменяться с Хорхе, у которого была одиночная каюта, так как их «Демону» не доставало стрелка, но в условиях тесного сосуществования на борту «Газели» это вызвало бы пересуды, чего все трое хотели бы избежать. Кроме того, она и Аким привыкли жить вместе еще на Людвигсхафене. Однако если на планете Аким спал очень спокойно, на корабле он пробуждался два-три раза за ночь и если бы она не помогала ему каждый вечер перед сном расслабляющими упражнениями – скорее всего, он бы вообще не смог уснуть.

– Со мной то же самое, – заявила Масако, понимая, что вопрос Хорхе не относился к какой-либо военной карьере, а затрагивал ее службу в Лиранском Разведывательном Корпусе, – Как-то так получилось, что у нас, Шлютеров, всегда был особый талант к этой работе. У меня в этом «роде войск»... дай подумать... пятеро родственников.

Особое ударение, которое она сделала на «роде войск», было едва уловимо, но выражение лица Хорхе показало ей, что он всё понял правильно.

– У меня даже есть племянница, которой едва исполнилось тринадцать лет, а она уже приступила к обучению.

Связист удивленно поднял брови и даже Аким качнул головой, хотя Масако уже успела ранее поведать ему о красоте Акико. Но она и сама изумлялась, с какой настойчивостью и целеустремленностью эта юная девушка стремилась стать агентом ЛРК. Масако не сомневалась, что когда-нибудь ее племянница будет одной из лучших в своей профессии, даже если за пределами Службы её имя не будет никому известно. Такова судьба секретных агентов.

– Типичной карьеры не бывает, – пояснил Аким. – и карьера Масако на самом деле весьма необычна. Как минимум, насколько я могу судить, – этим он хотел подбодрить танкиста.

Хорхе еще на Людвигсхафене заявил, что хотел бы попробовать себя в рядах ЛРК и после того, как после тщательной проверки агент Мальм дала его бумагам зеленый свет, Аким и Масако стали для него кем-то вроде менторов. Был ли у него шанс в самом деле попасть в ряды Службы – естественно, должны были решать другие люди, но хороший отзыв от двух полевых агентов мог помочь.

Она как раз собиралась в общих чертах описать Хорхе, что ожидает его в процессе учебы на агента, как вдруг по всему кораблю взвыли сирены. Все разговоры в столовой немедленно оборвались. Не удерживай их на скамьях магнитная обувь и страховочные ремни, резкие движения швырнули бы большинство из присутствующих в воздух. Экипаж «Демона» недоуменно переглянулся и Масако захлестнуло предчувствие беды. Через секунду оно нашло свое подтверждение – ожили динамики и громкий голос объявил:

– Внимание, говорит капитан. Пару минут назад в системе материализовался прыжковый корабль драконов. Только что он выпустил аэрокосмические истребители. Совершить прыжок мы ещё не в состоянии, так как «Альмира» не полностью втянула солнечный парус. По утверждению вахтенного, его команде нужно еще десять минут. Драки требуют нашей капитуляции. В противном случае, они угрожают уничтожить парус.

Столовую наполнил лихорадочный гул голосов. Все, кто находились на борту посадочного корабля, оказались в ловушке. Их танки в этой ситуации были бесполезны. Им не оставалось ничего иного, кроме как молиться, чтобы команда прыжкового корабля вовремя отправила их в гиперпространство, прежде чем драки их захватят и отправят в лагеря для военнопленных. Если, конечно, дадут себе труд это сделать. Ни для кого не было секретом, что куритяне предпочитали убивать вражеских солдат вместо того, чтоб кормить их за казенный счет.

– Быть не может! Как это вообще возможно? Нас кто-то предал? – Хорхе Оливейра широко открытыми глазами обводил помещение.

Масако постаралась его успокоить.

– Никто нас не предал. Если бы так было – драки бы нас тут уже ожидали. Уж точно, они бы не появились лишь тогда, когда мы оказались почти готовыми к прыжку, – она говорила достаточно громко, чтобы быть услышанной всеми присутствующими.

Аким поддержал ее с той же громкостью.

– Это всего лишь чертова дурацкая случайность. Мы в состоянии войны, а здесь – необитаемая система, куда обычно никто не прыгает. Драки, скорее всего, отправились грабить какой-нибудь мир Содружества и надеялись остаться незамеченными, делая остановки только в системах, подобных Оратону. Если нам удастся сбежать – мы поднимем тревогу на Мэгоне и предупредим все соседние системы. Именно поэтому они на нас напали. Если бы они вышли из прыжка полчасом позднее – ни они, ни мы даже не догадались бы, что кто-то здесь побывал.

Гул несколько поутих и Масако решила еще более разрядить ситуацию.

– В конце концов, мы не беззащитны. На борту «Мэрчанта» есть АКИ и если я правильно помню, с другого борта пришвартован «Интрuder», который также обладает истребителями, я права?

Кто-то из толпы подтвердил, что у посадочных кораблей класса «Интрuder» имеются два аэрокосмических истребителя.

– Опять же, наши посадочные корабли также вооружены. Даже если наш прыжковый корабль – не военный, у нас достаточно оружия, чтобы удерживать парочку драковских истребителей на почтительном расстоянии в течении десяти минут.

Этого хватило. Настроение у собравшихся в столовой поднялось и солдаты принялись убеждать друг друга в том, что им нечего опасаться.

Конечно, большей частью это был наигранный оптимизм. Километровый солнечный парус прыжкового корабля был очень тонок и весьма чувствителен. Не в последнюю очередь поэтому процедура его свертывания длилась от трех до четырех часов. Одно-единственного выстрела будет достаточно, чтобы его уничтожить. При этом противникам даже не нужно было приближаться к «Мэрчанту» и его тяжелому вооружению. Они могли спокойно подвергнуть парус обстрелу с дальней дистанции. Масако заметила, что Аким задумчиво жует нижнюю губу и перегнулась к нему через стол.

– В чем дело?

– Мы ни в коем случае не должны допустить, чтобы драконы захватили корабль. У нас на борту танки с «эффектом Альбатроса», – тихо сказал он.

Масако сжалась. Об этом она даже не подумала. Но ее коллега был прав. Стоит танкам попасть в лапы дома Куриты, это будет лишь вопрос времени, как быстро драконы обнаружат секретное оружие Делкорда и приступят к его изучению. Это означало бы катастрофический провал их миссии. Оба агента взглянули друг на друга. Пришло время для решительных мер.

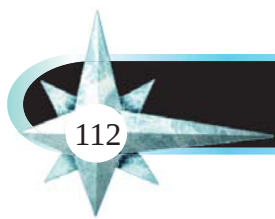
– Говорит капитан, – опять ожил динамик под потолком. – Есть ли на борту кто-нибудь, обладающий опытом пилотирования аэрокосмических истребителей? – солдаты в столовой разом затаили дыхание. – У «Ангела Мира» на противоположной стороне есть два АКИ, но только один готовый к вылету пилот. Второй лежит в лазарете. Нам нужен доброволец, который его заменит.

Ответом на призыв было молчание. Аким Баликчи судорожно сжал кулаки и вновь раскрыл ладони. Похоже, он сражался с какими-то внутренними демонами. Масако положила ему руку на плечо, пытаясь успокоить, но он стряхнул её ладонь.

– Почему корабль попросту не сбросит парус и не прыгнет? – нахмурившись, спросил Хорхе, – Аккумуляторы же заряжены, а когда мы вынырнем в системе Мэгона, то можно будет всё отремонтировать. Я уверен, что капитану возместят стоимость ущерба.

– Слишком поздно, – выдавил Аким. – Парус уже почти собран. Вот уже несколько часов его нельзя отстрелить. Скорее всего, капитан уже сейчас готов повредить такелаж, чтобы поскорее убраться отсюда, но сам парус должен быть полностью внутри корабля, – он говорил, словно в горячке.

На боковой стене столовой засветился огромный экран. На нем можно было видеть корпус прыжкового корабля с обоими пришвартованными посадочными судами. Из люка шарообразного «Интрудера» выскользнул аэрокосмический истребитель и присоединился к другой машине, появившейся откуда-то сверху. Капитан «Голубя Свободы» снова обратился к собравшимся.

– Мы получаем изображение, передаваемое с «Альмиры». К сожалению, для второго АКИ мы не нашли добровольца. Два истребителя попытаются задержать четыре машины Куриты.

АКИ, набирая скорость, полетели к носу прыжкового корабля и за секунду превратились в маленькие яркие точки на экране. Изображение сменилось – теперь монитор показывал схему, на которой прыжковый корабль и оба лиранских истребителя были обозначены голубыми символами, а четыре машины драконов – красными. Красная дуга с центром на носу прыжкового корабля указывала опасную зону, внутри которой парус оказывался в пределах досягаемости куритян. Она была пугающе велика. Гораздо меньшие голубые дуги указывали дальность обстрела корабельных орудий – было ясно, что в этом бою они не будут играть никакой роли. Собравшиеся солдаты напряженно следили за курсом истребителей, не стесняясь давать совершенно бесполезные советы тактического характера. Даже Масако оказалась захвачена разворачивающимися на экране событиями. Там, снаружи, решалась их судьба. И, возможно – судьба всей Внутренней Сферы.

Эта мысль вернула её к действительности. Она повернулась к столу и хотела было встать, чтобы сделать то, что необходимо было сделать. Но прежде, чем она успела сдвинуться с места, Аким ударил кулаком по столу и поднялся.

– Мне нужно попасть в «Интрудер».

– Что? – переспросила Масако, в то время как Хорхе одновременно спросил «зачем?» – оба одинаково изумленные.

Девушка знала, что им нужно подготовить взрыв «Голубя Свободы» на случай победы куритян – чтобы предотвратить попадание «эффекта Альбатроса» в руки врага, даже если это будет означать их гибель и гибель всех солдат и матросов на борту. Но на другом посадочном корабле никаких танков не было. Он был оборудован для перевозки пехоты и аэрокосмических истребителей.

– Я могу пилотировать второй АКИ, – объяснил Аким и под аплодисменты собравшихся двинулся к выходу.

– Подожди! – закричала Масако и побежала за ним вслед. Догнала она его лишь в коридоре.

– Ты можешь управлять истребителями? Но у тебя же космофобия!

Её коллега кивнул, не замедляя шагов.

– Как ты думаешь, почему я не вызвался немедленно? Я пытался справиться со страхом. Я начал обучаться на пилота, еще когда служил в гарнизоне на Кандерстеге, но у меня ничего не получилось. У меня был талант к этому делу, но каждый раз, когда дело принимало серьезный оборот и я оказывался на орбите, меня словно парализовывало и я ничего не мог поделать, – он раздраженно остановился и снял магнитные ботинки, чтобы двигаться быстрее.

Масако, чтобы не отстать, также разулась.

– И чем ты сможешь помочь? Сыграть дополнительную мишень для драков?

– С тех пор я часто тренировался на симуляторе. Кроме того, я теперь старше и, надеюсь, увереннее в себе. Я должен попробовать. Два истребителя против четырех – для подобного задания этого слишком мало.

Он оттолкнулся от переборки и длинными шагами заскользил по коридору к шлюзу.

– Это же самоубийство! – попыталась остановить его Масако.

– Самоубийство – оставаться здесь, – ответил Аким. – Ты же сама знаешь.

Он был прав. И одновременно он напомнил ей, что она должна была сделать. Она кивнула. Им обоим предстояла нелегкая работа. После короткого замешательства она протянула ему руку.

– Удачи.

Аким на секунду задержался и обнял её.

– И тебе, – и исчез в шлюзовой камере.

Глава 34

*Герцогская резиденция, Тупан, Мэгон
Провинция Ковентри, протекторат Донегол
Лиранское Содружество
25 ноября 2838 года*

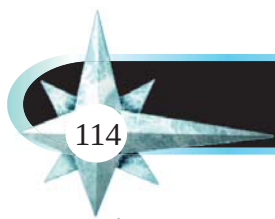
– Прекрасный праздник, ваше превосходительство. Я очень благодарна вам за то, что получила возможность его посетить, – Фрэнсис Розен-Раубах, она же Джой Кейн, она же Антонелла Зонненшайн благовоспитанно присела в книксене перед герцогом-архонетом Кристианом Делкордом. На ней было надето желтое летнее платье в модном ассиметричном стиле, который открывал для обзора две трети её левой груди, в то время как юбка на той же стороне едва прикрывала трусики. Это одеяние было одолжено дочерью Алека Розена и позволяло смешаться на фоне одежд иных посетительниц герцогской резиденции. Сначала Антонелла отреагировала довольно скептически, увидев это платье, однако теперь она была вынуждена признать, что его хозяйка оказалась в смысле моды вполне в ногу со временем, даже если одежда и не соответствовала её вкусу. Впрочем, сама она предпочитала брючные костюмы тёмных тонов, что в данном случае было не слишком подходящим выбором. На самом деле, в этой одежде она себе нравилась, хотя материал её под другим солнцем сиял бы ослепительной неоновой желтизной. Однако, под голубым светиллом Мэгона это была единственная возможность получить насыщенный желтый цвет.

– Всегда рад поближе узнать членов семьи одного из важнейших капитанов нашего бизнеса, госпожа Розен-Раубах – особенно столь очаровательных, – Делкорд дружелюбно кивнул Антонелле. Несмотря на ухоженную внешность и приятный тенор, архонет не оставлял по себе сильного впечатления. Предположительно, выйди он на улицы столицы в обычном гражданском платье – большинство людей не узнали бы его. Даже Антонелле пришлось постараться, чтобы отыскать на его лице какую-нибудь особую примету, которая бы его безошибочно идентифицировала. В конце концов, она решила запомнить именно отсутствие таких примет. Как раз тот факт, что его лицо оказалось столь незапоминающимся, и делал Делкорда необычным.

Из герцога получился бы замечательный секретный агент, – подумала она, распрощавшись с архонетом после пары ничего не значащих фраз и отправляясь в сторону буфета. Эта мысль помогла ей свыкнуться с тем, что этот человек был предателем, чьи поступки сделали его опасным для Содружества. Она была здесь для того, чтобы выяснить, где и как он производит свое оружие, с помощью которого победил лояльные Штайнерам войска в провинции.

Агент Нойманн подтвердил сообщение Джима Фитцпатрика о том, что запрограммированные кристаллы появляются из герцогской резиденции. Хотя они и производились на одной из электронных фабрик неподалеку от столицы, но программирование и дополнительную защиту получали непосредственно на территории дворца, под личным наблюдением архонета. Очевидно, наряду с ненавистью к дому Штайнеров из-за гибели его сына, герцог страдал довольно полезной в подобной ситуации паранойей. Поэтому оглядеться в его доме было для Антонеллы еще важнее. Агенты должны были точно знать, где именно исследовался и производился «эффект Альбатроса», чтобы иметь возможность обезвредить его как можно более верно и надолго.

Для начала, однако, она должна была постараться незаметно исчезнуть с праздника – так, чтобы никто не хватился ее, когда она отправится на свою экскурсию. Антонелла взяла себе немного еды с различных буфетных стоек, сняла бокал белого вина с подноса пробежавшего

мимо официанта и смешалась с толпой гостей. Раздавая дружелюбные кивки и улыбки, она пробралась, наконец, к группе юных дам в столь же ярких одеждах, как и она сама. Пока супруги приглашенных бизнесменов, если таковые присутствовали, разминали ноги со своими мужьями на танцевальной площадке или отдыхали у расположенных в тени деревьев столиков, сопровождающие женского пола помоложе собрались у коктейль-бара, где и общались, громко хохоча.

Первая же подхваченная сквозь музыку нить разговора подтвердила подозрение Антонеллы о том, что речь идет в основном о молодых мужчинах тупанского общества и об их сексуальных качествах – болтовня, к которой она ничего не могла и не хотела прибавлять. Однако, каким-то образом она должна была присоединиться к этой группе, которая из-за постоянного движения отдельных девушек вдоль бара делала невозможным для стороннего наблюдателя разобрать, кто именно в ней присутствовал, а кто нет. Она хотела для начала чуть-чуть постоять в сторонке, чтобы услышать что-либо об обсуждаемых мужчинах – так что подошла сбоку и заказала себе «текила санрайз».

– Привет, новенькая! Меня зовут Мишель, – приветствовала ее кудрявая красотка в закрытом бирюзовом платье, отдававшем дань моде несколькими ассиметричными разрезами – в том числе демонстрировавшими нижнюю часть ее груди, – Я тебя здесь ни разу не видела. Это ведь платье Эллы Розен?

– Именно так, – подтвердила Антонелла с дружеской улыбкой, – Моя кузина мне его одолжила. Меня зовут Френсис и я из Бенареса на Кахаре. Я тут в гостях у своего дяди.

– О-о, Кахар! Девочки, слышите? Френсис с Кахара!

Немедленно все женщины окружили совершенно сбитую с толку Антонеллу, совершенно не понимающую причины столь бурного интереса. Насколько ей было известно, Кахар не обладал ничем, что могло бы оправдать подобное любопытство. Она надеялась лишь, что успеет это понять, прежде чем выдаст себя.

– Ты должна нам рассказать о бенаресских модах!

– Наши платья должны тебе, наверное, казаться совершенно аляповатыми!

– А правда, что в этом сезоне на Кахаре последний писк – снизу носить только раскраску по телу?

Антонелла закрыла глаза. Такое и в самом деле могло случиться лишь с ней одной – выбрать в качестве фиктивного адреса планету, чьи дизайнеры мод окончательно спятили. К тому же, она заявила, что прилетела напрямую из столицы планеты Бенареса – так что отговориться незнанием ей бы уже не удалось. Девушка бросила на собравшихся оценивающий взгляд. Восторженные юные леди, окружившие ее, явно едва сдерживались, чтобы не выпрыгнуть из тех жалких остатков ткани, которые на них еще имелись. *Может, стоит им преподать краткий курс телесной раскраски?* – подумала она, – *Тогда на меня точно никто не станет обращать внимания.* Впрочем, скандалы провоцировать она также не собиралась, так что от этой мысли пришлось отказаться. Вместо этого Антонелла сделала длинный глоток из бокала и принялась фантазировать.

Выбраться из объятий местных красоток и покинуть праздник ей удалось примерно через час. Алек Розен заметил, что ее окружили со всех сторон и сжалился, заявив, что непременно желает представить ее своему деловому партнеру. Как только Антонелла убедилась, что внимание одержимых модой красоток сконцентрировалось на других вещах, она отправилась в сторону туалетов.

Ожидаемая очередь в дамские уборные в садовом павильоне предоставила ей возможность взять курс на здание дворца. По дороге она улыбалась, представляя себе, какие катастрофы в области моды ожидают мэгонских дам и какие пикантные подробности предстанут вскоре взорам их кавалеров – насколько она могла оценить восторженное повизгивание, сопровождавшее ее вдохновенную импровизацию. Антонелла приняла решение в будущем повнимательнее следить за модными веяниями на планетах Внутренней Сферы, которые ей придется посетить во исполнение будущих миссий. *Жалко, что здесь нет Масако,* – подумала она. При первой

же возможности следует посоветовать ей присмотреться внимательнее к тому, что носят на Кахаре и Мэгоне – прежде, чем произойдет непереносимый перелом в этой области и макси снова войдет в моду.

Один-единственный часовой в сине-золотой парадной униформе – пусть и невооруженный – стоял у входа в резиденцию. Антонелла сжала коленки и спросила, нет ли внутри свободного туалета. Чуть помедлив, он кивнул.

– В вестибюле налево, вниз по коридору и на второй развилке направо, миледи. Дверь соответствующим образом обозначена. Только не заблудитесь: частные сектора резиденции защищены сигнализацией.

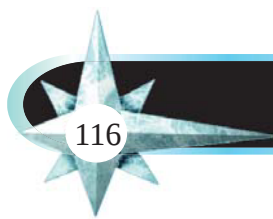
Она благодарно кивнула и проследовала по описанному маршруту вплоть до первой развилки. Пока всё нормально. Она внутри здания, но времени, пока часовой не заподозрит неладное, было немного. И его нужно использовать в полной мере. Она сняла туфли на шпильках и босиком скользнула обратно по коридору. Часовой успел обернуться обратно к саду, так что Антонелла смогла проскользнуть незамеченной через вестибюль, чтобы попасть в крыло, где был расположен сторожевой пост. Если часовой на входе в самом деле был единственным – можно было в самом деле рассчитывать на то, что сигнализацию отключить получится прямо оттуда.

Ей повезло. Сторожевая будка была пуста. Сквозь бронестекло на двери можно было увидеть, что внутри царил темнота. Очевидно, охранники полагались на незаметное просвечивание гостей на входе в сад, которое, похоже, заметила одна лишь Антонелла, а также на сигнализацию, защищающую здание и ограду. Она задумчиво поджала губы. Оглянувшись вокруг и убедившись, что ее никто не видит, Антонелла запустила руку под юбку и вытащила из трусиков узенькую пластиковую отмычку. Короткое нажатие на дверную ручку подтвердило, что дверь заперта. Видимый из коридора огонек, мигающий на вмонтированный в письменный стол контрольной панели, продемонстрировал ей, что охрана всё-таки не была столь уж беспечной. Времени оставалось всё меньше. Она должна попасть внутрь и войти в систему, прежде чем сработает сигнализация.

Антонелла быстро открыла дверной замок и кинулась к письменному столу. Она не стала включать свет и приступила к работе, пользуясь слабым освещением, попадавшим в помещение из коридора. Её пальцы заплескались по клавиатуре, торопясь ввести данный Хельмером Маккензи код. Как только она нажала клавишу ввода, предупредительный сигнал погас. Девушка перевела дыхание.

Короткий взгляд на часы. Ей оставалось чуть больше пяти минут, прежде чем, как следовало полагать, часовой у входа начнет волноваться. Антонелла быстро вызвала на экран управление сигнализацией. Вмонтированный в стол дисплей засветился, однако потребовал повторного введения кода. Необходимый уровень доступа она узнала, взглянув на желтый фон, сопровождавший требование. К счастью, Хельмер подробно описал ей процедуру. Теперь она узнает – прав он был или нет. Несколько быстрых вычислений, произведенных в уме, дали ей необходимую комбинацию. Вводя буквы и цифры, она невольно затаила дыхание. Её палец на мгновение задержался над клавишей ввода, после чего Антонелла решительно нажала ее.

На экране появилось командное меню системы сигнализации. Еще один взгляд на часы. Так как ей требовалось вернуться обратно в противоположное крыло, прежде чем отправиться к выходу, времени на то, чтобы вызвать план, не оставалось. Ей придется искать наудачу. Однако управление, как минимум, давало ей возможность выключить сигнализацию на заданный заранее срок, так что она не рисковала быть обнаруженной, включая ее вновь. Антонелла решила отключить систему на полтора часа. Тогда сигнализация заработала бы вновь прежде, чем прием официально завершится – это снижало опасность «засветки». Она вышла из системы, аккуратно заперла за собой дверь и поспешила обратно в вестибюль.

Глава 35

*Зенитная прыжковая точка, система Оратон
Провинция Ковентри, протекторат Донегол
Лиранское Содружество
30 ноября 2838 года*

Когда «Спад» вылетел из ангара «Ангела Мира», ускорение вжало Акима Баликчи в обивку пилотского кресла. Одновременно он почувствовал, как невероятное количество адреналина помчалось по его жилам. Несмотря на гигантскую скорость, с которой истребитель вырвался из пусковой шахты в космос, происходящее вокруг казалось ему замедленной съемкой. Он схватился за рычаг управления и заложил широкий вираж влево, облетая огромный корпус прыжкового корабля класса «Мэрчант». Сквозь прозрачный фонарь кабины были видны вспышки – это АКИ начали свою дуэль, а в ушах грохотал движок его легкой машины. Он уже направил «Спад» в сторону боя, когда вдруг осознал, что впервые в жизни ведет настоящий истребитель в космосе, не превращаясь при этом от страха в статую.

Ирония момента заставила его недоверчиво покачать головой: в реальной, смертельно опасной обстановке ему удалось то, что не получалось во время безопасных тренировочных полетов. Однако проскочившая совсем рядом ракета заставила его вернуться к реальности. Наверное, именно это и было причиной: у него попросту не было времени бояться.

Аким переключил два вмонтированных в нос машины ППЧ на одну спусковую кнопку и принялся за поиск первой цели.

– «Спад»-два – «Ангелу Мира». Атакую.

– «Ангел Мира» – «Спаду»-два. Займитесь «Шилоном», субъектив ноль-один-семь на три-четыре-два. Он пытается атаковать парус.

Одного взгляда было достаточно, чтобы обнаружить противника. Широкий, похожий на металлический бумеранг истребитель вышел из боя, пока его товарищи сковывали лиранскую оборону, и явно нацелился на корму «Мэрчанта». Аким потянул рычаг управления на себя, одновременно легко поворачивая его вправо, чтобы выйти наперехват. Сейчас выяснится, является ли он в реальности таким же снайпером, как на симуляторе.

– Сделай его, «Второй». Об остальных мы позаботимся, – прозвучал в шлемофоне голос одного из двух других пилотов, сопровождаемый треском ППЧ-разряда. Должно быть, это был летчик из первого «Спада», стартовавшего с «Интрудера».

– Постараюсь, – ответил Аким, надеясь, что его услышали. Он слишком сконцентрировался на противнике, чтобы отвлекаться на проверку установок радиоканала.

Агент увеличил ускорение и почувствовал, как сузилось его поле зрения. Пришлось сразу сбросить тягу, чтобы не потерять сознание. Ему не следовало забывать, что его тело не привыкло к перегрузкам, с которыми регулярно сталкивались профессиональные пилоты, а его последний симуляционный полет состоялся месяца три назад. Он навел перекрестие прицела на «Шилон» и чуть вперед по курсу, пока указатель не замигал. Благодаря компьютерному наведению, ему не требовалось самому высчитывать упреждение. Он вдавил пальцем спусковую кнопку и истребитель вздрогнул, когда носовые орудия дали залп. Температура в кабине тут же скачкообразно поднялась. Луч ППЧ пролетел мимо его противника, однако ему, как минимум, удалось заставить куритянина изменить курс. И тут он увидел на экране радара рой огоньков. Перед поворотом пилот Синдиката успел выпустить залп РДД. Слишком маленькие, чтобы их можно было увидеть на таком расстоянии невооруженным глазом, двадцать смертельно опасных ракет устремились к корме «Альмиры».

– Скотина! – выдохнул Аким и ударил ногой в педаль, придавая истребителю в доли секунды максимальное ускорение. Глаза подернула красная пелена и стало трудно дышать. Несмотря на хладожилет, он вспотел – нагрузка на термоядерный реактор подняла температуру в кабине выше желтой черты – теперь её показатель достиг красного сектора. Аким знал, что рискует обмороком, от которого больше не очнется, но он должен был перехватить рой этих ракет, прежде чем тот достигнет прыжкового корабля.

Только после нескольких, растянувшихся в вечность, секунд, он убрал ногу с педали, судорожно хватая воздух, пока его хищно вытянувшийся АКИ гнался за ракетами, забыв о выпустившем их истребителе. *Истребитель!* В отчаянии от своей небрежности, Аким взглянул на радар. Куда девался этот «Шилон»? Прежде, чем он смог его обнаружить, в кабине взревел сигнал предупреждения и Аким рефлекторно бросил свою машину в правостороннюю «бочку». На экране он увидел, как луч толщиной в руку пролетел всего лишь в метре от маневровых дюз его «Спада». Не задумываясь, Аким навел перекрестие прицела влево по борту и выстрелил. Луч ППЧ вылетел из носового орудия и врезался в машину Куриты.

Аким немедленно добавил выстрел из среднего лазера, хотя указатель температуры в радарном окне предупреждающе замигал – однако луч погас, не успев достичь вражеского истребителя. Агент ЛРК разрывался между необходимостью, с одной стороны, перехватить ракеты, с другой – расправиться с «Шилоном», прежде чем тот порвет на части его вполонину более легкий «Спад».

– Возьми на себя ракеты, «Второй», я разберусь с драком!

Словно ангел мщения, на огромный по сравнению с ним «Шилон» накинута «Спэрроухок» с «Альмиры» и осыпал его копит лучами средних лазеров. Аким едва мог поверить тому, что видел: он понимал что эта атака для пилота легкого АКИ была равна самоубийству – но в какой-то степени все они были самоубийцами. Он заработал рычагом управления, охотясь на ракеты, успевшие опасно приблизиться к прыжковому кораблю.

Как только РДД оказались достаточно близко, чтобы их можно было заметить по огням работающих двигателей, Аким развернул в сторону роя лёгкий лазер, укрепленный позади кабины. Стоило лучу коснуться ракеты, как та взрывалась. Было что-то нереальное в том, чтобы видеть взрывы и получать акустическое их подтверждение чуть позже, когда их осколки осыпали корпус «Спада». Он пролетел сквозь рой и сбил с курса пару ракет, задев их крыльями. Последняя ракета взорвалась в плазменном выхлопе его двигателя.

– «Альмира» – истребителям. Мы готовы к прыжку. Возвращайтесь.

Аким перевел дух и развернулся – и вдруг заметил «Спэрроухок», который, отчаянно маневрируя, пытался уйти от атакующего «Шилона». Он принял решение.

– «Спад»-два – «Спэрроухоку». Держись, я иду.

– Двойка, это бесполезно. Мы должны вернуться, – заскрежетал в динамике голос пилота второго «Спада», но Аким уже взял курс на дуэлирующую пару и повел перекрестием прицела по экрану, захватывая «Шилон».

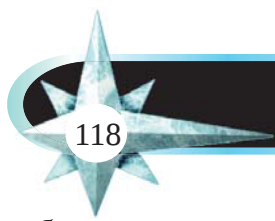
– Ты мой, убудок! – прошипел он сквозь зубы и выстрелил из ППЧ. Искусственная молния вылетела из ствола и мелькнула в темноте космоса по направлению к вражескому истребителю. Выстрел едва ли не прошел мимо, однако в последнее мгновение пилот «Шилона» повернул в попытке поймать «Спэрроухок» и сам подставил под удар собственную левую маневровую дюзу. – Ну, это-то ты должен был заметить!

– Немедленно возвращайтесь, иначе нам придется оставить вас здесь, – загремел динамик, – Куритяне отстыковывают свои посадочные корабли, чтобы задержать нас!

Это было опасно. Очевидно, пилоты Куриты доложили, что «Альмира» готова к прыжку, и их командир решил уничтожить прыжковый корабль прежде, чем тот исчезнет. Но Аким не мог выйти из боя против «Шилона», если не хотел быть взорванным.

– Сматывайтесь на корабль, пока он отвлекся на меня! – проорал он в микрофон и свалил истребитель на левое крыло, избегая столкновения с ракетами.

На экране он увидел, как оба лиранских АКИ благополучно добрались до прыжкового ко-

рабля и исчезли в ангаре «Интрудера». Три других истребителя драконов также повернули назад, стремясь выскочить из опасной зоны. В любую секунду «Мэрчант» мог запустить КФ-двигатель и создать прыжковое поле, вблизи от которого любой другой корабль будет уничтожен. Только у орудий куритянских посадочных кораблей имелся еще шанс достаточно тяжело повредить «Альмейру», чтобы она не смогла прыгнуть. И они приближались на максимальной тяге.

– И хрен с вами! – зарычал Аким, открывая огонь из всего, что имел. Пушка-проектор частиц, а также лёгкий и средний лазеры сконцентрировались в одной точке и пробуровили кабину «Шилона», который как раз выходил на атакующий вираж. Аким едва поверил своим глазам, когда кокпит 65-тонного истребителя взорвался под огнем и машина Синдиката, потеряв управление, закувыркалась, уплывая в сторону. Он победил!

И всё равно проиграл. Развернув «Спад» обратно к прыжковому кораблю, он заметил вспышки первых выстрелов с посадочных судов противника. «Альмира» больше не могла его ждать. Она должна была прыгать – а он останется здесь, в крохотном АКИ, в необитаемой звёздной системе, в обществе вражеских истребителей и посадочных кораблей. Неожиданно он понял, что уже мёртв: один, во тьме космоса, в металлическом гробу.

Нет! Аким вдавил педаль тяги. Сдаваться и умирать – об этом он не желал думать. Может, у него и не было времени для стыковки, но один шанс еще имелся. Насколько реальный – неизвестно. Об этом маневре он лишь читал и не знал никого, кто бы его успешно провел. Он даже не был уверен, в самом ли деле такое могло получиться или все это было выдумкой какого-нибудь перевозбужденного автора научно-фантастического романа, но в данной ситуации он бы, наверное, попытался с помощью жвачки и шнурков от ботинок перестроить свой реактор в КФ-двигатель, если бы ему кто-нибудь рассказал, как это сделать.

Он попытает счастья, совершив маневр Делани. Даже в случае неудачи эта попытка будет означать, как минимум, быструю смерть – все лучше, чем то, что ожидало его теперь. Аким взял курс на корму «Альмиры». Каждый корабль, подвергающийся воздействию поля, возникающего при разрыве двигателями Керни-Футиды пространственно-временного континуума, получал тяжелые или даже катастрофические повреждения. Они были тем страшней, чем ближе судно находилось к центру прыжкового поля. Однако теоретически было возможно, в достаточно небольшом космическом аппарате – например, в истребителе – что называется, прыгнуть «зайцем» вместе с кораблем, причем остаться сравнительно невредимым – если оказаться в непосредственной близости от кормы. Это был тот же эффект, который в самом начале прыжковой эры использовали «ледоколы Райана», чтобы несколькими кораблями перебрасывать ледяные астероиды через гиперпространство.

Тогда пользовались специально для этой цели сконструированными прыжковыми двигателями, но в принципе, на такое должен был быть способен любой КФ-двигатель. Только вот прыжковые поля современных движков были куда более узко сфокусированы. И все же, неподалеку от кормы корабля, практически внутри такелажа солнечного паруса, был небольшой безопасный сектор. И Аким был твердо намерен доказать это или умереть.

– «Спад»-два, что вы там, черт вас подери, задумали? Прыжковое поле возникнет в любую секунду!

Аким не ответил. Он полностью сконцентрировался на управлении, чтобы не налететь на одну из такелажных мачт или не попасть в поле действия гигантских дюз, в плазменном выхлопе которых его «Спад» превратился бы в облачко ионизированных атомов. Хотя в этом случае двигатель бы автоматически отключился, чтобы не разрушить КФ-поле, но если ему суждено пережить этот прыжок, то не стоило после него оставаться в зоне работы двигателя, когда «Мэрчант» включит его опять, выходя на парковочную орбиту.

Он увидел призрачные вспышки по всему корпусу корабля, сопровождающие появление поля. Волна света с ужасающей скоростью скользила прямо на него. Последний корректирующий выхлоп дюз его истребителя – Аким услышал, как корпус «Спада» заскрипел о такелаж. И очутился внутри поля.

Глава 36

*Герцогская резиденция, Тупан, Мэгон
Провинция Ковентри, протекторат Донегол
Лиранское Содружество
25 ноября 2838 года*

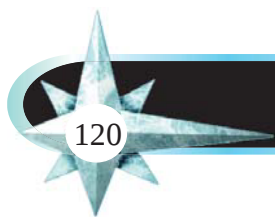
Антонелла осторожно открыла окно. В помещении было темно и тихо – так же, как и несколько минут назад, когда она разблокировала окно изнутри. Она тихонько положила свои туфли на подоконник, подтянулась и влезла в дом. Ей пришлось действовать весьма осмотрительно, чтобы не поцарапаться о колючки, обильно усеивающие растущие под окнами кусты – не то пришлось бы позже каким-то образом объяснять эти царапины, вернувшись на прием. Утвердившись на ногах, она спрятала туфли за маленький столик у окна, где они не бросались в глаза, если бы кто-нибудь вошел в комнату. После этого девушка закрыла окно и задвинула шпингалет. Она взглянула на наручные часы – у неё оставалось чуть больше часа, прежде чем придется возвращаться обратно, не учитывая десятиминутный «отрезок безопасности». Она кивнула. Этого должно хватить.

Антонелла на цыпочках проскользнула в коридор. Коротко оглядевшись, она отправилась в нужную, как она полагала, сторону: Фитцпатрик провел на службе в резиденции всего две недели и все это время не видел ничего, кроме первого этажа и пары комнат на втором. Но он смог рассказать ей о лестнице, расположенной в конце этого крыла, внизу которой располагалась, пусть и запертая, но все же дверь, ведущая в подземные помещения. Она-то и была целью агента.

Как можно быстрее Антонелла пробежала по коридору, стараясь не допустить даже малейшего шороха. Прошло немного времени, и она нашла нужную дверь. В этой части резиденции все двери были одинаковы и ни на одной не было указателей. Но, в конце концов, лестница отыскалась. Ступив на холодный плиточный пол, Антонелла передернулась. Сейчас она жалела, что не захватила в сумочке пары мягких балетных тапочек, как собиралась сделать – ей пришлось отказаться от этой идеи, когда она узнала о том, что на входе гостей просвечивают. Под предлогом того, что с каблука одной из ее туфель слетела набойка, она смогла незаметно выбросить тапочки в кусты.

Дверь в подвал была заперта. Антонелла недоверчиво взглянула на видеокамеру, прикрепленную под потолком лестничной клетки, но лампочка под объективом не светилась. Со смешанными чувствами она задрала платье и во второй раз за вечер извлекла из трусиков отмычку. Эта дверь оказала не большее сопротивление, чем ее товарка из сторожевого поста, однако внутри агента ЛРК поджидала неприятная неожиданность: внутри лестница была освещена терранормальными лампами, в свете которых ее платье засияло, как факел. Если внизу кто-то есть – незаметно спрятаться никак не получится. Раздраженно скрипнув зубами, она отправилась дальше.

Похоже, здесь имелось как минимум два подземных этажа, так как после одного пролета лестница продолжала вести вниз. Антонелла решила для начала осмотреть верхний из них и нажала на металлическую дверь, за которой увидела чистый, хорошо проветренный коридор, почти не отличающийся от первого этажа – за исключением плитки на полу и освещения. Она осторожно протиснулась внутрь и приступила к осмотру, открывая одну дверь за другой. Большинство комнат были кабинетами и конференц-залами. По-военному скупая обстановка и развешанные на стенах карты заставляли думать, что здесь располагался стратегический командный пункт, в данный момент не используемый – возможно, запасной. Так или иначе,

Антонелла решила продолжить поиски на следующем этаже. Она сомневалась в том, что найдет то, что ищет, именно здесь. Кроме того, существовала серьезная опасность того, что тут и в самом деле кто-нибудь есть – может быть, даже кто-нибудь вооруженный.

Девушка вернулась к лестнице и спустилась еще на один этаж вниз. На полпути ее вдруг охватило чувство, что за ней кто-то наблюдает. Она завертела головой, но никого не обнаружила. Тогда она внимательно осмотрела все вокруг, однако ни в одном закоулке не светился предательский глазок сторожевой камеры. Взгляд на часы убедил ее, что не стоит тратить время на поиски привидений, и она отправилась дальше.

Второй подземный этаж казался более многообещающим, хотя пол за еще одной запертой металлической дверью был еще холоднее, в чем Антонелла убедилась после первого же шага. Однако, как минимум, за этой дверью, ведущей в напоминающий лабораторный или больничный коридор, оказался светло-зеленый халат и такие же резиновые бахилы, которые она с благодарностью натянула на себя, хотя они и были ей велики. Чтобы обувь не свалилась, ей пришлось шаркать ногами. Антонелла решила пойти на риск и положила на свое умение придумывать подходящие объяснения, если ее обнаружат. На всякий случай она вытащила из сумочки зеркальные очки и надела их, после чего спрятала сумочку под халат, в декольте платья.

Вернувшись обратно в коридор, она услышала тихое хихиканье. Антонелла снова повернулась, но никого не увидела. В призраков она не верила, так что этому должно было быть иное объяснение. Недоверчиво оглядываясь, она зашлепала по коридору. Большинство помещений пустовало, если не считать ряда комнат, меблированных как спальни и гостиные, которые, тем не менее, производили впечатление давно покинутых. Она уже хотела плюнуть и повернуть назад, когда вдруг наткнулась на кое-что необычное. За последней дверью освещенный коридор вел по спирали вверх. Она последовала этим путем и уперлась в тяжелую, защищенную электронным кодовым замком дверь. Без сомнения, за ней должна была храниться тайна «эффекта Альбатроса». Иначе какой был смысл защищать ее лучше, чем любой другой вход, который она до сих пор видела в резиденции? Не говоря уже о том, что для того, чтобы лишь добраться сюда, следовало пройти через две запертые двери и длинный коридор.

Тихое попискивание ее наручных часов напомнило Антонелле, что пора покинуть резиденцию, пока сигнализация еще оставалась отключенной. Разочарованно пожав плечами, она повернулась и отправилась обратно. И снова ее охватило чувство, что она была не одна. Подчиняясь ему, она словно бы случайно отклонилась к левой стене, пока вдруг ощущение того, что за ней следят, не пропало. Девушка стянула халат и бахилы и со всех ног кинулась дальше, остановившись лишь для того, чтобы повесить зеленую лабораторную униформу туда, где она висела раньше, и спрятать очки обратно в сумочку. Неожиданно Антонелла чихнула. Утеревшись рукой, она побежала дальше, а добравшись до лестницы, она достала из сумочки отмычку и поспешно заперла за собой металлическую дверь.

Только удостоверившись, что дверь, ведущая на лабораторный этаж, надежно закрыта, Антонелла позволила себе довольно улыбнуться. Из сумочки она достала носовой платок и вытерла им руку, после чего от души высморкалась. Вытащив из замочной скважины отмычку, она стала подниматься по лестнице.

– Апчхи! Апчхи! Апчхи! – Антонелла расчихалась так, что буквально тряслась, разыскивая в толпе Алека Розена. Прямо перед ней герцог Делкорд повернулся с озабоченным выражением лица.

– Ну, милочка? Вы переохладились? Такая теплая ночь...

– Похоже, у меня аллергия на какие-то из ваших цветов, ваше сиятельство. Я умывалась, а обратный путь использовала, чтобы немного осмотреться в саду. Апчхи! Это было очень романтично, но... апчхи! – по пути что-то попало мне в нос, – она взглянула на него слезящимися глазами, – Вы не видели... апчхи! – моего дядю? Мне кажется, я должна отправиться домой.

– Да, я бы тоже это посоветовал, – архонет раздраженно взмахнул рукой. – К сожалению, моего лейб-врача сегодня здесь не было. Но я с удовольствием предоставляю вам возможность

воспользоваться услугами одного из медтехов – они дежурят здесь специально на такой случай. Одну секунду, я позову его, – он потянулся к карману своего мундира.

– Нет-нет, ваше сиятельство, – отказалась девушка, – Я уверена, что это само пройдет, – она высоко подняла голову. – Смотрите, уже проходит. Скорее всего, небольшое раздражение. Скорее всего, это успокоится, стоит мне как следует отдохнуть и, может, выпить чашку ромашкового чая. Большого не потребуется. Я не хочу никому портить вечер.

– С чего бы? – улыбнулся Делкорд. – А, вот и ваш дядюшка, – он поднял руку и помахал Розену, – Алек, друг мой, ваша племянница, похоже, страдает аллергией на какие-то цветы в моем саду. Она только что чуть не вычихала себе все легкие из носа и хочет теперь домой. Надеюсь, вы не обвините меня в диверсии.

– Ваше сиятельство, – изящно поклонился Розен. – Ни в коем случае. Это мне следует просить у вас прощения. Моя племянница поступила весьма неосмотрительно, явившись на подобный прием без соответствующих медикаментов, если она склонна к аллергической реакции. Прошу нас извинить.

Чтобы предотвратить дальнейших поток взаимных извинений, Антонелла уцепилась за локоть своего «дядюшки» и незаметно, но твердо потянула его к выходу.

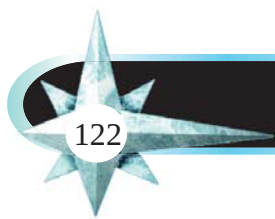
Глава 37

*Посадочный корабль «Голубь Свободы»
Зенитная прыжковая точка, система Мэгона
Провинция Ковентри, протекторат Донегол
Лиранское Содружество
30 ноября 2838 года*

– Истребитель – сплошной металлолом. Дюзы наполовину оторваны, одно крыло отсутствует напрочь. И наш такелаж выглядит не лучше.

Масако, затаив дыхание, прислушивалась к голосу, доносящемуся из динамика. Прыжковый корабль вышел из гиперпространства в систему Мэгона примерно пятнадцать минут назад и в обычных условиях его капитан приказал бы запустить маневровые двигатели, чтобы освободить зону материализации для других кораблей. Однако в данном случае пилоты «Спада» и «Спэрроухока», которым в системе Оратона удалось вернуться невредимыми в ангар не в последнюю очередь благодаря Акиму Баликчи, вмешались в происходящее немедленно после выхода корабля в нормальное пространство и потребовали, чтобы парусная команда «Альмиры» надела скафандры и вышла в открытый космос, чтобы отыскать его машину. В отличие от всех остальных на борту, они сразу сообразили, что попытался предпринять Аким.

Масако услышала о Делани-маневре впервые в жизни, но теперь была уверена, что не забудет этот термин никогда. Представление, что её коллега в крохотном истребителе прокатился через гиперпространство, что называется, «зайцем», сбивало с толку. Трудно было предста-

вить, как можно преодолеть воздействие прыжкового поля в такой маленькой машине. Не говоря уже о том, что попытка приблизиться на расстояние нескольких сантиметров к корпусу корабля, при этом не разбившись, должна была вызвать страшные перегрузки.

– Мы подходим к истребителю.

Капитан «Голубя Свободы» переключил микрофоны поисковой группы на динамик в командной столовой, в которой солдаты в молчании прислушивались и ждали известий – жив их товарищ или нет. Все они знали, каково это – потерять друга или однополчанина, но это не облегчало им неведения. Как минимум, в полевых условиях они сравнительно быстро могли убедиться, кто ещё живой, а кто погиб. Пылающий или разорванный ракетным залпом танк не давал повода для долгих размышлений. Кроме того, в подобных ситуациях они сами оказывались в опасности, так что у них не оставалось времени раздумывать об окружающей их смерти.

Здесь все было по-другому: здесь они торчали на борту посадочного корабля и могли лишь бессильно наблюдать и думать о том, что творится снаружи. И все они видели, как вызвавшийся добровольцем идти в бой за их выживание Аким пошел на свой отчаянный маневр – даже если они не слишком ясно поняли, чего он хотел добиться, в отличие от обоих других пилотов. Масако представляла, как они сидят на борту «Ангела Мира», так же напряженно прислушиваясь к доносящимся из динамика сообщениям.

– «Альмира», я добрался до кабины. Вижу пилота. У него лицо в крови, но скафандр, похоже, сохранил герметичность. Непонятно, жив он или нет. Если да – то он без сознания. Сейчас попробуем открыть кокпит.

По залу прошелестел легкий шёпот. Может так быть, что Аким выжил или спасатели всего лишь доставят на борт его тело? Все взгляды были прикованы к монитору на стене, но из-за неудобной в данном случае позиции камеры и размеров поверхности корабля на экране ничего не было видно. Можно было лишь слышать переговоры спасателей, у которых явно возникли проблемы с открытием сплавившегося фонаря кабины «Спада».

– Так не получится. Придется автогеном, – заявил другой голос. – Марк, давай сварочный аппарат.

– Здесь «Альмира». Как долго это продлится? Нам нужно убираться отсюда.

Не то возмущенный, не то разочарованный стон прокатился по помещению.

– В любом случае, это будет быстрее, чем пытаться взломать замки, шкипер. Нам тоже не хочется торчать здесь больше, чем необходимо, но этот парень может еще быть живым.

– Поторапливайтесь.

– В чем проблема, Масако? – спросил Хорхе Оливейра, сидящий рядом с девушкой. – Почему капитану так не терпится включить движок? Он что, боится, что мы упадем в солнце?

Она покачала головой.

– Дело не столько в этом, Хорхе. Мы и в самом деле падаем в солнце, но прежде, чем это станет опасным, Акима и «Спад» можно десять раз подобрать. У капитана – другие заботы. Он не хочет оставаться в опасной зоне, где может вынырнуть ещё один прыжковый корабль. Собственно, стандартная точка прыжка, в которой корабли выходят из гиперпространства, довольно невелика, так что немедленно после выхода из неё положено убратся. Хотя у КФ-двигателей существует блокировка, которая предотвращает материализацию корабля в точке, где находится иная материя – например, «Альмира» – но она регистрирует помехи лишь начиная с определенного расстояния и с каждым метром, на который мы, дрейфуя, удаляемся от точки выхода, возрастает опасность, что защита не сработает. В этом случае, если сейчас из гиперпространства выйдет еще один корабль – он нас разорвет на клочки. И сам тоже, скорее всего, взорвется.

Связист понял.

– Получается, дело не только в том, чтобы подобрать Акима, а еще и в том, чтобы сделать это как можно быстрее, потому что мы сейчас вроде как на мушке и в любую секунду можем получить полный залп, – длительная служба в экипаже танка заставляла его переводить проблему в привычные термины.

Масако увидела, как несколько солдат в помещении согласно кивнули.

– Штука еще в том, что мы в данном случае обладаем примерно половиной маневренности «Бурка».

Услышав это, Хорхе сделал большие глаза. Тяжелый танк «Бурк» был знаменит своей неповоротливостью и медлительностью. Если он развивал свою крейсерскую скорость – его можно было обогнать на велосипеде.

– О'кей, «Альмира», еще один разрез сбоку и должно получиться. Сейчас мы эту штуку уберём...

Тем временем уже вся столовая болела за спасателей. Ни один из присутствующих не сидел спокойно на своем месте, все наклонились в напряженных позах и внимательно слушали переговоры космонавтов. Напитки, позабытые, стояли в своих захватах на столах. Кое-кто жевал нижнюю губу, иные неосознанно запускали ногти в ладони.

– Мы сняли фонарь, «Альмира». Пилот пристегнут к креслу. Скафандр не поврежден. Правая рука и правая нога неестественно выгнуты. Предположительно – сломаны.

– Он жив? – спросила Масако в пространство. – Я хочу знать, он еще живой?

Ответом ей было сочувственное бормотание.

Похоже, шкипера интересовал тот же вопрос.

– Не надо деталей. Скажите – он живой или мёртвый?

– Секунду, я как раз проверяю индикаторы на скафандре. Ага... живой. Потребляет кислород, – вторая часть сообщения потонула в выкриках, волной прокатившихся по залу. Хотя большинство солдат вообще не было знакомо с Акимом, радость их была неподдельной. Он был одним из них, он был танкист и он спас прыжковый корабль и оба посадочных судна. Более того – совершенно гусарским способом, который, несомненно, войдет в легенду, он спасся сам, прыгнув в своём АКИ сквозь гиперпространство. Бессмертие было ему обеспечено.

– Так не тратьте времени и вытащите его оттуда. Как только вернётесь – доложить на мостик.

Масако перевела дух. Аким в самом деле добился своего – сбежал прямо из пасти смерти. По крайней мере, в данный момент.

Конечно, нельзя было определить, насколько тяжелы его ранения, пока его не доставили в медчасть и не вытащили из скафандра. Но в любом случае, следующие недели он проведет в больничной койке – может быть, останется в ней даже до конца миссии. Как минимум, две сломанные конечности, травма головы – выглядело это всё не слишком обнадеживающе. Наверное, ему стоило благодарить Господа, что у второй причальной ramпы «Мэрчанта» был пришвартован корабль класса «Интрuder»: посадочное судно, предназначенное для перевозки пехоты и размещения мобильного штаба, обладало одним из лучших медотсеков, какие только можно было разместить на борту посадочного корабля – вплоть до реанимационного бокса. Масако была уверена, что, как минимум, полет до Мэгона Аким проведет именно в нём.

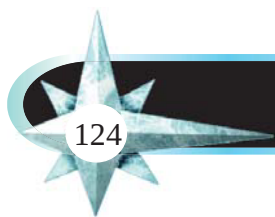
Выглядел он отвратительно. Кожа Акима Баликчи, не обмотанная бинтами или не упакованная в гипс, была синюшного оттенка, вся в сине-фиолетовых кровоподтеках. Обе ноги и правая рука подвешены на шинах. Целый арсенал капельниц обеспечивал его медикаментами, питательными веществами и жидкостями.

Кажется, впечатление Масако от этого облика отразилось на её лице, потому что врач успокаивающе положила ей руку на плечо, как только сняла маску и перчатки.

– Не волнуйтесь. Это выглядит хуже, чем есть на самом деле. Ваш товарищ оправится. У него тяжелое сотрясение мозга, но остальные травмы головы лишь поверхностны, – она улыбнулась, – Не обманывайтесь всеми этими капельницами. Он вполне может обойтись и без них, если бы это потребовалось. Но мы его погрузили в лечебную кому, чтобы ускорить выздоровление, так что пришлось посадить его на искусственное питание.

– Вы считаете, он сможет играть на рояле? – попыталась выдать старую шутку Масако, стараясь таким образом снять собственное напряжение.

– Ну, если раньше мог, – улыбнулась врач и попрощалась успокаивающим пожатием руки.

Масако в последний раз взглянула сквозь стекло реанимационного блока на Акима и повернулась к двери, где как раз появился еще один пилот, худощавый азиат, чьи движения напомнили ей хищника из породы кошачьих.

– Как он там? – спросил пилот, которого, судя по табличке на комбинезоне, звали оберлейтенант Теруо Мацуда.

– Врачи говорят – будет жить, – ответила Масако. – Хотя, глядя на него, этого не скажешь.

Пилот взглянул сквозь окошко и кивнул.

– Я понимаю, что вы имеете в виду, – он вновь повернулся к Масако. – Вы с ним близки?

– Можно и так сказать, – *Пусть и не так, как ты полагаешь*. Она запнулась. – Скажите мне, пожалуйста: с точки зрения пилота, этот самый Делани-маневр, который он выполнил... насколько он опасен?

Мацуда вздохнул.

– Трудно сказать. Понимаете, на самом-то деле это всё не так уж страшно. На корме прыжкового корабля есть сравнительно небольшое местечко, которое оказывается защищено от воздействия разрыва пространственно-временного континуума, так что тот, кто там оказался, может совершить прыжок вместе с кораблем – а в этом случае не до конца втянутый такелаж еще и обеспечил определенную помощь в ориентировке. При наличии достаточного времени, Делани-маневр не составляет проблемы для опытного пилота. Но только... если времени достаточно, то вообще не надо пытаться провести этот маневр, можно попросту отправляться в ангар. Вот это как раз и сложно. Чтобы решиться на Делани-маневр, нужно попасть в такой цейтнот, что выполнить его безошибочно становится почти невозможно – и наш товарищ там, внутри – лучшее тому доказательство. А так близко к двигателям любая ошибка становится смертельной.

В динамике послышался удар гонга.

Мацуда тихо, облегченно присвистнул.

– Ну, наконец-то. Мы вышли из опасной зоны. Теперь, если другой корабль выйдет из гиперра, нас это уже не заденет.

Масако нахмурилась.

– Долго же они. Я думала, мы оттуда уже давно выбрались.

Пилот улыбнулся.

– До сих пор мы ушли только из зоны непосредственной опасности, где нас бы в случае чего попросту разорвало. Но повреждения мы бы всё равно получили, – он засунул руки в карманы брюк. – Спасательная операция задержала нас в нескольких смыслах: так как «Альмира» не могла запустить двигатели, мы стали падать в солнце. Ускорение, которое накопилось в результате, пришлось еще гасить дополнительно, – он подмигнул. – Но теперь всё позади. Или почти всё, – добавил пилот, снова поворачиваясь к лежащему в реанимационном боксе Акиму.

Глава 38

Тупан, Мэгон

Провинция Ковентри, протекторат Донегол

Лиранское Содружество

26 ноября 2838 года

– Другая спецслужба? – спросил Гарри Краузе, выслушав доклад Антонеллы о разведке в резиденции. Более своей молодой коллеги он научился доверять собственной интуиции, а агенты ЛРК были специально натренированы на то, чтобы чувствовать слежку. Для них единственным объяснением тому, что в подвале герцогского дворца Антонелла ощутила чье-то присутствие, никого не увидев, было – маскировочный костюм.

– Это лучшее объяснение, до которого я смогла додуматься, – ответила Антонелла, кивнув. – Кто-нибудь из людей Делкорда вряд ли позволил бы мне так вот запросто уйти. Это мог быть лишь некто, сам охотящийся за информацией. Простая случайность: мы проникли в здание одновременно.

– Ну, не такая уж случайность, – заметил Джим Фитцпатрик с дивана. – Этот прием в саду был идеальной возможностью. Все охранники были отвлечены и следили за происходящим снаружи.

– Хотя воскресный бал был бы еще более удобным случаем. В это время в резиденции вообще ни души, – проворчал Хельмер Маккензи из кресла-каталки, в которой приехал на встречу в квартиру агентов. Гарри сначала засомневался, когда журналист позвонил ему и сообщил о своем намерении принять участие в планировании следующих шагов, однако Хельмер напомнил ему, что ориентируется на Мэгоне гораздо лучше любого из их знакомых. Кроме того, – присовокупила Антонелла, – гораздо лучше было бы присматривать за Маккензи, если они не желают, чтобы он что-нибудь разболтал.

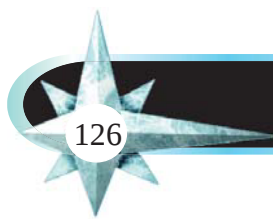
Не то, чтобы такая опасность существовала на самом деле. Маккензи пребывал в наилучшем настроении с тех самых пор, как Сцилла Сольвейг внезапно отправилась «в отпуск», а её место перед камерами временно заняла заместительница главного редактора Сюзанна Келлинг. После скандала, случившегося пару дней назад, когда новостная программа канала вместо обычных повторов документальных фильмов, идущих между выпусками новостей, три с половиной часа транслировала снятые скрытыми камерами подробности любовных утех Сциллы в её гримерке – сцен, которые могли легко конкурировать с порнопрограммами – Хельмер стал, пожалуй, еще более убежденным сторонником обоих агентов, нежели Джим Фитцпатрик.

– Как бы там ни было, – заметил Гарри. – мы давно уже должны были исходить из того, что не являемся единственными, кто охотится за «эффектом Альбатроса». И кто бы там, в подвале, не сидел – много времени на то, чтобы освободиться, ему не потребуется. На крайний случай, попросту дождется, когда кто-нибудь туда опять спустится. Мы уже знаем, что на Людвигсхафене действовала САФЕ, – он решил не упоминать агента Нойманна, хотя знал, что под этим именем его никто не отыщет.

– Но агентом САФЕ этот, в подвале, точно не был, – уверенно заявила Антонелла и поудобнее устроилась на диване. – Так быстро доставить сюда настолько хорошо экипированного агента – лигисты на такое всё ещё не способны.

– Драки? – озабоченно спросил Фитцпатрик.

– Не их стиль, – признал Гарри. – Мецуке гордятся тем, что в состоянии остаться незамеченными и без всех этих вспомогательных средств. Но прежде всего – агент СВБ ни в коем случае не позволил бы себе хихикать над видом Джой в вечернем платье и бахилах, – он наклонился

вперед в своем кресле и озабоченно потер подбородок.

– Так уж многих иных возможностей вроде бы и нет, – заявила Антонелла. – У Ляо и Дэвиона сейчас своих проблем выше крыши, так что они вряд ли стали бы виснуть у нас на пятках.

Гарри молча взглянул на нее.

– Конечно, они бы не упустили свой шанс, предоставься он им. Но Мэгон лежит от них еще дальше, чем от Марика и Куриты. Зачем им держать здесь агентов? И если у них здесь нет постоянной сети, как бы они обо всем этом узнали? В общенациональных СМИ о Делкорде, к счастью, пока не особенно упоминают.

– Может, они перехватывают материалы из сети ВР, так же, как и я? – предположил Хельмер. – Там же совершенно смешная защита.

– Только здесь, на планетарном уровне, – возразил Фитцпатрик. – Я гарантирую, что в центральный архив ВР никто не в состоянии проникнуть незамеченным. А для доступа к планетарным базам данных нужно присутствовать здесь, – он выглядел раздраженным.

– Ну, раз вы так говорите, – сдал назад Маккензи. – Однако это так и не дает нам идеи насчет того, кто именно преследовал Джой, – он облизал губы. – Насухую я всегда плохо соображаю. У вас нет ничего выпить?

– На кухне стоит пиво, – хотел ответить Гарри, но Антонелла уже встала и вытащила из бара бутылку виски.

– Мы никого из спецслужб не забыли? – спросила она, наливая бокал.

– Марик, Курита, Ляо, Дэвион, – посчитал Джим Фитцпатрик, – Кто ещё? У государств Периферии вряд ли отыщется хоть один маскировочный костюм.

Гарри ударил себя ладонью по лбу.

– Да что же я за слепец такой? РОМ! Это может быть только РОМ! КомСтар должен был знать об «эффекте Альбатроса». На всех мирах, которые занял Делкорд, есть станции гиперимпульсных передатчиков. Не говоря уже о том, что они могли перехватить сообщение агента САФЕ на Болан. И у ордена есть технологии. Это весьма похоже на нового примаса, – покачивая головой, он вспомнил, что незадолго до начала этой миссии слышал о волне саботажа, поднятой агентами спецслужбы КомСтара.

– Тогда нам нельзя терять времени, – объявила Антонелла. – Со всеми великими домами мы хотя бы знаем, на каком мы свете и можем с большой долей вероятности предположить, как их люди будут реагировать. Но орден непредсказуем. У него и так уже есть монополия на межзвездную связь. Если он ещё ухитрится получить монополию на действующие боевые мехи... они смогут завернуть себе Внутреннюю Сферу в бумажку.

– Это всё очень хорошо, но мы пока что даже не знаем, что находится за той дверью, что ты нашла. Ты уверена, что твой путь не лежал обратно в подвал резиденции? – Гарри взглянул на коллегу.

Она кивнула.

– Это я заметила. Нет, подвал вел прочь от дворца. Но на поверхности я не видела никакого другого здания, к которому эта рампа могла привести.

Джим Фитцпатрик улыбнулся.

– Это может быть только бункер. Его не замечают, потому что он заложен землей. Со стороны кажется, что это небольшой холм.

– Бункер? – хором спросили Гарри с Антонеллой. Хельмер также взглянул на разведчика с любопытством.

– Современная резиденция – постройка довольно новая, но она возведена на фундаменте старого дворца, который стоял там еще во времена изобретения боевых мехов. Тогда к комплексу принадлежали два бункера – субпланетарные огневые точки в виде куполов. Южного бункера давно уже нет, но северный несколько лет назад отреставрировали. Я никогда не бывал внутри, но слышал, что там разместили полноформатную лабораторию, – он почесал затылок, – Когда это было, в тридцать втором или в тридцать третьем? В общем, где-то так. Но я не в курсе, что это все означает. Герцог вообще-то – не шибко большой ученый.

– Уден, – заявил Хельмер прежде, чем сделать приличный глоток виски и довольно засопеть, – Скотт Уден. Весьма одаренный молодой человек, техник. В две тысячи восемьсот тридцать первом и тридцать втором о парочке его изобретений говорила вся планета. Я однажды делал с ним интервью. Конечно, тогда я уже работал на УЛН, так что материал вышел слабенький, но он, помню, мечтал улучшить управление боевыми мехами, – он ухмыльнулся, заметив, с каким вниманием три разведчика прислушиваются к его словам. – Вы же знаете, какой имидж создали масс-медиа мехвоинам: насчет того, что боевой мех с помощью нейрошлема превращается в продолжение тела пилота. Когда я был маленьким, я в это тоже верил. Но Уден был уверен, что он в состоянии эту мечту осуществить. Ему для этого не хватало только средств: денег и оборудования.

– А, вспомнил, – добавил Джим, – Теперь, когда вы это сказали... Герцог тогда назначил ему стипендию, так?

– Именно. А потом он исчез и никто больше ничего о нем не слышал. Полтора года назад я прочел сообщение о его смерти. Безвременно, неожиданно... И там не была названа причина. Я тогда еще удивился этому.

– Если я все правильно понял, – сказал Гарри, – вы хотите сказать, что герцог приказал убить Удена после того, как тот передал ему «эффект Альбатроса»?

Хельмер кивнул.

– Ну, эта идея достаточно четко прослеживается, не правда ли? И если Делкорд устроил тогда лабораторию в бункере для Удена, то в его руках теперь находится единственный производственный комплекс для этих штук. Ему для этого даже не надо выходить из дому, – он опять ухмыльнулся, – Что он, кстати, и так почти никогда не делает.

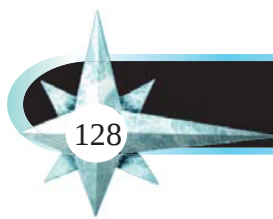
– Это значит, – развила мысль Антонелла, – что нам нужно всего лишь уничтожить бункер – и «эффект Альбатроса» лопнет. Кристаллы в уже оборудованных танках защищены – то есть, почти нет опасности, что они попадут не в те руки. Нужно будет только выявить и разоружить эти машины, – она кивнула. – Звучит неплохо.

– Если не принимать во внимание, – парировал Гарри, – что бункер, как можно понять из самого названия – штука весьма прочная и устойчивая. Предполагаю, чтобы его уничтожить – нужно либо взрывать изнутри, либо атаковать боевыми мехами. А из-за «эффекта Альбатроса» боевых мехов у нас нет.

– Это не совсем точно, – возразил военный разведчик.

Три пары глаз удивленно уставились на него.

– Возможно, что в этом отношении я смогу вам пособить.

Глава 39

*Полевой лазарет, планетарный гарнизон
Тупан, Мэгон
Провинция Ковентри, протекторат Донегол
Лиранское Содружество
4 декабря 2838 года*

– Мы позаботимся о вашем товарище, госпожа оберлейтенант, – заверил медтех и дружелюбно кивнул Масако, в то время как двое его коллег везли кровать, на которой лежал Аким Баликчи, сквозь раздвижные двери отсека. В голубом дневном свете Мэгона он выглядел ещё более больным, чем на корабле. – Через пару недель будет как новенький. Мы будем держать вас в курсе.

Масако оперлась о руку Теруо Мацуды. За спиной остались тяжелые четыре с половиной дня внутрисистемного перелета. На протяжении этой миссии она более привыкла к Акиму, чем отдавала себе в этом отчет – пока он вдруг не оказался в реанимации на другом конце корабля. Неожиданно она поняла, почему каюта посадочного судна напоминала ему металлический гроб: его вещи, лежащие на кровати и спрятанные в стенной шкафчик, постоянно напоминали ей о том, что ее товарищ лежит в медотсеке, весь замотанный в бинты и подключенный к системе искусственного питания. Масако была рада, что они наконец-то добрались до Мэгона. Ей требовалось выговориться, причем для этой цели ей нужна была женщина. Хотя пилот и Хорхе Оливейра прилагали все усилия, ей этого было недостаточно. Кроме того, у обоих мужчин постоянно ощущался на заднем плане сексуальный интерес, хотя оба всеми силами старались его скрыть.

Это была обратная сторона её привлекательности. В большинстве случаев та притягательность, которой она обладала в отношении представителей мужского пола, льстила ей и одновременно развлекала, однако, к сожалению, эту ее особенность невозможно было включать и выключать по желанию. Масако задумывалась о том, даст ли чтонибудь, если она проявит взаимный интерес, однако пришла к выводу, что в данном конкретном случае это роли не играет. Тем не менее, ей не терпелось повидаться с Антонеллой и поговорить с ней, как женщина с женщиной.

– Мы должны пойти доложить в штаб, – напомнил пилот.

Они втроем отправились сопроводить «Скорую» из космопорта в лазарет. Рюкзак Теруо лежал вместе с рюкзаком Масако у входа в вестибюль на откидных стульях, в то время как Хорхе оставил свой висеть на плече. Светловолосый связист глядел на товарищей и на лице его отражалась смесь заботы и скепсиса.

Масако коротко улыбнулась ему и подмигнула, чтобы успокоить. Она все еще оставалась обученным секретным агентом и опасность позабыть об их миссии ей не угрожала. Однако до того момента, как они выйдут на контакт с агентом Нойманном и местными коллегами, они мало что могли предпринять, так что она воспользовалась возможностью не скрывать своих чувств, вместо того, чтобы держать их под жестким контролем.

– Да, надо бы отметить и покончить с этим, – согласилась Масако и отправилась за рюкзаком. Опередив спутников, она покинула госпиталь.

– Куда? – спросила водитель такси, не оборачиваясь.

Масако задумалась. У неё не было адреса, по которому она могла бы отыскать Гарри и Антонеллу, но она знала, что агент Нойманн постарается установить с ней контакт. До сих пор она ничего не слышала о нем, так что решила поступить так же, как поступила бы на Людвигсха-

фене в схожей ситуации.

– Есть тут где-нибудь поблизости бар, где можно получить «Бабайский Урквель»?

Водитель ухмыльнулась и, кивнув головой, тронула такси с места.

– Будет исполнено.

В течении нескольких минут она молча вела машину по улицам в сторону центра. Потом взглянула в зеркальце заднего вида на Масако.

– Вообще-то, я не ожидала увидеть вас в чьем-то сопровождении, агент Шлютер.

Девушка напряглась и взгляд непроизвольно устремился к дверям машины. Насколько она могла видеть, обе дверцы не были заперты, однако справа и слева было множество машин – так что попытка выпрыгнуть на ходу равнялась самоубийству.

– Успокойтесь, Масако. Я – местный агент Мальм. Агент Нойманн попросил меня забрать вас. Если вы не настаиваете на желании выпить «Бабайского», то я отвезу вас прямо к агенту Краузе. Агент Зонненшайн еще не вернулась домой с работы.

Масако расслабилась. Ее взгляд упал на регистрационную карточку такси, висящую с задней стороны водительского кресла. 14CNU. *One for seeing you.* Она тряхнула головой. Очевидно, она и в самом деле слишком увлеклась собственными чувствами и перестала замечать простейшие вещи. Девушка сдвинула рукав униформы и взглянула на часы Акима, которые носила с тех пор, как он попал на больничную койку. Цифры на календаре светились голубым.

– Обычно я так туго не соображаю, но в данный момент немножко отвлеклась. Мы натолкнулись по дороге на прыжковый корабль Синдиката и Акима тяжело ранило. Он лежит сейчас в полевом лазарете.

Мальм с озабоченным видом склонилась влево.

– Насколько серьезно?

– Врачи заверили меня, что с ним все будет в порядке, но он на несколько недель выпадает из работы.

– Н-да, агенту Нойманну это не слишком понравится, – заключила водитель такси. – У нас тут начинается горячее время. Наши противники уже проникли в резиденцию архонета. Если мы не сможем быстро с этим разобраться – вся миссия может оказаться проваленной, – она прервалась, чтобы энергичным гудком отогнать пикап, нацелившийся припарковаться во втором ряду. – А что там насчет радиста, о котором вы писали с Людвигсхафена?

– Хорхе Оливейра. Он подумывает подать заявление в Корпус. Неплохой паренек и если дать ему шанс – может нам сильно пригодиться. С другой стороны, экипаж моего «Демона» состоит с момента выхода из строя Акима из двух человек – из меня и Хорхе. Так мы далеко не уедем.

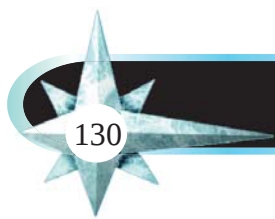
– Танк нам всё равно непосредственно не понадобится, – успокоила ее Мальм. – Я думаю, ваш Оливейра будет нам гораздо полезнее, если переведется на другую должность. Я поговорю с Нойманном, – такси завернуло к стоянке у центрального вокзала. – Приехали, – она притормозила возле главного входа, открыла бардачок и передала Масако билет. – Четырнадцатый перрон, третий вагон. Там вас ждет агент Краузе. Его сейчас зовут Хэнк Кейн. Седые волосы и усы. До отправления восемь минут.

Масако с удивлением взяла билет.

– Сегодня, похоже, день неожиданностей. И куда мы едем?

– Забирать ваши мехи, – объяснила агент Мальм, вышла из машины и подошла к задней двери, чтобы отворить ее перед пораженной в третий раз за последние полчаса Масако.

Путешествие в поезде прошло спокойно и дало Масако возможность расслабиться. Гарри, он же Хэнк Кейн, радостно приветствовал ее и отвел в зарезервированное купе магнитного состава. Пока они мчались по полям и лесам со скоростью двести километров в час, оба болтали о всякой всячине и Масако пыталась составить себе из намеков Гарри картину его с Антонеллой приключений и нынешнего прикрытия. Ее коллега, похоже, слыла на Мэгоне его дочерью, а когда он показал ей фото, Масако убедилась, что Антонелла нанесла себе для этой цели искусственный загар – что было ей весьма к лицу.

Примерно через час они приехали в Касогану, второй по величине город континента и столицу одноименной провинции, как Масако узнала из прикрепленной к стене вокзала таблички. Войдя в вестибюль, Гарри повернулся к ней.

– Ты ела что-нибудь с тех пор, как прибыла на планету?

Масако хотела было сказать, чтобы он не беспокоился, но при упоминании о еде в её животе заурчало и ей пришлось признаться, что жутко голодна.

– Замечательно, – улыбнулся ее шеф. – Я тоже не ел, а до нашей цели ещё далеко. Кроме того, нам стоило бы подождать до вечера. Я предлагаю поискать какой-нибудь ресторанчик и продегустировать местную кухню.

Ангар находился на краю промышленного парка, всего лишь в паре сотен метров от грузового космопорта. На посадочном поле возвышались два огромных шарообразных посадочных корабля класса «Мул» и целые составы погрузчиков сновали от них к различным складским помещениям. На другой стороне поля, за корпусами управления, виднелась огражденная колючей проволокой территория, выглядевшая, как военная база. Масако молча указала на нее кивком головы.

– Гарнизонный пост, – объяснил Гарри, – В данный момент – с минимальным составом. Два взвода пехоты и танковое звено. Для нас они не играют роли, если мы не привлечем их внимания, – он двинулся вперед, в сторону передней части ангара, после чего завернул за угол и оказался у бокового входа. Здесь он остановился и довольно воззрился на бетонную стену.

– Выглядит не слишком впечатляюще, а?

Масако была согласна с этим – впрочем, Гарри, как и она, конечно же, понимали, что внешность далеко не всегда соответствует внутреннему содержанию. И все же, она удивилась.

– Разве это не гражданский ангар?

– Он самый, – подтвердил Гарри. – И, если быть точным, мы как раз собираемся взломать вход в него, – он вынул из кармана перекодировщик и прикрепил его к электронному дверному замку, – Будем надеяться, что сигнализации нет.

Масако склонила голову и закрыла глаза. Потом она повернулась, оперлась о стену и стала незаметно наблюдать за окружающим пространством. На них никто не обращал ни малейшего внимания, но она знала: пока делаешь вид, что точно знаешь, чем ты занят – на территории производственного комплекса ты никого не заинтересуешь. Тем более, если выглядишь несколько нервно – что давалось ей в данном случае достаточно легко. Она взглянула на часы.

– Вуаля! – объявил ее коллега и открыл дверь, – Милости прошу.

Масако оттолкнулась от стены здания и вошла внутрь. Здесь было темно и в воздухе висел сухой, пыльный запах годами не проветривавшегося помещения. В слабом вечернем свете, лившемся из полуоткрытой двери, ничего нельзя было разглядеть. В ангаре могло быть все, что угодно: грузовые контейнеры, машины... или попросту ничего. Она поправила себя: пусто здесь не было. Слишком тихо звучали ее шаги.

У нее за спиной Гарри закрыл дверь – стало совершенно темно.

– Так, рубильник где-то здесь... а, вот он, – она услышала резкий щелчок и по всему потолку стали медленно разгораться люминисцентные светильники.

Сначала проявились лишь огромные, угрожающие тени, потом вдруг в одну секунду весь зал осветился и у Масако перехватило дыхание. Прямо перед ней застыли шесть гигантских боевых мехов в красно-белой парадной лакировке.

Глава 40

*«Уорлд Линк Ньюс», Тупан, Мэгон
Провинция Ковентри, протекторат Донегол
Лиранское Содружество
4 декабря 2838 года*

– И в развалинах – одинокий свидетель человеческой трагедии... – входя в кабинет с рабочим планом новостного выпуска, Антонелла услышала привычный голос Альберта Гриметта, звучавший из тривид-монитора.

Сюзанна Келлинг с раздраженным выражением лица сидела за письменным столом, держа в руке пульт дистанционного управления. Репортер сдвинул свой стул немного в сторону и наблюдал за изображением с малоубедительной невинной миной.

– Замечательный рейтинг! – заметил он.

– Пока что! – парировала заместительница главного редактора. – Но это лишь вопрос времени, когда последний зритель заметит, что у тебя каждую катастрофу наблюдает один и тот же одинокий свидетель человеческой трагедии, – она выключила монитор. – Я тебя предупредила о том, что случится, если я еще хоть раз увижу этого зайца? Давай сюда! – она требовательно протянула руку.

– Давай сюда что? – Гриметт продолжал играть святую невинность и оскорбленно выпрямился, – Я совершенно не понимаю, о чем вы толкуете!

Келлинг яростно скрипнула зубами.

– Ты отлично знаешь, о каком зайце я говорю! Давай сюда... – она повернулась к Антонелле и спросила: – Как там бишь его зовут?

– Харви, – автоматически ответила девушка.

– Вот именно! Даже Джой уже знакома с ним – а ведь она у нас и месяца не проработала. Так что не прикидывайся овечкой. Гони зайца.

С перекошенным лицом Альберт поднял с пола сумку и вытащил из нее плюшевую игрушку, протянув ее через стол Сюзанне.

– И перепачканный кровью детский ботинок тоже!

– Но я же его уже несколько месяцев не...

– Знать ничего не желаю! Давай сюда, – прервала его Келлинг, – Для профилактики. Кроме того, на твоём следующем задании он тебе точно не понадобится, – она победно улыбнулась, – Выбирай: госбюджет на следующий год или новый репертуар придворной оперы?

Гриметт недоверчиво уставился на нее. Какой-то момент он не мог выдавить из себя ни звука, потом просипел:

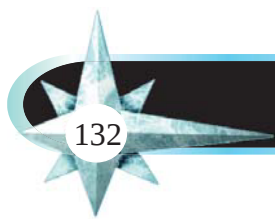
– Бюджет? Опера? А почему не сразу – уровень воды в реке?

– Потому что мы не сообщаем об изменениях уровня воды, этим занимаются государственные каналы. Впрочем, я не хочу стоять на твоём пути к славе. Если ты хочешь сообщать об уровне воды...

– Нет! Не хочу! – замахал руками репортер и заковылял к двери. – Бюджет! Опера! Когда уже этот чёртов Джордж вернется из отпуска?

Келлинг довольно вытянулась в кресле.

– Он это переживет, – сказала она Антонелле, – Просто время от времени его нужно притормозить, чтоб он не слетел с катушек и не лишил нас лицензии своими высосанными из пальца человеческими трагедиями, – она помрачнела, – Только этого нам сейчас недоставало. После этой порнухи со Сциллой в главной роли наше разрешение на трансляцию на волоске висит.

Ты не знаешь, что за прыщавый недоросль-юморист позволил себе устроить эту шуточку?

Антонелла с сожалением покачала головой.

– Понятия не имею. Я бы предположила, что это Хельмер или Альберт, но Хельмер лежал в больнице, а Альберт не удержался бы от того, чтобы опубликовать свой копирайт.

– Именно так я и думаю, – кивнула Келлинг. – Не то, чтобы это не имело своей приятной стороны. Без Сциллы работа идет куда лучше, – она протянула руку. – Это план? Спасибо.

Антонелла кивнула в ответ, передала Сюзанне распечатку и отправилась обратно, в помещение редакции. По дороге к кофейному автомату она миновала письменный стол Альберта Гриметта. Репортер сидел в кресле с цветком, который украл из вазы на столе Келлинг, и меланхолично обрывал лепестки.

– Бюджет, опера, бюджет, опера, бюджет, опера... Да я от одних этих слов засыпаю...

Антонелла остановилась возле него.

– Я всегда думала, что для хорошего репортера скучных сюжетов не бывает. Вопрос лишь в том, как их подать.

Альберт раздраженно развернулся вместе с креслом к ней.

– Ты надо мной смеешься?

– Никогда бы не посмела смеяться над мастером своего дела, – как и в случае с Келлинг, она оставалась совершенно серьезной. – Я просто думаю – вся штука в том, с какой стороны к такой истории подойти.

– Пра-авда? – заинтересованно протянул репортер, – И как же ты, к примеру, сделаешь интересными цифры бюджета?

Этого вопроса Антонелла ожидала.

– Ну, насколько я понимаю, новый бюджет предусматривает дальнейшее сокращения социальных выплат, так? Деньги – любимая тема Делкорда...

Альберт кивнул.

– Отлично. Так вот, я бы покопала там, куда эти сокращения ударят. В рабочих кварталах, например. Среди безработных, – она радовалась тому, что полчаса назад получила телефонный звонок от агента Нойманна, но не давала радости выплеснуться наружу. – Или нет – в больницах! С одного из двух недавно приземлившихся посадочных кораблей кого-то немедленно доставили в полевой лазарет. С мигалками. Готова поспорить, что этот тип не слишком обрадуется сокращениям в бюджете здравоохранения.

Она не стала упоминать о том, что военные лазареты финансируются из военного же бюджета. Во-первых, это, возможно, повредило бы ее плану, во-вторых же – она была уверена, что Гриметту на это было так или иначе наплевать. Она видела, что он проглотил наживку и в мыслях уже прикидывает, как бы добыть как можно более шокирующие кадры, а если это потребует немного безрассудного героизма – что ж, тем лучше.

– Да, неплохо, – пробормотал топ-репортер. – Как я погляжу, моя школа приносит свои плоды. Так держать, девочка – и однажды ты станешь классной журналисткой, – он повернулся к компьютеру и начал лихорадочно печатать.

В обычных обстоятельствах подобным замечанием Гриметт заслужил бы быстрое и болезненное напоминание о том, как должно себя вести в присутствии дамы, но раз уж онотреагировал именно так, как ей хотелось, Антонелла простила ему этот тон. Довольная, она взяла чашку зеленого «Эрл Грея» и вернулась на свое место.

На экране ее компьютера беззвучно крутился скринсейвер: фрагмент из скандального видео со Сциллой Сольвейг. Антонелла вытянула под столом ноги и удовлетворенно отхлебнула горячий чай.

Глава 41

*Касогана, Мэгон
Провинция Ковентри, протекторат Донегол
Лиранское Содружество
4 декабря 2838 года.*

Гарри Краузе был просто в восхищении. Когда Джим Фитцпатрик рассказал им о боевых мехов на этом складе, он хотя и говорил о нескольких тяжёлых и средних машинах, но в подробности не вдавался. Возможно, потому, что не знал их сам. В конце концов, по его собственным словам, он этот ангар не посещал – чтобы не привлечь внимания к стоящим в нем машинам после того, как стёр всякое упоминание о них из военной компьютерной базы: признак дальновидности со стороны офицера ВР, который до сих пор изумлял Гарри. Может быть, он все эти годы недооценивал военную разведку. Одновременно, он всё ещё был склонен приписывать постоянные поражения лиранских войск то от Марика, то от Куриты, наряду с тлетворным влиянием «паркетных генералов» Содружества, некомпетентным докладам ВР. Он покачал головой. Здесь и сейчас это было совершенно неважно. Суть была в том, что они нашли шесть единственных на Мэгоне дееспособных боевых мехов. Все остальные металлические гиганты на планете давно уже по приказу Делкорда отправились в переплавку. Только эти полтора звена ухитрились незаметно пережить волну уничтожения. Он прошёл дальше внутрь ангара, глядя на молчаливые гигантские фигуры, застывшие перед ним. Выкрашенная белым вплоть до красного жерла автопушка указывала в потолок в типичной походной позиции с плеча «Шэ-доу Хока».

– Мне это снится или они настоящие? – спросила Масако Шлютер, подойдя к Гарри. Её волнующий аромат смешался с пыльным воздухом ангара и победил запах запустения. Хотя во время поездки и за обедом Краузе имел возможность снова привыкнуть к присутствию красавицы-евроазиатки, он заметил, что мысли его стали подозрительно разбегаться. Он попытался собраться.

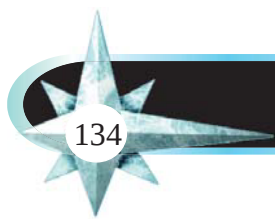
– Тебе не снится. То, что ты видишь здесь, Масако-сан – гордые останки «Громил Риммера», одного из лучших подразделений наемников всей... ну, половины бескрайней провинции Ковентри. Если уж на то пошло. А точнее, «Громилы» были одной из тех частей, что существуют два-три года, после чего бесследно исчезают. Но оборудование у них было великолепное, – он сделал руками широкий жест. – Мы в этом сами можем убедиться. Потом, как выяснила агент Мальм, «Громилы» распались в основном потому, что Содружество под руководством архонта Дженнифер брал с них больше за ремонт и обеспечение, чем платил им же по контрактам.

– Архонт Дженнифер? – Масако в изумлении отступила на шаг назад, – Это что же получается, эти мехи стоят здесь более сорока лет?

– Так и есть, – кивнул он. – После того, как подразделение по уши влезло в долги перед Содружеством, мехи были конфискованы и законсервированы здесь. Большинство наемников смирилось с судьбой и записалось в ЛВС, чтобы получить свои машины обратно – так же, как, скажем, «Безумные Шляпники» примерно в то же время. Но Риммер был слишком упрям для подобных вещей. Он настаивал на том, что найдет необходимые деньги где-то на стороне и выкупит мехи. И он поклялся, что как только сделает это – порвет все отношения с домом Штайнеров.

Масако поджала губы.

– Дай-ка угадаю. Он не собрал денег, – она побрела между машинами и Гарри последовал за ней. Они прошли мимо мощного «Скорпиона», протершего четыре свои насекомообразные

ноги до самой стены ангара.

– Как минимум, непохоже на то, правда? Кроме шуток: о нём и его людях никто никогда больше ничего не слышал. Даже ЛРК не знает, что с ними случилось.

Это заставило Масако удивленно поднять брови. Гарри мог ее понять: Лиранский Разведывательный Корпус весьма ревностно отслеживал передвижения военных, питающих антипатию к дому Штайнеров.

– Кто знает – может, он ещё где-нибудь пытается собрать деньги на выкуп своих мехов. Хотя, конечно, с каждым годом это становится все более невероятным. Вряд ли он еще когда-нибудь появится. Так или иначе, но эти машины собрали здесь... и забыли о них.

– Похоже, забыли напрочь.

– Совершенно верно, – засмеялся Гарри. – Собственно, этой амнезии поспособствовал один наш друг, который успел нам уже помочь и в других вопросах. Ты с ним еще познакомишься – Джим Фитцпатрик из ВР. Когда Делкорд превратился в мехоненавистника, он приказал заглушить и обезвредить все боевые мехи ЛВС на Мэгоне, но эти шесть не принадлежат ЛВС, поэтому приказ на них не распространялся. И когда Джим нашел упоминание о них в одной из баз данных, он просто стер эти файлы и все упоминания об их существовании. Так что, если спросить в мэгонской администрации – эти машины попросту не существуют.

Масако постучала по красной лакированной поверхности «Виверна».

– Удивительно. Могу поклясться, что тут что-то есть. Но если администрация так считает...

Гарри ухмыльнулся.

– На счастье для нас. Делкорд производит чипы с «эффектом Альбатроса» в лаборатории, расположенной в его резиденции, которую несколько лет назад приказал построить для одного теха, желавшего всего лишь улучшить систему управления мехом. Очевидно, что-то у него пошло наперекосяк и вместо этого он обнаружил «эффект Альбатроса». Нет никаких указаний на то, что где-нибудь имеется еще одна лаборатория, в которой могли бы производиться чипы с вирусом, так что мы непременно должны уничтожить эту. А так как она находится в бункере – нам нужны мехи.

Масако кивнула.

– Понимаю, – она огляделась, – «Уорхаммер», «Орион», «Тандерболт»... Этого должно с лихвой хватить на один-единственный бункер, – она заколебалась. – Насколько он старый?

Гарри успокоил ее.

– Он был построен ещё до изобретения боевых мехов. Проблемы не составит. Предполагаю, хватило бы одного-единственного меха.

– При условии, что он не попадет под действие «эффекта Альбатроса». Я склонна предположить, что на Мэгоне Делкорд оборудовал этими чипами все свои танки.

– Само собой, – кивнул Гарри. – Поэтому все должно быть сделано «на глазок». Никаких сенсоров, пассивных или активных, никакого автоматического захвата цели. Только телеоптика. Так, как ты действовала на Людвигсхафене до того, как заработали сенсоры на твоём «Фениксе». Так что один из мехов в любом случае поведешь ты. В конце концов, ты уже один раз попала, пользуясь исключительно глазомером. Так что неподвижный бункер не будет для тебя проблемой.

Она засмеялась.

– Ну, чтобы попасть в бункер, я вам не понадобится. Для этого особых талантов не требуется. Он же не может сбежать, – Масако вдруг посерьезнела. – Я больше беспокоюсь о танках. Может так получиться, что на двухсоткилометровом пути до Тупана мы встретим экипаж, с которым мы с Акимом служили на Людвигсхафене или летели сюда на «Голубе Свободы». А если даже нет – мне бы не хотелось стрелять по лиранцам.

Гарри мог понять ее замешательство. В конце концов, Масако находилась в собственной стране и экипажи танков, которые преградят ей дорогу в Тупан – её земляки. Не говоря уже о том, что каждая боевая машина, которую она повредит при исполнении этой миссии, не сможет помочь Лиранскому Содружеству защититься от внешних врагов.

Прыжковый корабль Синдиката, на который наткнулись по дороге Масако и Рыбак, был недвусмысленным напоминанием о том, что в космосе не существовало настоящих фронтов и враг мог напасть где угодно и в любую секунду. И только въевшееся в костный мозг нежелание команд прыжковых кораблей лететь от одной необжитой системы к другой, опасаясь полной беспомощности в случае неполадок, предотвращало десанты Лиги или куритян даже в глубинах протектората Донегол.

– Мы постараемся, чтобы мехи не были обнаружены как можно дольше. Кроме того, танкисты тоже не дураки. Если они увидят, что боевые мехи не поддаются на «эффект Альбатроса», то они, скорее всего, подумают дважды, прежде чем открыть огонь.

Его коллега остановилась возле «Уорхаммера».

– Вот этот. Я его беру. Назову его «Рыбак». Аким это заслужил.

Гарри кивнул. За обедом Масако рассказала ему, как Баликчи дрался в АКИ против Синдиката.

Она смерила взглядом свой мех.

– У нас есть время нарисовать здесь штайнеровский кулак? – спросила девушка. – Не помещает показать танкистам, что они тоже собираются стрелять по своим.

– Конечно. Мы тут сегодня так или иначе только потому, что должны были ознакомиться с матчастью. Акция должна быть еще на пару дней отложена. Мы ещё не всё подготовили.

– Кроме того, само уничтожение лаборатории – это ещё не все, – напомнила Масако. – Машины можно заменить, если знаешь, как и что они должны производить. Нам нужен этот тех. И архонет.

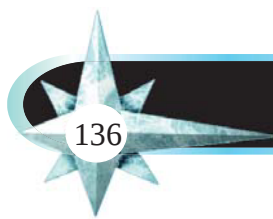
Гарри успокоил ее.

– Тех уже мертв. Умер полтора года назад. Агент Нойманн приказал эксгумировать могилу – сегодня утром пришло подтверждение. Труп – тот самый. А о герцоге Делкорде я сам позабочусь, – он взглянул на «Уорхаммер». – Так или иначе, кто-то должен устроить саботаж охраны резиденции.

Масако, успевшая начать карабкаться по лестнке к кабине, остановилась на уровне колен меха.

– Это что же, выходит – ты не будешь управлять одной из этих машин?

– Нет, не буду. Собственно, мы рассчитывали на троих пилотов, но теперь, когда Аким вышел из игры, ударной бригадой придется стать тебе с Антонеллой.

Глава 42

*Касогана, Мэгон
Провинция Ковентри, протекторат Донегол
Лиранское Содружество
10 декабря 2838 года*

Антонелла Зонненшайн почувствовала явный приступ дежа-вю, снимая одежду в пилотской кабине меха. Во второй раз на протяжении этой миссии, она готовилась вести в бой «Шэдоу Хок». Окружающая обстановка, идентичная прежней во всем, вплоть до потертостей на пилотском кресле и рычагах управления, делала каждое движение почти что пугающим повтором, пока она надевала массивный хладожилет и устраивалась на сиденье. Антонелла провела рукой по свежевыбритой мех-тонзуре на затылке. Используя сегодняшним пятничным утром бритвенный аппарат, она окончательно отправила в могилу Джой Кейн. Отныне Антонелла снова была сама собой и кто бы ни попался ей на пути, должен был поостеречься. Она довольно оскалилась и подключила хладожилет к основанию кресла. Когда охлаждающая жидкость начала циркулировать по вшитым в материал пластиковым капиллярам, отбирая тепло у тела, девушка невольно поёжилась.

Она быстро закрепила биосенсорные пластыри на коже и продела провода сквозь отверстия на жилете. Теперь – переключатели. К счастью, у них было достаточно времени, чтобы за прошедшие несколько суток полностью зарядить батареи обеих машин, которые выбрали Антонелла и Масакко – а то после сорока лет остававшейся в законсервированных аккумуляторах электроэнергии едва хватало на поддержание аварийного освещения в кабине. Инструментальная панель и экраны засветились, в кокпите включился полный свет, облегчая предстартовую подготовку. Антонелла осмотрела свои ладони в свете терраламп. После месяца, проведенного на Мэгоне, она едва не забыла, какого цвета у нее кожа на самом деле.

Она внутренне собралась. Дело принимало серьезный оборот. Антонелла быстро пристегнулась и подняла руки, снимая нейрошлем с захватов у себя сзади над головой. Стационарный шлем без труда был закреплен на плечевых подкладках хладожилета. Убедившись, что его сенсоры точно прилегают к выбритому месту на затылке, девушка подтянула фиксаторы и подключила к нему кабель, болтавшийся до сих пор спереди жилета. Она сконцентрировалась, чтобы не допустить ошибки.

На вспомогательном экране появился проверочный список запуска меха. Она внимательно выполняла один за другим его пункты, сознательно следя за тем, чтобы не притронуться ни к одному переключателю из тех, что запускали внешние сенсоры и системы наведения на цель. Только блокировав все возможные пути проникновения вируса в машину, они могли надеяться, что без помех доведут свои мехи до цели, где их ждал Харальд. Она заметила, что руки вспотели. Никто из них никогда еще не пытался запустить мех без сенсоров и систем целенаведения. Антонелла не знала, как отреагирует компьютер на это отступление от стандартного протокола – у них, конечно же, не было возможности провести генеральную репетицию накануне, иначе они со стопроцентной гарантией были бы обнаружены расположенным в паре сотен метров от ангара гарнизонным постом. Хотя агент Нойманн и заверил их, что его техи его успокоили на этот счет, но Антонелла отлично осознавала, что это она, а не техи, рискует своей едва прикрытой задницей в кокпите этого стального монстра.

Она услышала и ощутила глухое завывание – это глубоко в недрах машины ожил термоядерный реактор – и немного успокоилась. Как минимум, этот шаг был сделан.

– Протокол безопасности, предварительная ступень. Проверка доступа. Пожалуйста, введи-

те первую часть кода доступа, – послышался в шлемофоне синтезированный женский голос компьютера.

Антонелла вынула листок бумаги, который спрятала в боковой карман хладожилета. К счастью, Джим Фитцпатрик позаботился о том, чтобы переписать себе коды, которыми ЛВС заменили пароли наемников, когда конфисковали у них мехи, прежде чем стереть их из базы данных. Таким образом, не пришлось взламывать защиту, чтобы запустить машины.

– Лиранские Вооруженные Силы, мехподразделение запаса, опознавательный код – Риммер-Красный.

– Пожалуйста, введите вторую часть кода доступа.

– Кто хлеб в постели свой не ел, тому и крошки не мешают, – тех, консервировавший «Мадам Медузу», похоже, обладал весьма своеобразным чувством юмора.

– Доступ подтвержден. Желаете ли вы персонифицировать этот мех?

– Да. Имя – «Мадам Медуза». Имя мехпилота – Антонелла Зонненшайн. Агент, команда «Альбатрос», ЛРК.

– Данные сохранены. Введите секретный пароль.

Она ненадолго задумалась, потом улыбнулась, вспомнив редакционную поговорку с «Уорлд Линк Ньюс».

– Мёртвые капелланцы не считаются.

– Ввод данных подтвержден. Протокол безопасности успешно завершен. Добро пожаловать, агент Зонненшайн. «Мадам Медуза» ждет твоих приказов, – короткая пауза, после чего: – Системы обнаружения, предупреждения и наведения деактивированы. «Мадам Медуза» находится в ограниченной боеготовности. Игнорировать и включить контроль оружия?

– Всенепременно, – ответила Антонелла, – Включить контроль оружия. Сенсоры и захват цели остаются деактивированными.

Освещение в кабине погасло и на основном экране появился крестик прицела – как простое чёрное перекрестие векторов. Довольная, Антонелла открыла лазерную комм-связь с коллегой.

– «Альбатрос-два» – четвертому. Как там у тебя дела, Масако?

– Всё отлично, Антонелла. «Рыбак» немного поартачился, когда я отказалась включать сенсоры, но ему придется с этим смириться.

Она засмеялась.

– «Мадам Медуза» тоже покапризничала, но я рада, что техи оказались правы и нам нечего опасаться.

– Я тоже, – подтвердила Масако, – Арсеналы полны, аккумуляторы заряжены?

Быстрый взгляд на индикаторы.

– Статус зелёный. У тебя как?

– Лучше не бывает. Как по мне, так можем двигаться.

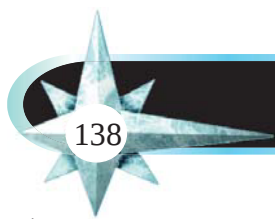
Антонелла взглянула на часы. Они неплохо вписывались в график.

– Что ж, с Богом. До особого распоряжения поддерживаем радиомолчание, связь только через комм-лазер.

– «Альбатрос-четыре» – приказ понят.

Вытерев руки о жилет, Антонелла взялась за рычаги управления. Она легко двинула их вперед и почувствовала, как «Шэдоу Хок» качающимися шагами двинулся к выходу. На другой стороне ангара огромный красно-белый «Уорхаммер» повернулся к центру в ожидании, когда мимо него пройдет машина Антонеллы, чтобы последовать за ней. Шаги металлических колоссов сотрясали здание.

Короткий радиосигнал открыл ворота ангара и внутрь ворвался шум космопорта. Никто не обращал внимания на ворота, пока из них не появился первый боевой мех. Приглядевшись, Антонелла заметила изумление на лицах портовых грузчиков, которые обернулись и увидели двух стальных гигантов, марширующих по посадочному полю, словно на свете никогда не существовал никакой герцог Делкорд, объявивший им войну. Но десятки лет, за которые

сформировалась привычка, не могут быть стерты за столь короткое время. Когда ворота ангара закрылись, а никто из официальных лиц не отреагировал на появление мехов, рабочие снова вернулись к своим делам.

Антонелла была рада, что Гарри позаботился о том, чтобы сообщить от имени финансового управления руководству космопорта о перброске двух реквизируемых у наемников мехов. Если они хотели подольше оставаться незамеченными – им совершенно не была нужна паника на космодроме. Документы на переброску Масако заверила у начальника портовой смены еще до того, как они отправились в ангар.

Взгляд Антонеллы скользнул дальше, к забору гарнизонного поста. Они специально выбрали для проведения акции пятничный вечер. Казармы и ангара для техники прятались в непроницаемой темноте. Все солдаты, за исключением постовых у входных ворот и на другой стороне базы, либо были в увольнении, либо спали. А шум космопорта, как надеялись агенты, заглушит движения обоих боевых мехов. Если часовые услышали ритмичный грохот – они должны были подумать, что эти звуки издает промышленный мех, и не обращать на них внимания.

Не включая прожектора, «Рыбак» и «Мадам Медуза» двигались через пространство космопорта в сторону открытого поля и столицы. Им предстояло пройти еще примерно двести километров, но за пределами города они могли ускориться до шестидесяти километров в час и добраться до резиденции за три с половиной стандартных часа.

Если их не задержат по дороге. Для страховки план предусматривал на дорогу четыре стандартных часа.

– До сих пор все выглядит неплохо, – заметила Масако через защищенную от прослушивания и заметную лишь на близком расстоянии комм-лазерную связь. – Если сейчас ещё Хорхе сработает как следует, то у нас будет спокойное путешествие.

Хорхе Оливейра подал рапорт в генштаб Свободных бригад, прося о возможности «вносить осмысленный вклад в общее дело», пока его «Демон» не обретет вновь полный экипаж – и агенту Нойманну удалось устроить его на радиолокационную станцию «Тупан-Западный», отвечающую за тот пригород столицы, из которого должны были появиться Масако и Антонелла. Он должен был позаботиться о том, чтобы их приближение не вызвало тревоги.

Для агентов время проходило сравнительно быстро – они использовали его, чтобы наверстать то, чего им недоставало в суете прошедших дней. После того, как они всю неделю, не покладая рук, трудились над подготовкой финального нападения, девушкам было приятно несколько часов поболтать друг с другом, не опасаясь быть прерванными или подслушанными.

Они занимались этим пару часов, пока на полпути на открытом радиоканале не зазвучал голос.

– Неопознанные боевые мехи,двигающиеся курсом на Тупан, идентифицируйте себя или мы откроем огонь.

Почти одновременно с неба ударили два ярких лазерных луча, проведя две борозды в почве перед машинами агентов. Антонелла вздернула голову вверх и увидела, как в небе над нею проносятся два аэрокосмических истребителя.

Глава 43

*Герцогская резиденция, Тупан, Мэгон
Провинция Ковентри, протекторат Донегол
Лиранское Содружество
10 декабря 2838 года*

Гарри Краузе взглянул на часы и довольно улыбнулся. Антонелла и Масako должны были выдвинуться из Касоганы примерно два часа назад, а никакой тревоги до сих пор никто не объявлял. Всё шло по плану. Он закрыл папку, лежащую рядом с ним на письменном столе, и переложил ее на стоящую поблизости тележку, чтобы взять следующую. Напротив него Лидия Мюллер от души зевнула и так потянулась, что ее грудь чуть не разорвала блузку. Гарри не в первый раз удивлялся её подвижности после столь долгого сидения на жёстком офисном стуле.

– Вы шутите, Хэнк? – прокомментировала она его действия, – Вы что, вообще домой не собираетесь?

– Отправляйтесь спокойно домой, Лидия, – ответил Гарри. – Я всего лишь хочу закончить сегодня с этой секцией, прежде чем отправиться наслаждаться выходными. Чтобы в понедельник заняться чем-нибудь новеньким.

После спровоцированных Альбертом Гриметтом на УЛН и хорошенько подогретых людьми агента Нойманна протестов против бюджетных сокращений архонета Делкорда, герцог решил озадачить финансовое управление проверкой правительственных отчетов и разработкой новых предложений к бюджету. Гарри не понадобилось много усилий, чтобы заполучить рабочее место в заднем крыле резиденции. Теперь ему нужно было лишь позаботиться о том, чтобы на достаточно длительное время остаться здесь в одиночестве и проникнуть в компьютерную систему дворца.

Его коллега, покачав головой, выключила свой терминал и встала.

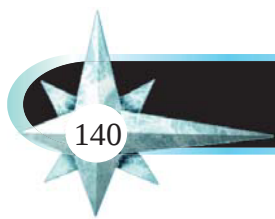
– Я никогда не пойму, как вам удалось найти жену, да еще и произвести на свет Божий дочь. Или было такое время, когда для вас существовало еще что-нибудь, кроме цифр? – она подождала ответа, но когда он всего лишь молча улыбнулся ей, пожала плечами и отправилась к вешалке у двери. – Спекся мужичок, окончательно спекся – бормотала она, надевая плащ, забирая с крючка сумочку и исчезая в коридоре.

Гарри подождал еще пару минут, пока не увидел ее, идущей по внутреннему двору в направлении выхода. Тогда он закрыл бухгалтерскую программу и вошел с помощью кода доступа Маккензи в систему управления защитой герцогской резиденции. Он пошевелил плечами и потянулся, хрустнув костями. Потом сцепил пальцы и наклонился назад. Наконец-то он мог сбросить с себя личину унылого бухгалтера и показать, на что был в самом деле способен.

В течении пары мгновений он ворвался во внутреннюю жизнь резиденции. Как и с первого дня бухгалтерской проверки, Гарри убедился сначала, что никто не открывал двери в лабораторию бункера с того момента, как там побывала Антонелла. Довольный, что тайна «эффекта Альбатроса» все еще не была никем обследована, он начал отдавать системе одну команду за другой.

– Добрый вечер, Ваше сиятельство. Хотя, боюсь, вам он не сулит ничего хорошего, – правой рукой Гарри вытащил лазерный пистолет из внутреннего кармана куртки, одновременно левой закрывая дверь в герцогскую библиотеку.

– Что? Что такое? Вы кто? В чем дело? – Кристиан Делкорд был совершенно растерян. Он уставился на оружие в руке Гарри, уронив книгу, которую читал. Потом в панике оглянулся в

поисках укрытия. – Чего бы вы ни хотели – мы можем обо всем договориться.

– О, я рад это слышать, Ваше сиятельство. Может быть, за бокалом вина? Я наглотался пыли над вашими бухгалтерскими книгами, знаете ли. Вы позволите мне взять себе что-нибудь? – он отправился к бару, оформленному, как и все помещение, в футуристическом стиле, не спуская при этом глаз с Делкорда.

– Конечно-конечно, мой винный запас – к вашим услугам. Могу ли я попросить вас налить также и мне? – герцог указал на стол, на котором стоял поднос с полупустым графином и бокалом.

– Прошу вас, – великодушно позволил Гарри. – Чай, мы здесь тоже люди, – он налил себе бокал замечательного токайского с Фериеги и сел напротив архонета, положив пистолет на колено – не сводя, впрочем, ствола с собеседника. – Вы, полагаете, задаетесь вопросом – зачем я здесь?

Делкорд на удивление быстро пришел в себя и выглядел даже расслабленным, откинувшись на спинку кресла с бокалом в руке.

– Я подозреваю, вы хотите денег.

Гарри засмеялся.

– Вот видите, я от вас ничего иного и не ожидал. Но вы ошибаетесь: я здесь для того, чтобы привлечь вас к ответственности, – он отставил бокал с вином и сорвал с себя накладные усы, – Ааах, какое облегчение. Вы даже не догадываетесь, как этот клей чешется, если пару часов подержать эту дрянь на лице. Но я, кажется, был невежлив и даже не представился, – он изобразил легкий поклон, – Меня зовут Харальд Краузе. Агент Харальд Краузе, Лиранский Разведывательный Корпус.

Эти слова заставили архонета почувствовать неуверенность. Он озабоченно взглянул на дверь.

– Вы сказали, Разведывательный Корпус?

– Именно это я и сказал, – подтвердил Гарри. – Кстати, если вы ожидаете прибытия охранников, которых вызвали кнопкой под столом – вынужден вас разочаровать. Естественно, я отключил сигнализацию во всей резиденции, прежде чем нанести вам визит. А солдаты отправились в увольнительные на выходные, – он склонил голову, наслаждаясь проступающими на лице Делкорда признаками паники. – Смены караула также не предвидится. Один из моих сотрудников был так любезен изменить служебное расписание таким образом, что все приписанные к этому зданию подразделения получили сообщение, что на этих выходных дежурство несет кто-нибудь другой. Мы с вами одни.

Делкорд сглотнул. Предположительно, в его мозгу всплывали сейчас все его преступления перед домом Штайнеров.

– Что вам нужно от меня? Что я такого сделал?

Харальд ошарашенно уставился на него.

– Я что, в самом деле должен это все перечислять? Я даже не знаю, с чего начать. Недозволенное расширение зоны влияния далее одного прыжка от вашей столицы. Можно было представить себе, что ощущения власти архонета должно было быть достаточно – так нет же... – он покачал головой. – И если уж мы заговорили о титуле архонета: вы получили его, помимо прочего, для того, чтобы заботиться о выживании подчиненных вам колоний. И что вы делаете, едва получив их под начало? Вы приказываете очистить Мускатин и Эль Аиди.

– Это был мудрый шаг, – прервал его Делкорд. – Освоение этих систем было экономически невыгодно. Они только постоянно висели тяжким грузом на бюджете.

– Так же, как и любая колония определенное время, – отбросил Гарри попытку оправдаться. – И пожалуйста, не начинайте опять насчет экономики. Правду сказать, она меня совершенно не интересует, но то, чего я насмотрелся за четыре недели работы в вашем финансовом управлении в плане постоянных нарушений антимонопольного законодательства Содружества, не говоря уже о кодексе законов о труде и охране окружающей среды... – он не закончил фразу, сменив вместо этого тему. – Но давайте не размениваться на мелочи. Перейдем сразу к решаю-

щему пункту – уничтожению почти целого полка боевых мехов.

– Мехов-убийц! – прорычал архонет, – Отвратительных воплощений смерти, единственным смыслом существования которых является убийство и разрушение! Да, я уничтожил их и я уничтожу их все, если получу такую возможность. Они не заслужили ничего иного! – его глаза мерцали.

– С помощью «Зет-четыре», – кивнул Гарри, – Почему, собственно, «четыре»?

– А вы как думаете? Потому что это была четвертая попытка централизованного управления, конечно же. Великая идея Удена! Возможность связать через нейрошлем вегетативную нервную систему пилота с мехом и управлять всеми миомерами и суставами, как собственным телом! – Делкорд горько засмеялся, – На Кесселе мы видели, что это значит!

Какой-то момент герцог тупо глядел в пространство перед собой, после чего черты его лица разгладились.

– Именно с помощью «Зет-четыре»! Время гуманоидных машин-убийц кончилось! Я снова верну войне человеческое лицо!

– Столь же человеческое, как у второй мировой войны на Терре, или у войны объединения Периферии, или у освободительной войны против Амариса? Или в последней наследной войне? Война против гражданского населения? Планетарные бомбардировки? Атомные бомбы? Это человеческое лицо? Премного благодарен и уверен – миллиарды людей будут благодарны не меньше. Конечно же, боевые мехи – это машины-убийцы. Это военная техника. Такая же, как танки, аэрокосмические истребители, артиллерия, боевые космические корабли. Они все – машины-убийцы. Но боевые мехи не годятся для уличных боев. Они обеспечили перенос боевых действий за пределы городов и населенных пунктов. Большинства, по крайней мере, – поправился Гарри. – И если боевой мех бывает уничтожен – в худшем случае, это стоит одной человеческой жизни. Каждый уничтоженный танк означает, как минимум, четверых покойников. При этом танки дешевле выпускать, даже намного дешевле. Танки легче уничтожить, чем мехи. Или вы в самом деле считаете, что, вынужденно отказавшись от мехов, Внутренняя Сфера откажется от войн? Да оглянитесь же вокруг! Мы же едва не отбросили сами себя обратно к мрачайшему средневековью – и все равно, не прошло и девяти лет, как началась новая война!

– Когда мой вирус «Зет-четыре» выполнит свою задачу, люди не позволят себя больше увлечь войной. Это боевые мехи, эти проклятые металлические коробки, отравляющие своей мощью сердца молодых людей и заставляющие их быть слепыми к тем ужасам, что они творят!

Харальд сделал глоток токайского. Ему приходилось следить за тем, чтобы не дать себя увлечь одержимостью Делкорда.

– Может быть, боевые мехи и обладают своего рода наркотическим притяжением, но если вы верите, что можете покончить с войной, просто отменив их – вы глубоко заблуждаетесь. Может, в какой-нибудь иной Вселенной. Но Внутренняя Сфера, похоже, обречена на войну.

– Смотря как попытаться. Как минимум, я предпринял хоть что-нибудь. Даже если я пока в состоянии обеспечить из своего ограниченного источника «Зет-четвертыми» всего лишь пару планет. Это лишь начало, лишь зерно, из которого взрастет богатый урожай!

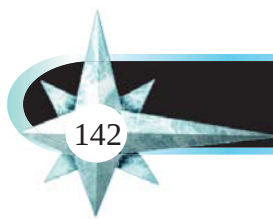
– Вряд ли, – оборвал его агент ЛРК. Теперь он знал все, что ему требовалось узнать. В самом деле, существует всего одна лаборатория, производящая чипы с «эффектом Альбатроса». Еще была возможность задушить их распространение в зародыше. Он встал и поднял оружие, – Как бы там ни было, Лиранское Содружество находится в состоянии войны. Войны, которую не начинало. Атакованное с двух сторон. А вы вашим сумасшествием еще более ослабили его. Вы – предатель.

Делкорд также поднялся.

– Мне нечего стыдиться за свои действия. И я готов ответить перед любым судом!

Харальд Краузе грустно взглянул на него.

– Похоже, вы меня с кем-то перепутали, Ваше сиятельство. Я не полицейский. Я – секретный агент. Моя задача состоит не в том, чтобы блюсти закон. Я защищаю Содружество от вра-

гов – как внешних, так и внутренних.

Он нажал на спусковой крючок.

Луч из лазерного пистолета попал архонету Делкорду точно в сердце. С круглой дырой в груди и изумленным выражением лица он опустился на пол.

Харальд налил себе еще бокал вина. Он поднял свой кубок в последнем салюте мертвецу.

– Что за бессмысленная трата человеческих ресурсов... – не успев продолжить мысль, он почувствовал вибрацию коммуникатора в левом нагрудном кармане. Гарри поспешно поставил токайское на стол и вытащил устройство. На экране пульсировала большая красная точка.

– Чертово поганое дерьмо! – прорычал он и опрометью кинулся вон из библиотеки.

Только что кто-то спустился на второй подземный этаж и открыл дверь в лабораторию в бункере.

Глава 44

*Граница провинций Тупан – Касогана, Мэгон
Провинция Ковентри, протекторат Донегол
Лиранское Содружество
10 декабря 2838 года*

– Как поступим, Антонелла? – спросила Масако коллегу.

Они, казалось бы, предусмотрели любые неожиданности – но не такую. На пути к столице их перехватили два аэрокосмических истребителя. Это ставило их в весьма неприятное положение. Машины находились на открытом пространстве, где не было никакой заслуживающей внимания защиты от воздушных атак. Кроме того, они не могли позволить себе запустить сенсоры – опасность была слишком велика. Один-единственный оборудованный «эффектом Альбатроса» танк в пределах досягаемости – и их мехи будут парализованы. А без сенсорного захвата цели у них не было ни малейшего шанса попасть в юркие машины у себя над головами, не говоря уже о том, чтобы сбить их.

И, конечно же, они совершенно не хотели сбивать эти АКИ. Это бы убило их собственных земляков, лиранцев.

– Для начала давай остановимся, – ответила Антонелла, – и попробуем поговорить. В перестрелке у нас нет ни единого шанса, даже если это всего лишь лёгкие машины. А они могут в любую секунду позвать на помощь старших братьев.

Масако кивнула, словно Антонелла могла ее видеть. Она демонстративно опустила окрашенные в красно-белые цвета ППЧ, служащие ее «Уорхаммеру» руками, в надежде, что огромный синий кулак Штайнеров, который она ночью нанесла на грудь своего меха, можно различить и из кабин обоих истребителей. Если им повезет, то пилоты также не захотят стрелять по лиранским машинам.

– Повторяю: назовите себя.

Голос Антонеллы ответил на той же частоте:

– Мы – агенты Лиранского Разведывательного Корпуса, направляемся к резиденции архонета Кристиана Делкорда, чтобы арестовать его именем архонта Маркуса Штайнера, – упрощенная версия, но ввиду сложившейся ситуации – вполне приемлемая.

– С каких это пор ЛРК использует боевые мехи и откуда вы их вообще взяли? Вы меня не убедили.

– ЛРК использует для выполнения своих миссий все, что необходимо, а происхождение этих машин – секретная информация. Мы такие же лиранцы, как вы сами. Вам что, кулак на броне не виден?

Оба истребителя пролетели сзади над мехами на малой высоте. Теперь Масако увидела их – это были «Спэрроухоки». Лёгкие, тридцатитонные машины, вооруженные парой средних и одним лёгким лазерами. Однако на открытом поле и без возможности серьезного сопротивления их было бы вполне достаточно, чтобы вывести из строя «Уорхаммер» и «Шэдоу Хок». Особенно, если пилоты неплохо знали свое дело. А так как Мэгон был главным миром Делкорда – сомневаться в этом не приходилось.

– Кулак Штайнера может себе любой хоть на заднице нарисовать, это нетрудно. Откуда мне знать – может, вы тайно высадившиеся драки?

– Ну, так предложите сами – каких вам еще доказательств надо? – в свою очередь, спросила Антонелла.

– Заглушите ваши двигатели и выйдите из машин.

Масако бросила озабоченный взгляд на часы. Хотя они и запланировали полчаса на задержки в пути, но время летело быстро. Похоже, Антонелла думала о том же.

– Боюсь, что этого мы сделать не можем.

– А я боюсь, что вам придется это сделать, если вы не хотите, чтобы мы открыли огонь по вашим машинам. И плевать, что вы не активировали ваши сенсоры. На войне, как на войне.

– Да неужто? – пробормотала Масако, включая комм-лазерную связь с Антонеллой. – Похоже, мы влипли.

– Решение есть всегда. Я его только не вижу, – ответила её коллега и снова обратилась к пилотам АКИ. – Предлагаю вам компромисс. Мы ставим наши мехи на стендбай и выходим, если вы приземлитесь и тоже выйдете. Может, с глазу на глаз нам удастся договориться.

Ответа пришлось подождать. Предположительно, летчики спорили о том, как им следует реагировать на предложение Антонеллы. Наконец, командир пары вышел на связь.

– Согласны. Но вы первые, – голос его звучал не слишком уверенно.

– Да что вы говорите! – услышала Масако из кабины «Мадам Медузы». Тем не менее, Антонелла поставила свою машину в режим холостого хода, что делало ее неспособной двигаться и вступать в бой, пусть даже на приведение ее в боеготовность понадобилась бы всего минута. Масако последовала примеру своей коллеги и отстегнула страховочный ремень.

Прошло примерно четыре минуты и оба «Спэрроухока» приземлились на ровную площадку неподалеку. Пилоты подняли фонари кабин, но наружу не вышли.

– Ждут нас, – сказала Масако.

– Как-то мне не очень верится, что это они из вежливости, – ответила Антонелла и прервала связь. Масако увидела, как открылся люк на голове «Шэдоу Хока» и ее коллега вылезла наружу. Несмотря на теплую ночь, она набросила модную куртку поверх хладожилета. Масако закрепила нейрошлем в зажимах и также стала выбираться из кабины.

Нагнав Антонеллу, она поняла, зачем той понадобилась куртка. Ее коллега надела хладожилет на голое тело. Сама она была в лёгкой рубашке, достаточно длинной, чтобы сойти за мини-платье.

Когда пилоты подошли поближе, Масако нахмурилась. Движения заднего были ей чем-то неуютно знакомы. В голове у неё зародилось подозрение, но она не была уверена. Только, когда он вдруг изумленно остановился в паре метров от неё, Масако поняла, что ей не показалось.

– Терюо!

Антонелла и передний пилот разом повернулись к ней.

– Что? – спросила Антонелла.

– Это Теруо Мацуда, пилот с «Альмиры», я тебе о нем рассказывала. Он теперь приписан к здешнему гарнизону, – она засмеялась и раскинула в стороны руки, собираясь обнять товарища.

– Масако! – радостно воскликнул Мацуда. – Что ж ты сразу не сказала? С ними все в порядке, – успокоил он товарища.

– Минуточку! – оборвал его второй пилот, открывая кобуру, – что-то мне это все дурно пахнет. Знаю я вас, желтомордых. Теруо! Масако! Вы меня за полного дебила держите? Никому не двигаться, пока я не сообщу в Тупан! – он стал отступать к своей машине.

– Он что, психованный? – спросила Масако. Теруо в ответ беспомощно пожал плечами.

– Его семья – с Нью-Кейптауна, – пояснил он раздраженно. – Это, знаешь ли, не проходит бесследно. А тут еще вид твоей подружки... – Нью-Кейптаун славился по всему Содружеству неудержимым расизмом своего населения. Очевидно, недоверие ко всем, кто не выглядел так же, как он сам, пилот всосал с молоком матери.

– Мы не можем ему позволить поднять тревогу, – прошипела Антонелла, – Это может навредить всей миссии. Из-за одного-единственного поганого расиста «эффект Альбатроса» может попасть в руки врагов!

– Эффект Альбатроса? – спросил Теруо, пытавшийся осторожно приблизиться к коллеге, но остановившийся, когда тот ухватился за рукоять оружия.

– «Зет-четыре», – пояснила Масако, – Мы должны уничтожить лабораторию, где он производится, прежде чем его получают вражеские агенты.

Надеюсь, он знает, что такое «Зет-четыре» – подумала она. В конце концов, пилоты истребителей могли и не слышать о секретном оружии Делкорда.

Теруо на секунду задумался. Потом его рука скользнула к открытой кобуре.

– Эй ты, скотина бешеная! – заорал он, в падении выдергивая пистолет и стреляя в напарника.

Пуля попала тому в икру. Пилот выпустил свое оружие и схватился за ногу. Этого момента оказалось достаточно для Масако: она подхватила с земли камень и прицельно метнула его. Попадание в голову отправило строптивого расиста в страну снов.

– Круто! – восхищенно заявил Теруо.

– Тренировка ЛРК, – коротко пояснила девушка и улыбнулась, – Благодарю за спасение.

– Всегда пожалуйста, – с улыбкой ответил летчик и поклонился, поднявшись на ноги. – Я надеюсь, ЛРК прикроет меня от трибунала, когда этот придурок придет в себя.

– Не переживай, – успокоила его Антонелла, – Я не думаю, что тебе стоит о нем беспокоиться, – она подошла к потерявшему сознание пилоту и записала его имя и служебный номер. Вернувшись, она опасно улыбнулась. – Терпеть не могу расистов, – Антонелла взглянула на часы.

– Чёрт! Нам нужно поторопиться, – девушки повернулись обратно к своим мехам. – Есть тут ещё воздушные патрули, которых нам следует побережся? – крикнула Антонелла на бегу.

– Нет! – прокричал Теруо, приложив ладони рупором ко рту, – Но если хотите, я могу вас сопроводить, как только окажу первую помощь нашему другу!

– С удовольствием! – ответила Масако, поднимаясь по лесенке в кабину.

Глава 45

*Герцогская резиденция, Тупан, Мэгон
Провинция Ковентри, протекторат Донегол
Лиранское Содружество
10 декабря 2838 года*

Харальд бежал по коридорам резиденции так быстро, как только несли его ноги. Чтобы добраться до лестницы, ведущей в подвал, он должен был сначала промчаться сквозь половину коридора и весь нижний этаж, до самого вестибюля. Он перепрыгивал через целые пролеты ступеней. Добравшись до нижнего этажа, агент притормозил, чтобы не поскользнуться, одновременно развернувшись в сторону лаборатории, намереваясь продолжить бег. На бегу он ожесточенно нажимал на кнопки коммуникатора. По всему нижнему этажу на окна падали металлические ставни, а решетки за его спиной отрезали любой путь к отступлению наружу.

Собственно, эти меры предосторожности были приняты для того, чтобы не допустить незваных гостей внутрь, но они годились и для противоположной цели. Наконец-то, он добрался до нужной лестничной площадки. Дверь в подвал была заперта, но для него она не была помехой. Несмотря на необходимость поспешить, Гарри позаботился о том, чтобы аккуратно закрыть её за собой. То же самое он сделал с дверью, ведущую на нижний этаж.

Попав в коридор нужного подземного этажа, агент сбросил темп и потянулся ко внутреннему карману куртки, вытащив из него УФ-очки. Этот прибор, похожий на супермодные темные очки, делал видимыми лучи ультрафиолетового спектра и позволял обнаружить человека, одетого в маскировочный костюм. Так как человеческий глаз не в состоянии увидеть ультрафиолетовые лучи и, соответственно, только немногие следящие камеры имели такую возможность, то и маскировочные костюмы имитировали ультрафиолетовый фон лишь частично, если вообще имитировали. Так что, будучи в нормальном свете практически невидимы, в ультрафиолете они отчетливо выделялись. Надев очки, Гарри для начала внимательно огляделся, но не обнаружил замаскированного агента РОМ.

Только сейчас ему в голову пришло, что человек, проникший в коридор – не обязательно тот самый, который наблюдал за Антонеллой несколькими днями ранее. При мысли о возможности попасть в руки синдикатовских командос ему стало не по себе. Но на судороги в желудке времени уже не оставалось. Он должен был исходить из наиболее вероятной принадлежности лазутчика.

Так как ему не требовалось открывать все двери на этаже, Гарри в скором времени добрался до рампы, ведущей к лаборатории. Он осторожно отворил дверь и прислушался. С другого конца коридора доносились слабые шорохи: шелест, тихое поскрипывание и шаги. Ему повезло. Кто бы ни проник в лабораторию – он был еще здесь.

Довольный тем, что успел, Гарри позволил себе сделать паузу и успокоить дыхание, прежде чем двинуться на противника. Пару секунд он подумывал попросту заблокировать входную дверь в бункер и дать девушкам в боевых мехах позаботиться обо всем остальном. Но от этой мысли пришлось отказаться: слишком велика была опасность того, что неизвестный переживет разрушение бункера, спрятавшись в укромном местечке, и позднее выберется на свободу. Если такое произойдет – это будет означать провал всей миссии. На подобный риск идти не следовало.

Харальд перепроверил уровень энергии в лазерном пистолете и убедился, что УФ-очки прочно сидят на переносице. Потом он стал осторожно приближаться к лаборатории. Шорохи звучали теперь ещё тише, чем минуту назад. Видимо, злоумышленник находился теперь в задней

части помещения. Он нажал на левую стену повернутой по часовой стрелке рампы, чтобы оставаться в укрытии настолько долго, насколько возможно, и шаг за шагом стал продвигаться вперед. Увидев, наконец, впереди себя свет, струящийся из дверей лаборатории, Гарри лег на пол и пополз.

Металлическая дверь в лабораторию исчезла – похоже, она, раздвигаясь, убиралась в стены. За порогом находилась настоящая сокровищница высоких технологий. Повсюду стояли современные компьютеры и оборудование. Часть машин вызвала воспоминания о расцвете Звёздной Лиги. Харальд даже не пытался подсчитать, какое состояние Делкорд должен был потратить на этот бункер. *Неудивительно, что он так заискивал перед промышленниками*, – подумал агент, – *у бизнесменов есть то, чего не осталось после всех этих трат у него самого – деньги*. Делкорд должен был рассчитывать заработать миллиарды с помощью централизованного управления Удена – и если бы план сработал, ему бы это, без сомнения, удалось. Увы, но Уден слишком много на себя взял – и последствия оказались трагическими.

Движение на краю поля зрения вернуло Гарри к действительности. Нечто человекоподобное двигалось от одного рабочего места к другому, что-то последовательно прикрепляя к машинам. Харальд не мог рассмотреть, что это было, но, как минимум, он получил подтверждение, что имеет дело с одетым в маскировочный костюм человеком – как и рассчитывал. Судя по комплекции, это был мужчина. Гарри осторожно подполз поближе.

Теперь он понял, что делал неизвестный: тот распределял по всей лаборатории взрывчатку. Мысленно Харальд кивнул: его противник нашел, что искал и теперь хотел позаботиться о том, что этого не найдет больше никто. Краузе решил не мешать предполагаемому агенту РОМ. Нужно было обеспечить, чтобы тайна «эффекта Альбатроса» не покинула стен бункера – и именно поэтому он лежал здесь с оружием на боевом взводе. Так что помощь чужака в уничтожении всех сведений об открытии Удена была лишь на пользу, как ни жаль было лабораторного оборудования.

Он прикинул, сколько пакетов должен был еще закрепить чужак, если тот хотел уничтожить всю лабораторию с той же основательностью, которую до сих пор проявлял, и с удовлетворением отметил, что ему остается еще достаточно времени. Он осторожно двинулся назад.

Неожиданно агент застрял и невольно дернул ногой, чтобы высвободить её. В лаборатории замаскированный диверсант резко развернулся и вытащил оружие. Гарри прыгнул с рампы вниз, когда за спиной у него засвистел игольник и послышались шлепки острейших пластиковых игл о стену коридора.

Он перевел дух. Молниеносная реакция спасла ему жизнь. Против очереди из игольника УФ-очки его вряд ли могли защитить. Облако игл превратило бы его лицо в кровавую кашу. Применяемые против лишенных брони целей, игольники были одним из страшнейших существующих видов оружия. Против брони они были совершенно бесполезны, но в данный момент эта мысль не была для Гарри особенно утешительной.

Он встал и сконцентрировался. Потом прыгнул в коридор, выстрелил, оттолкнулся от противоположной стены и пулей влетел обратно в укрытие. Харальд не мог определить, попал он или нет, но свист очередного залпа игольника заставлял его сомневаться в этом.

Теперь Краузе оказался в ловушке. Нападающий знал, что агент ожидает его здесь. И он, как минимум, мог догадываться, что Гарри был в состоянии его увидеть, хотя и не должен был знать – насколько отчетливо. По крайней мере, взрывпакеты, которые он прикрепил к оборудованию, замаскированы не были, так что Гарри мог определять местонахождение своего противника по возникающим из ниоткуда брикетам взрывчатки. Тем не менее, если неизвестный был хотя бы мало-мальски толковым агентом – а на это следовало рассчитывать – то он должен был подозревать худшее и понимать, что его маскировочный костюм стал бесполезен. Соответственно, он, скорее всего, должен был решить остаться в укрытии.

Гарри рассердился, что не прикончил этого типа сразу же, пока тот не догадывался о его присутствии. *Если бы да кабы*, – оборвал он эти мысли. Самобичеванием можно будет заняться попозже. По крайней мере, Харальд на это надеялся.

В такой ситуации ручная граната оказалась бы на вес золота. Это навело его на идею. Он мог попытаться своим лазерным пистолетом заставить сдетонировать один из брусков взрывчатки, которую принес неизвестный. При определенной толике везения силы взрыва и ударной волны хватило бы, чтобы вырубить его противника или хотя бы вывести его из строя на время, достаточное для прицельного выстрела.

Конечно, враг мог швырнуть оставшиеся у него брикеты в коридор в качестве импровизированной гранаты, чтобы сыграть в ту же игру с Гарри. Так что речь шла о том, кто успеет раньше.

Гарри вспомнил план лаборатории, сконцентрировавшись на местах, где была прикреплена взрывчатка. Скорректировал картинку с точки зрения лежащего на полу человека. Прикинул, какое укрытие мог избрать для себя его противник и какой из взрывпакетов оказывался наиболее удобным для атаки на это укрытие. Наконец, он выбрал себе цель. Агент ЛРК закрыл глаза и сделал три глубоких вдоха-выдоха. Он должен попасть. У него есть только один шанс. Нападающий должен понять, что он задумал, лишь тогда, когда взрывчатка сдетонирует. Если он сообразит хоть долей секунды раньше – все может пойти насмарку.

Три.

Два.

Один.

Гарри прыгнул за угол и выстрелил, правой ногой оттолкнулся от стены и нырнул обратно в укрытие. Попал. Взрывчатка оглушительно рванула, в лаборатории полыхнуло ослепительное пламя, ударившее, однако, в машину вместо спрятавшегося замаскированного агента. Тем не менее, ударная волна должна была его достать. Гарри увидел, как тень метнулась вдоль стены лаборатории. Поднять оружие. Выстрелить.

Свист, с которым игольник выплюнул очередную струю игл, казалось, прошел сквозь его кости. Так же, как и сами иглы, попавшие Гарри в ногу, прежде чем он успел втянуть её в укрытие.

Глава 46

Тупан, Мэгон

Провинция Ковентри, протекторат Донегол

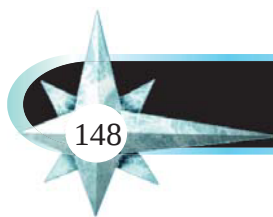
Лиранское Содружество

10 декабря 2838 года

Взгляд на часы. Они пока что примерно придерживались плана, опаздывая всего лишь минут на пять. Антонелла открыла комм-лазерную связь с «Уорхаммером» Масако.

– Ты не против, если я на последнем отрезке пройду немного побыстрее?

Её «Шэдоу Хок» был на двадцать километров в час быстрее, чем тяжёлая машина её коллеги.

– Да пожалуйста, – услышала она в ответ. – Я догоню. Тут уже недалеко, – на горизонте уже поднимались небоскребы Тупана.

– Тогда до скорого, – попрощалась Антонелла и выжала рычаги до упора. «Мадам Медуза» буквально рванула с места и побежала со скоростью более восьмидесяти километров в час в сторону Тупана и расположенной на окраине города герцогской резиденции. Силуэт здания потихоньку вырисовывался в ночи. Осталась максимум пара минут.

– Осторожно, агент Антонелла, – услышала она в шлемофоне голос Теруо Мацуды. – Впереди что-то затевается, – его «Спэрроухок» пронесся над мехом.

Антонелла дала увеличение на экран и увидела, что пилот прав. Перед герцогской резиденцией обнаружилось звено «Гоблинов», загораживая ей дорогу. Алое мерцание стволов их тяжёлых лазеров не оставляло сомнений в их готовности открыть огонь.

Антонелла опустила среднюю автопушку «Шэдоу Хока» и соединила её со средним лазером, встроенным в правую руку меха, на одной спусковой кнопке. На дисплее появились два прицельных перекрестия. Теперь, стоило ей нажать на кнопку, оба орудия выстрелят – но без сенсорного захвата цели ей нужно было самой позаботиться, чтобы крестики были наведены на цель.

Она включила открытый канал.

– Внимание! Говорит агент Лиранского Разведывательного Корпуса Антонелла Зонненшайн. Именем архонта приказываю вам освободить дорогу.

Вместо ответа один из танков выстрелил из большого лазера, проведя широкую борозду на груди «Шэдоу Хока», разделившую пополам нарисованный кулак Штайнера.

– Нас тебе так просто не обмануть, как того придурка в истребителе. Мы предупреждены, змея куритская!

Антонелла переключилась на канал Теруо Мацуды.

– Сколько у вас вообще там числится нью-кейптаунцев?

– Я не думаю, что экипажи этих танков родом с Нью-Кейптауна, агент. Кто-то им просто навешал лапшу на уши, – пилот, в свою очередь, попытался уговорить танкистов уйти с дороги, но после столь недвусмысленной реакции вряд ли можно было ожидать от него успеха.

Антонелла опять взглянула на часы.

– Это всё замечательно, господа, но я и в самом деле не могу сейчас торчать тут с вами и чесать языком. Если вы не уберётесь – я буду вынуждена убрать вас сама. И вы убедитесь, что ваш «Зет-четыре» меня не колышет.

– Общий залп всех танков – и ваша жестянка отправится в утиль, «агент», – услышала она в ответ, – Мы в состоянии разобраться с вами и без «Зет-четвертых». И мы не намерены допустить, чтобы поганая куритянская сучка ликвидировала нашего герцога!

Антонелла раздраженно чертыхнулась.

– Считайте, что «сучку» я не заметила – но только потому, что я – лиранка. Но если бы я *в самом деле* была из Синдиката и собиралась ликвидировать вашего разлюбезного герцога – я бы не приперлась к его воротам в десятиметровом железном болване, которого за десять километров видно. А теперь убирайтесь, наконец, – одновременно Антонелла подвела «Мадам Медузу» поближе к танкам.

– Стоять или мы открываем огонь! – пригрозил командир танкистов. – И не думайте, что я это не всерьёз!

– Кто вам вообще сказал, что я из Синдиката? – спросила Антонелла, с нетерпением ожидая, когда появится Масако в ее «Уорхаммере» и изменит соотношение сил.

– Не ваше дело. Может, вы и в самом деле лиранка. Тем хуже для вас. В Содружестве за измену положена смертная казнь.

– Кто бы говорил. Я-то уж точно ликвидировала изменников побольше вашего, – скорее всего, это так и было. Антонелла сосчитала – у неё получилось трое. – И если вы будете продолжать в том же духе – то можете сами заработать сомнительную честь быть ликвидированным в качестве изменника.

– Эй, кого ты тут называешь изменником? – прервал ее другой голос и второй выстрел из большого танкового лазера вонзился «Мадам Медузе» в правую ногу. На векторном графике вспомогательного экрана поврежденная часть окрасилась в желтый цвет. Дело принимало опасный оборот. И они опаздывали уже на десять минут.

– А ну, прекратили! – заорал Теруо Мацуда и дал залп на бреющем полете из обоих средних лазеров по «Гоблину», стрелявшему последним. Лазерные лучи оставили явные следы на башенной броне, однако не нанесли серьезных повреждений.

Танки отреагировали общим пулеметным огнем по «Спэрроухоку» – однако тот давно уже был вне пределов досягаемости.

– Какие плохие мальчики! – зазвучал голос Масако и искусственная молния одного из двух ППЧ с грохотом и яркой вспышкой ударила в лобовую броню того самого танка, который выбрал целью Теруо.

– Я начинаю терять терпение, – заявила Антонелла по открытому радиоканалу и направила автопушку и лазер на танк, стоявший непосредственно перед ее машиной. – Честное слово, я не хочу стрелять в земляков, но вы, похоже, не желаете оставить мне выбор.

– Ой, я прям дрожу от страха, – прошипел командир танкистов. – Только попробуй – сама увидишь, что получится. Ну, давай!

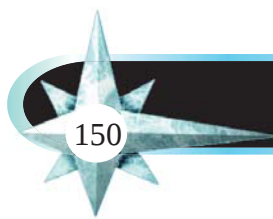
– Оставь их в покое и позаботься о бункере, Антонелла, – напомнила Масако по комм-лазеру, – Мы с Теруо возьмем танки на себя.

Большого Антонелле не требовалось. Она обеими ногами выжала педали и «Мадам Медуза» поднялась на струях плазмы в ночное небо. Мгновение спустя два лазерных залпа ударили в то место, где она только что находилась. Третья машина выстрелила по «Уорхаммеру» Масако, однако промахнулась, а крайний в строю «Гоблин» с явными повреждениями на броне безуспешно попытался сбить «Спэрроухок» Теруо.

Более чем чуть-чуть раздраженная нападением обоих танков Антонелла снизилась немного в своем «Шэдоу Хоке» и обожгла выхлопом из дюз башню оказавшегося прямо под ней «Гоблина». Потом она снова нажала на прыжковые педали и приземлилась примерно в семидесяти пяти метрах от места старта. Немедленно развернув торс машины, она разрядила автопушку в корму «Гоблина». Весьма вовремя – танк как раз поворачивал башню, чтобы, в свою очередь, дать залп из тяжёлого лазера по тонкой задней броне «Мадам Медузы». Однако из-за попадания снарядов луч лазера ушел мимо, заставив запылать старый дуб на территории герцогской резиденции.

Антонелла во второй раз запустила прыжковые дюзы и исчезла за деревьями парка, пока у нее за спиной Масако и ее друг-истребитель пытались вывести из строя надоедливые танки, не поубивав сидящих в них людей. Учитывая отчаянное сопротивление – задача не из легких.

Однако у Антонеллы не было времени размышлять над ней. Ей требовалось одно: выполнить, наконец-то, задание и уничтожить бункер, а вместе с ним – тайну «эффекта Альбатроса». Она могла лишь надеяться, что не опоздала.

Глава 47

*Герцогская резиденция, Тупан, Мэгон
Провинция Ковентри, протекторат Донегол
Лиранское Содружество
10 декабря 2838 года*

Гарри сцелил зубы, чтобы не заорать во весь голос. Он подтянул правую ногу и осмотрел ее. К счастью, игла лишь задела её. Но даже так все выглядело страшновато: штанина превратилась в лохмотья и икра кровоточила. Краузе оторвал от рубашки рукав и наложил повязку, чтобы не свалиться от потери крови. Потом он осторожно поставил ногу на пол и попытался перенести на неё вес тела. Тело пронзила страшная боль, но он смог её выдержать. Тем не менее, с таким ранением нечего было и думать о том, чтобы быстро передвигаться.

Гарри взглянул на часы. Чувство времени не обмануло: его коллеги должны были уже начать обстрел бункера. Но до сих пор не было никаких признаков их прибытия. Вот и всё к вопросу о четком планировании. Он в ярости закрипел зубами. Нужно что-нибудь придумать. Миссия провалиться не должна. Каким-то образом он обязан ее выполнить – в конце концов, именно он является руководителем группы, значит, и ответственность на нем.

Первым делом следует выяснить, сработала ли его затея с детонацией взрывпакета. То, что этот парень задел его своим игольником, еще ничего не значило – он мог выстрелить в полете. Гарри ещё не знал, насколько сильно стукнуло этого парня и теперь оказался перед лицом серьезной проблемы. Если его план не сработал и противник оставался дееспособным, то с нынешним ранением существовала высокая вероятность того, что попытки проверить это Харальд не переживет. Так что следовало ухитриться произвести проверку, не подвергаясь опасности.

Он задумчиво уставился на свою поврежденную ногу, потом осторожно снял правый ботинок, поднял его и швырнул в коридор. Тот стукнулся о противоположную стену, отскочил и скатился по рампе обратно.

Сначала ничего не произошло. Однако, когда ботинок уже почти достиг угла, засвистел игольник. Гарри осторожно выглянул наружу и увидел, что иглы вонзились в стену довольно высоко. Ни одна из них не попала и близко от ботинка.

Это хорошо. Хотя ему явно не удалось сделать предполагаемого агента РОМ небоеспособным, похоже, удар нанес ему серьёзные повреждения. Он теперь был способен лишь на медленную и неуверенную реакцию. Агент ЛРК невольно ухмыльнулся. С одной стороны, это было похоже на ту картину, которую обычно рисовали средства массовой информации, повествуя о героических подвигах секретных агентов, с другой же – совершенно не похоже. Вот они сидят тут вдвоем, он и неизвестный, оба ранены, оба в крови, мучаясь болью во всем теле, и ждут только возможности друг друга прикончить – за тайну, которая ни одному из них, по большому счету, совершенно не нужна. Как минимум, не в их нынешнем состоянии – а если б воля Харальда, так и ни в каком состоянии. И неважно, выживут они или погибнут – об этой дуэли никто никогда не узнает. Слишком опасной была эта тайна.

Гарри тяжело поднялся и захромал к повороту. Он взял ботинок и осторожно вдвинул его в коридор. Ничего не произошло. Тогда он рискнул наполовину высунуться из-за угла – и увидел, как незнакомец ползает за одним из инструментальных столов. Похоже, он был более чем занят собой – это было хорошим признаком. Если Гарри будет вести себя достаточно тихо, он сможет приблизиться к лаборатории, не вызвав на себя огонь.

Неожиданно ему в голову пришла идея, однако для её осуществления следовало добраться до лабораторной двери. Он осторожно снял второй ботинок и захромал вперед. По дороге он

на каждом шагу опирался на левую стену коридора и постоянно останавливался, чтобы смести в сторону валяющиеся на полу иглы – делал он это зажатым в руке ботинком. Пока он был обут, иголки его не волновали, но разгуливать по ним в одних носках явно не стоило.

По мнению Харальда, его продвижение вперед было слишком медленным. На полпути он решил сменить сторону коридора. Та часть силуэта незнакомца, которую он мог различить, показывала, что с занятой им позиции обзор внешней стороны рампы перекрывал еще один инструментальный стол.

Наконец-то он достаточно приблизился к входу в лабораторию, чтобы осмотреться повнимательней. Маленькая замочная скважина около входа явно служила для того, чтобы запирать лабораторную дверь. Краузе осторожно отложил ботинок, выпрямился и вытащил из кармана отмычку. Медленно вставив ее в отверстие, он занялся поисками контакта. Это оказалось сложнее, чем он ожидал. Гарри полностью сконцентрировался на узкой отмычке и темной замочной скважине, забыв о времени и о том, что его окружает.

Услышав тихий шорох, он поднял глаза и уставился прямо в заинтересованное лицо своего противника, который распустил молнию на капюшоне маскировочного костюма и с удивленным видом следил за действиями Харальда. Агент от испуга дернулся – и отмычка попала в контакт. Металлическая дверь упала, словно нож гильотины и спрятала за собой благородно выглядящего незнакомца. Но – недостаточно быстро, чтобы отразить залп из игольника, который агент РОМ дал, явно находясь в состоянии аффекта – рой игл вырвался в коридор и Гарри почувствовал, как минимум одна из них опять его задела – на этот раз боль взорвалась в левой ноге. С криком он упал на пол, однако сжал зубы и заставил себя подняться.

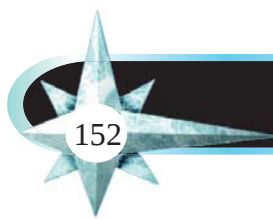
Теперь он не мог терять ни секунды. Только если он успеет сделать все, прежде чем его противник откроет дверь изнутри – у него есть шанс победить. Гарри вытащил лазерный пистолет и перевел регулятор на постоянный луч, после чего приварил левую сторону двери к стене. Взглянув на индикатор, он увидел, что у него осталась ровно половина заряда. Тогда Харальд перенес огонь на правую сторону. Он двигал лучом по металлу, пока в пистолете оставалась энергия, после чего отбросил оружие и пополз, чертыхаясь от боли, по коридору.

Чужак оказался в ловушке и выбраться из нее без автогена ему бы вряд ли удалось. Конечно, Гарри не мог быть уверенным, не было ли в лаборатории этого или похожего прибора, но неизвестный сначала должен был его найти и применить. А если он попытается взорвать дверь – это может привести к его гибели. Так или иначе, на какое-то время он был выведен из строя – этого должно хватить, если, конечно, Антонелла и Масако вообще здесь появятся.

Гарри почти достиг выхода из коридора, когда услышал за стенами грохот. Сначала он подумал, что это его противник пытается взорвать дверь, но грохот не прекращался. Одним взрывом не обошлось – взрывались десятки снарядов, шипели лучи лазеров. Замечательная симфония: стакатто автопушек и грохот от попаданий по бункеру. Боевые мехи взялись за дело.

Харальд с трудом выбрался из коридора и поковылял к лестнице. На этот раз он не озабочился закрыть за собой дверь – слишком сложно было её открыть. С дверью наверху пришлось возиться еще больше, но и она, наконец, поддалась его усилиям. Он выполз наверх, в коридор бокового крыла и вытащил из кармана коммуникатор. С трудом соображая, он набрал на клавиатуре нужную комбинацию. Его пальцы дрожали, а клавиши расплывались перед глазами. Тем не менее, Харальду удалось поднять металлические ставни и решетки.

В резиденции заструился замечательный голубоватый свет нового дня, освещая лежащего на полу без сознания агента.

Глава 48

*Полевой лазарет, планетарный гарнизон
Тупан, Мэгон
Провинция Ковентри, протекторат Донегол
Лиранское Содружество
21 декабря 2838 года*

Темнота. Темнота и духота. На его потное тело давит влажный, жаркий воздух. Со всех сторон в уши бьет грохот. Удары, скрежет, свист. Жуткая какофония. В нем поднимается волна паники. Он не знает, где находится. В этом аду он едва сознает, кто он такой.

Почему так темно? Что случилось? Он садится и ощущает потолок, нависший прямо над его головой. Попытавшись поднять руку, он ударяется локтем о стену. Его пронзает острая боль. *Только не снова! Опять эта кость! Дерьмо!*

Вдруг он осознает, где он. Он лежит на своей койке. Как давно он вообще лег, чтобы хоть немного отдохнуть, прежде чем вернуться на свой пост? Ему кажется, что не прошло и двух минут, но этого не может быть. Он слишком дезориентирован.

Почему такая темнота? Обычно командные кубрики не такие темные. А тут даже аварийного освещения нет. Это не к добру. Чтобы на боевом крейсере класса «Блэк Лайон» вырубилось электричество – это надо хорошо постараться. Он протягивает руку к выключателю над койкой, чтобы удостовериться.

Неожиданно корабль сотрясает мощный удар. Его бросает на стену и он крепко прикладывается лбом.

Когда он вновь приходит в себя – вокруг тишина. Ни единого звука.

Этого не может быть. На космическом корабле никогда не бывает так тихо. Он что, спит? Он дает сам себе пощечину. *Ай!* Весьма чувствительно. Значит, это не сон.

Вокруг по-прежнему полная темнота – темнота и тишина. Он поднимает руку к уху, чувствует влагу. Лизнув палец, ощущает вкус крови. Она течет из ушей. Что-то разорвало ему барабанные перепонки. Он дотрагивается до носа. Нос тоже кровоточит.

Вдруг он понимает, что кашляет. Ему не хватает воздуха. *Паническое состояние?* Нет. Нет, он вполне владеет собой. Но дышать становится все тяжелее. *Это значит, что...*

Пробоина. Корабельный воздух уходит в космос. Но ведь каюты команды находятся глубоко в недрах корабля. Если пробоина дошла до них – получается...

Получается, что корабль – в руинах. Очевидно, битва завершилась не в пользу Содружества. Заваливаясь – когда? – в изнеможении в койку, он не замечал, чтобы хоть что-нибудь указывало на подобную катастрофу. Лиранцы и лигисты выставили на кон почти все, что могли наскрести из своих боевых космических сил в этом секторе, и шансы на победу над агрессором были довольно неплохими. А теперь вот...

Грудь жадно вдыхала редющий воздух, легкие разрывались. Он должен добраться до спасательных капсул. *Если на борту осталась еще хоть одна.* Вполне возможно, что остатки команды давно сбежали. Кто знает, сколько времени он провалялся без сознания. *По крайней мере, двигатель, похоже, еще работает, раз сила тяжести не исчезла.*

Он понял свою ошибку, попытавшись пошевелиться. Он зажат в ловушке, двигаются только голова и правая рука. Вот теперь в нем и в самом деле зашевелились панические мысли. Он попытался пошевелить ногами и понял, что вообще их не ощущает.

Он оказался в ловушке. Глухой, парализованный, быть может – слепой. И с каждым вздохом воздуха становится все меньше. Он умрет... задохнется. Медленно. Мучительно. В темном

кубрике, в гробовой тишине. В огромном, умирающем космическом корабле. В пустоте ледяного, равнодушного космоса...

Паника запускает в него свои когти – слепая, безымянная паника.

Потом вдруг неожиданно возвращаются краски и звуки. Он чувствует свои конечности, оглядывается и видит своих товарищей. Лицо Эйнара желтовато, как и после каждого прыжка. Хольгер, как обычно, отстраненно наблюдает за представлением, неодобрительно качая головой.

Он облегченно закрывает глаза. Это был всего лишь сон. Не более, чем один из кошмаров, мучающих его после любого гиперпрыжка. Может, когда-нибудь он научится сразу понимать, что все это нереально.

Аким проснулся весь в поту, но успев успокоиться, и огляделся вокруг. Он едва мог поверить тому, что увидел. Он лежал в мягкой белой кровати, стоящей в маленькой, однако функционально обставленной комнатке. Перед кроватью находилось окно, в котором виднелся типичный пейзаж гарнизонного городка. На флагштоке реяло голубое знамя дома Штайнеров.

С потолка комнаты свисали яркие красные, белые и зеленые рождественские гирлянды, а в одном из углов расположилась маленькая искусственная ёлка. А рядом с кроватью сидели и стояли его друзья и еще несколько человек: некоторых он знал, иных – нет.

Ближе всех к нему сидела Масако, держа его руку в своих ладонях. Он поднял голову и вдохнул её запах. Это было восхитительно, как всегда. Рядом расположилась Антонелла в удивительно открытом для её представлений платье, вызвавшее на его лице радостную улыбку. Она была на удивление загорелой. А за девушками стоял Гарри Краузе с обычной своей белозубой улыбкой на темном лице. Кроме того, Аким заметил Хорхе Оливейру, какого-то азиата в пилотской форме, пожилого седовласого господина и крупного мужчину – также далеко не молодого, но производящего весьма живое впечатление.

– Тут что, клубные посиделки? – спросил он, – Не то, чтобы я не обрадовался... – он поднял руку и обнаружил в ней иглу, от которой тянулась капельница. – Опаньки. Похоже, маневр прошел не так уж бесп проблемно, а?

– Можно и так сказать, дорогуша, – засмеялась Масако, – Ты три недели провалялся в коме и если бы Терио и его коллега с «Бузотера» не настояли, чтобы шкипер «Альмиры» тебя подобрал, прежде чем запустить двигатели, тебе бы уже ничего не помогло.

– Узнаю Рыбака, – весело рыкнул Гарри, – Как только дело начинает пахнуть керосином, он находит способ сказать больным и сбросить всю работу на других, – говоря это, он улыбался во весь рот.

– Это что же получается, я все самое интересное пропустил? – спросил Аким. Все закивали.

– Но задание-то мы выполнили, я надеюсь?

– Выполнили, – подтвердила Антонелла. – Группа «Альбатрос» не знает поражений.

– Скромность у тебя в крови, – прокомментировал Аким.

– Сам себя не похвалишь – никто тебя не похвалит, – заявил здоровяк. – Хельмер Маккензи, «Антенна Донегол». Вы найдете попозже время для небольшого интервью?

Аким недоверчиво уставился на него.

– Не пугайся ты так, Рыбак. На самом деле он лапочка, – заметила Антонелла. – И он нам здорово помог, – она развела руки в сторону, – Они все нам здорово помогли. Все – прямо замечательные лиранские патриоты. Мы тебе все расскажем, когда ты полностью придешь в себя.

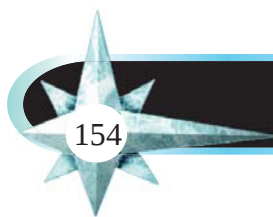
– Так точно, по дороге обратно на Донегол, на борту нашего нового посадочного корабля, «Звёздной Пыли».

– Нового? Что это в «Звёздной Пыли» такого нового? – спросил Аким.

– То, что он теперь официально входит в состав группы «Альбатрос». Так же, как и ты сам, Рыбак.

Он запнулся, подумав, что ослышался.

– Еще раз. Группа «Альбатрос»? Я думал, миссия завершена?

– Угу, – кивнула Масако, – но тут, на Мэгоне, завалились полтора бесхозных звена боевых мехов и за лишние две машины ЛВС согласились оставить четыре остальные ЛРК. А к четырём мехам автоматически прилагается «Леопард» и четверо пилотов. На тот случай, если вдруг понадобятся для исполнения следующего задания.

Аким воззрился на неё.

– Кроме того, мы оказались первой группой, которая после совместной миссии с Антонеллой попросила позволения работать с ней и дальше, – дополнил Гарри. – Вместо того, чтобы, как обычно, умолять начальство убрать ее с глаз долой.

Антонелла скорчила невинную рожицу и непонимающе пожала плечами.

– Не переживай, – сказала она, – Мы закрепили за тобой лучший мех из всех, какие там были, – для пущего эффекта она выдержала небольшую паузу и объявила: – «Скорпиона».

Аким резко сел и вынужден был опереться о спинку кровати – у него закружилась голова.

– Чего? Если вы думаете, что я позволю навязать себе это четвероногое...

Его протест утонул в общем хохоте, оповестившем, что его просто разыграли. Аким недовольно взглянул на Антонеллу и вдруг рассмеялся сам – впрочем, сразу прекратил, потому что смеяться было больно.

– Ладно, выкладывайте – что вы там в самом деле на меня повесили?

– Ну, там и в самом деле был один «Скорпион», но мы его отдали ЛВС, вместе с «Виверном», – пояснил Харальд, – Я взял себе «Орион», у Антонеллы опять «Шэдоу Хок», Масако выбрала «Уорхаммер». Что осталось тебе? «Тандерболт» подойдет? Естественно, если ты решишь остаться в команде.

– Минутку! – засопровтивлялся Аким, – Отсюда поподробнее. Группа «Альбатрос»? Я думал, это случайное сочетание агентов, выбранное для выполнения данного особого задания.

– Так и было, так и было, – подтвердил Гарри.

– Но мы так здорово справились, что Служба решила сохранить группу, – добавила Масако, – При условии, что ты согласен.

– Или нам придется искать другого летчика-каскадера, – сказала Антонелла.

– Не дождетесь, – заявил он. – Я здесь и здесь же пребуду. В смысле, в группе «Альбатрос».

– Несмотря на то, что ты в этом случае будешь вынужден летать в «Леопарде», без симуляционных окон в каютах? – озабоченно спросила Масако.

– Я более чем уверен, что этот кошмар меня больше преследовать не будет, – успокоил Аким друзей. – Я уже посидел в стальном гробу, в полной готовности сдохнуть в космосе, – вспомнил он. – Только космос меня выплюнул.

Он улыбнулся.

– Собственно, я и не возражаю.